НА ВЕЛИКОМ СЕВЕРЕ

Из истории
русских полярных
путешествий

В. и К. СТАНКЕВИЧ

Издание
The YMCA PRESS Ltd.
Американское издательство
1923

Типография Рудольф Моссе, Берлин

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Нет в мире страны более, чем Россия, связанной с севером и заинтересованной в нем. Достаточно сказать: сто сорок градусов полярного круга сплошь лежат на территории России, и большая половина берегов, омываемых Ледовитым океаном, принадлежит ей. И эта связь с севером не ограничивается приполярными пустынными областями. Климат почти всей России обусловлен метеорологическими событиями и условиями ледяных пустынь, самые большие реки России несут свои воды в северные моря, и экономическое развитие многих обширнейших областей прямо зависит от победы над севером, от установления по нему надежных и безопасных путей.

Но до сих пор Россия не всегда достаточно понимала значение севера. Несмотря на свои неограниченные возможности, она долгое время почти не участвовала в решающих экспедициях, приведших к достижению северного полюса и обследованию великих северных путей. Более того, даже чисто русские задачи — исследование северных областей и берегов России — были в значительной степени завершены усилиями ино-

странцев. Вспомним, что после полулегендарного Саввы Лошкина Новую Землю с севера впервые обогнул норвежец Иогансен, путь к Енисею через Карское море установлен норвежцем Карлсеном и англичанином Виггинсом, северо-восточный проход нашли и прошли впервые Норденшельд и Нансен, а области к северу от Новосибирских островов достиг впервые американец Де-Лонг.

Но и Россия дала целый ряд смелых мореплавателей, отличившихся в исследовании полярных стран. Однако, она сама не умеет достаточно ценить их. Кто у нас помнит имена супругов Прончищевых, братьев Лаптевых, Розмыслова, Пахтусова? Разве не понадобилось вмешательство шведа Норденшельда для того, чтобы географическими названиями увековечить имена русских отважнейших путешественников Дежнева и Челюскина? И разве не на наших глазах совершилась глубочайшая несправедливость по отношению к жизни и смерти замечательнейшего русского человека и мореплавателя Седова?

Но имеются признаки, что несправедливость по отношению к северу приходит к концу. Уже последние годы перед войной по размаху и количеству исследований напоминали эпоху большой северной экспедиции, когда впервые был пройден весь северный берег от Камчатки до Белого моря. И мы видим, что эти годы принесли замечательные, бодрящие и вызывающие стремление к дальнейшим исследованиям открытия. Хотелось бы надеяться, что как только внутренние силы России восстановятся окончательно, традиция смелых

исследований полярных стран будет воспринята молодым поколением русских моряков. Авторы настоящей книги будут рады, если ее чтение, освежая и воскрешая в памяти славные дела русских путешественников, пробудит действенный интерес к суровому, но такому могучему и просторному русскому северу.

Авторы книги считают своим долгом выразить особую искреннюю признательность участнику экспедиции Седова художнику Н. В. Пинегину за личные сообщения и предоставление рукописи книги, посвященной этой экспедиции. Книга эта, редкий и ценный документ, составленный художником - наблюдателем, влюбленным в север и умеющим ценить и понимать силу безотчетной тяги к далекому и неизвестному, послужила основой описания так несправедливо забытой и пренебреженной замечательной экспедиции Седова. Авторы надеются, что книга Пинегина в скором времени появится полностью в свет, и могут только посоветовать читателям при первой возможности ознакомиться с этим интереснейшим документом, который несомненно займет видное место в нашей небогатой полярной литературе.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

I. ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПОЛЯРНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ 9

Первое знакомство со «Студеным морем». — Морской путь в Мангазею. — Шесть лет в полярной пустыне. — Савва Лошкин. — Дежнев. — Первое плавание Беринга. — Большая северная экспедиция. — Малыгин. — Овцын. — Супруги Прончищевы. — Харитон Лаптев. — Челюскин. — Дмитрий Лаптев. — Второе плавание Беринга и Чирикова.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОЙ ЗЕМЛИ 30

Плавания голландцев и англичан. — Плавание Лошкина. — Чиракин. — Зимовка Розмыслова. — Пахтусов. — Первое новоземельское плавание и зимовка Пахтусова. — Вторая экспедиция Пахтусова и его смерть. — Экспедиция художника Борисова.

III. НА МОРСКОМ ПУТИ К ОБИ И ЕНИСЕЮ. 52

Неприступное Карское море. — М. К. Сидоров. — Плавание Крузенштерна. — Во льдах. — Гибель корабля. — Переход по льду. — Ветер относит льдину от берега. — Снова берег! — Спасение. — Завершение поисков пути к Енисею.

Стр.

IV. НА ВЕЛИКОМ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ МОРСКОМ ПУТИ 72

Норденшельд. — Нансен. — Таинственная земля Санникова. — Экспедиция Де-Лонга. — Подготовка экспедиции барона Толля. — Вынужденная зимовка. — Земли Санникова нет? — У острова Гордона Беннета. — Вторая зимовка. — В безвестный путь. — Поиски партии Толля. — Смелый план лейтенанта Колчака. — Вдоль Новосибирских островов. — На лодке по Ледовитому океану. — Остров Гордона Беннета достигнут! — Судьба партии барона Толля.

V. ПЕРВАЯ РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ К ПОЛЮСУ 97

Г. Я. Седов. — План полярной экспедиции. — Поддержка и критика. — Со всех сторон препятствия. — Начало плавания. — Повсюду льды. — «Св. Фока» на мели. — Зимовка у Панкратьевых островов. — Зимний быт и развлечения. — Новоземельские экспедиции Седова, Павлова и Визе. — Весть на родину. — Освобождение из льдов. — Снова всюду льды. — Пробились! — Нет топлива! — Вторая зимовка. — Лишения и болезни. — Седов уходит к северу. — Гибель Седова. — Плавание «Св. Фоки» к мысу Флора. — Встреча с Альбановым. — Сжигая корабль — через льды! — Освободились. — Значение экспедиции Седова.

Русские полярные экспедиции последних лет: Русанов, Брусилов, Вилькицкий. Поиски пропавших экспедиций.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 165

1. ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПОЛЯРНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ.

Первое знакомство со «Студеным морем». — Морской путь в Мангазею. — Шесть лет в полярной пустыне. — Савва Лошкин. — Дежнев. — Первое плавание Беринга. — Большая северная экспедиция. — Малыгин. — Овцын. — Супруги Прончищевы. — Харитон Лаптев. — Челюскин. — Дмитрий Лаптев. — Второе плавание Беринга и Чирикова.

Трудно установить точно, в какую именно историческую пору русское племя, тесня, покоряя и ассимилируя северные народы, дошло до берегов «Студеного моря». Уже древние новгородские летописцы сообщают о частых походах в «Заволочье», именем которого покрывались все северные области, лежащие за водоразделом между Волжским бассейном и бассейнами северных рек: водораздел этот новгородцы по обычаю своему проходили волоком, откуда и произошло это географическое название. Точно так же до нас не дошло никаких сведений о первом знакомстве с морем, к которому, очевидно, не легко было привыкнуть русскому человеку, с незапамятных времен жившему в лесах и степях и знавшему воду почти исключительно в виде спокойных и плавных рек. Здесь же на севере при-

шлось вступить в борьбу сразу не только с бурной водяной стихией, но и со стихией ледяной. Но быстро освоился русский человек с новой обстановкой. И уже издавна на далеком севере встречаем мы закаленных в борьбе с ледовитым морем поморов, отважных мореходцев, не боявшихся пускаться в своих утлых ладьях в самые рискованные плавания и даже установивших нечто в роде регулярного морского сообщения в таких областях, в какие с опаской ходит даже современный мореплаватель, бесконечно лучше вооруженный для борьбы с природой.

Из этих путей наиболее замечателен полуморской-полуречной торговый путь от северных берегов Европы к великим рекам Азии, к устьям Оби и Енисея, между которыми лежала богатая полулегендарная область Мангазея. Вот как описывает этот путь проф. Платонов:

— в «большое море-окиян» выходили из Северной Двины, из Холмогор, или из Кулойского устья (из р. Кулоя), или из «Пустоозера» (из Печоры) и «бежали парусом» в Карскую губу. В эту губу впадала речка Мутная, которая верховьями своими, через озера, сближалась с речкой Зеленой, текшей в Обскую губу. Между Мутной и Зеленой были «сухой волок, а сухого волоку от озера до озера с полверсты и больши, а место ровное, земля песчана». Перебравшись через волок, выходили Зеленой рекой в Обскую губу, не огибая полуострова Ялмала, и шли в Тазовскую губу, где уже была Мангазея. Путь этот тоже был не легок, и здесь встречались всякого рода трудности и «морем не-

проходимые злые места». Но морской ход давал возможность перебросить сравнительно большие грузы в относительно короткий срок. В то время, как сухим путем с Камы в Мангазею надо было идти два с половиной месяца, морским путем «поспеть от Архангельского города в Мангазею недели в полпяты мочно».

Имеются намеки, что русским мореплавателям того времени был известен и чисто морской северный путь, обходивший Ялмал с севера. Но в виду ненадежности и трудности плавания по Карскому морю такой путь не был обычным, и к нему, если и прибегали, то только в каких-либо чрезвычайных случаях.

Торговля этим путем достигла большого расцвета. В 1611 году англичане, пришедшие к устью Печоры, нашли там 26 лодок, отправлявшихся в Мангазею, но в этом году вынужденных вернуться обратно, вследствие неблагоприятного состояния льда. Известно также, что во время ярмарок в Мангазею с'езжалось до 2000 купцов. В это время Мангазея была золотым дном для русских предприимчивых людей. Русский европейский север уже был опустошен и обеднел. Там же, между устьями Оби и Енисея, были еще девственные просторы, обильные всякого рода пушниной. Особенно ценились купцами соболя, беличий мех, песцы, белые и голубые, и др. В обмен же привозились разные европейские товары, в том числе и английские.

Отметим, что расцвет морской торговли с Мангазеей продолжался недолго. Зоологические богатства края стали быстро истощаться, и каждая ярмарка становилась беднее предыдущей. Кроме того, морскому

пути был нанесен удар со стороны Москвы. Дело в том, что морским путем в Сибирь стали проникать в большом количестве иностранные товары, что вызвало большое неудовольствие русских торговцев в Сибири. Жалобы тобольских купцов становились все громче и настойчивее. В конце концов жалобы эти дошли до Москвы, и царь Михаил Федорович в 1620 году издал указ, запрещавший под страхом нещадного битья батогами плавание в сибирские реки морским северным путем. В виде полицейской меры на острове Вайгач была поставлена правительственная застава из 50 человек. Естественно, что с того времени Мангазея пришла в упадок, и северный водный путь к устью Оби был забыт. Продолжалась лишь ловля на Карском море, да небольшая торговля с самоедами полуострова Ялмала.

Коммерческие интересы и соображения наживы возбуждали предприимчивость русских поморов, как и мореплавателей всех других стран. Но если и по сухому пути в то время было опасно итти, то плавание по бурному Ледовитому океану всегда грозило неожиданными и часто гибельными приключениями. Бури отбрасывали утлые суденышки далеко от нужного курса, льды отклоняли их от прямого пути. Такими случайностями, вероятно, об'ясняется первое знакомство поморов как с берегами негостеприимной Новой Земли, так и с далеким Шпицбергеном. Одно из таких злоключений, относящееся к более позднему времени, занимает совершенно особое место в истории полярных исследований: никому иному, как русским морякам,

принадлежит рекорд продолжительности пребывания в полярных условиях без связи с родиной. Случилось это так. В 1743 году четыре помора — А. Химков, И. Химков, С. Шарапов и Ф. Веригин — пристали к берегу Шпицбергена. Неожиданно тронувшийся лед унес в море их судно, и они остались на берегу, лишенные всяких средств к существованию: у них имелось провизии всего на несколько дней, ружье с 12 патронами, огниво, топор, нож и котелок. К их счастью, на берегу находилась сложенная промышленниками изба. Из корня выброшенной ели они устроили лук, тетиву добыли из сухожилий белого медведя, убитого самодельными пиками. В течение шести лет они убили стрелами 250 оленей и множество песцов. Здоровье всех было хорошее, и лишь на шестом году заболел и умер от цынги Веригин. Наконец, в августе 1749 года подошло русское судно, на котором они добрались до Архангельска.

Опасности не только пугают, но и влекут к себе. И среди мореходов севера мало-по-малу выработался тип промышленников - искателей приключений, ходивших в далекие безвестные области отчасти в поисках обильного лова, но более для удовлетворения своей жажды к новому, невиданному. Такими искателями приключений были, вероятно, Юшков и Савва Лошкин, известные своими плаваниями на Новую Землю. Особенно знаменито имя Лошкина. Олончанин по происхождению, он часто кормщиком водил корабли к берегам Новой Земли. В 1767 году он, решив, что наиболее богатые районы для промыслов нахо-

дятся на восточном берегу Новой Земли, отправился туда. К сожалению, не дошло никаких подробностей об этом замечательном плавании. Известно лишь, что Лошкин провел две зимы на восточном берегу и на третий год, обогнув мыс Желания (старинное русское название его «Доходы») вышел к западному берегу. Таким образом, Савва Лошкин первый об'ехал кругом Новой Земли и доказал, что это остров. Подвиг его остается неповторенным до сих пор.

Среди героев этого, так сказать, стихийного периода русских географических путешествий, виднейшее место занимает казак Семен Иванович Дежнев, героическая фигура в полном смысле этого слова, изумительные географические достижения которого только в последнее время получили признание. Дежнев родился в 1615 г. в Великом Устюге, который, подобно многим другим русским северным городам, дал много выходцев и смелых искателей приключений, трудами которых Россия безмерно расширилась на север и на восток. Вначале Дежнев служил в тобольском, затем в енисейском остроге, но спокойная служба, повидимому, не удовлетворяла его; подвижной нрав тянул дальше от насиженных мест в области новые, неизведанные, беспокойные. Мы видим, что Дежнев забирается все дальше на восток, беря службы в диких, суровых местах, собирая ясак с полупокоренных инородцев, подвергаясь бесчисленным опасностям. На своем веку им было получено столько ран, что, можно сказать, живого места на теле не осталось. С 1638 года он переходит на службу в только что основанный самый

восточный якутский острог, где совершает постоянные походы для «приискания новых землиц и неизвестных рек». Дежнев сразу занял положение «начального человека». Особенно он стал на виду у начальства после 41 года. В этом году он усмирил восставших инородческих князьков, взял с них дань и сам повез казну в Якутск. По дороге небольшой отряд, состоявший всего из трех человек, подвергся нападению толпы тунгузов. Только неустрашимость, находчивость Дежнева и огнестрельное оружие спасли отряд и казну; но сам Дежнев был ранен в левую ногу. В один из своих служебных походов Дежнев по реке Индигирке вышел в «Студеное море» и имел возможность впервые познакомиться с Ледовитым океаном.

Но и эта служба у самых крайних пределов русского государства не удовлетворяла Дежнева, и его тянуло еще дальше на безвестный восток. Среди русских казаков и промышленников того времени ходило много легенд о богатствах, имеющихся дальше на востоке, особенно по легендарной реке «Агадырь», местоположение которой, однако, никому не было известно. Слухи эти побудили нескольких промышленников составить товарищество для поисков этой реки, а также залежей «рыбьего зуба», то-есть моржовых клыков. В качестве представителя правительства, а вместе с тем, вероятно, как пайщик товарищества, присоединился к предприятию и Дежнев и вскоре очутился во главе экспедиции. Задуманное предприятие было крайне смело — выйти в «Студеное море» и, плывя его берегами, отыскать

реку «Агадырь». Для этой цели снаряжено было шесть кочей, на каждом из которых имелось человек 30 экипажа. Для того, чтобы судить о смелости предприятия, надо иметь представление, что́ собой представляли тогдашние кочи. По сохранившимся описаниям иностранцев, мы знаем, что кочи не были похожи на обыкновенные европейские судна той эпохи. В виду отдаленности от культурных центров, судна эти делались самым примитивным образом. Вместо железных гвоздей и скоб, употреблялись деревянные гвозди, якоря тоже делались из дерева, к которому привязывался тяжелый камень, вместо полотняных парусов часто употреблялись сыромятные оленьи шкуры, а вместо канатов — кожаные ремни. Вот на таких судах решено было отправиться в плавание вдоль берегов безвестного и опасного моря.

В первый год плавание окончилось неудачно. Не успела флотилия выйти из реки Колымы, как непроходимые льды преградили путь, и казакам пришлось вернуться ни с чем. Но в следующем 1647 году образовалось новое товарищество, и экспедиция выступила снова. На этот раз Ледовитый океан был приветливее, льдов около берегов почти не было. Но во время бури три коча отстали, и их дальнейшая судьба неизвестна. Лишь впоследствии ходили легенды о том, что эти кочи достигли берегов Северной Америки и там основали колонию, которая существовала некоторое время, но что́ достоверно в этой легенде — сказать трудно.

Три оставшиеся коча под начальством Дежнева благополучно совершили плавание около берегов и в

августе вступили в пролив, отделяющий Старый Свет от Нового. Таким образом была разрешена одна из важнейших географических задач: ведь, географы того времени не имели никакого представления о том, где и как смыкаются Америка с Азией. Но для участников плавания, как и для их современников, значение этого открытия было неизвестно, и через 80 лет Беринг вынужден был наново совершить его . . .

Между тем, плавание Дежнева еще только начиналось. Он и не думал поворачивать назад, а шел дальше вдоль безвестных берегов. Около Чукотского носа, который он назвал Большим Каменным Носом, затонул один коч. Во время плавания по восточному морю страшная буря разделила оставшиеся два коча. Судьба второго коча, на котором были спутники и товарищи Дежнева Алексеев и Анкудинов, неизвестна. Предание рассказывает, что они добрались до Камчатки. Там вначале местные жители, не видавшие до того времени белых, приняли их за богов, которым человеческая рука не может причинить вреда, и покорно исполняли все приказания. Но это продолжалось недолго. Русские как-то передрались между собою, и инородцы увидели, что в драке они друг другу причиняли раны, из которых шла кровь. С этих пор они поняли, что пришельцы — не боги, и отказывались им долее служить. Через некоторое время вся партия погибла от лишений.

Иная судьба постигла коч Дежнева, который был выброшен бурей на берег, и 25 человек, составлявших его экипаж, в течение 10 недель шли по пустынному

берегу «холодны и голодны, наги и босы», пока, наконец, достигли устья реки Анадырь. Но состояние путешественников было отчаянное, и Дежнев говорит, что, придя к реке, «внизу близко моря с голоду мы бедные врозь разбрелись». Одна партия поднялась вверх вдоль берега, но почти вся погибла от стужи и голода, так что отряд Дежнева уменьшился до 12 человек.

С этим остатком своей недавно такой многочисленной экспедиции Дежнев умудрился каким-то образом перезимовать около устья Анадыри. Весною же он построил из выкидного леса лодку и отправился в плавание вверх по реке. На этом пути он достиг благополучно зимовья «анаульских людей», которых путешественники заставили платить ясак. Здесь Дежнев основал свое зимовье и стал помышлять, если не о том, чтобы вернуться назад, то хоть чтобы дать о себе весть. Но он не решался отправиться всей партией в неизвестное путешествие и не мог разделить ее, так как и без того у него было слишком мало людей для борьбы с довольно воинственным племенем чукчей. Так прошло все лето и зима 1649 года. На следующий год пришла, наконец, столь необходимая помощь в виде двух партий казаков, с которыми Дежнев, однако, не всегда хорошо ладил. Не мало было хлопот ему и со своими собственными людьми, которые не легко подчинялись требованиям дисциплины и порядка и постоянно переходили из одной партии в другую.

Целых десять лет пробыл Дежнев в этой дикой местности, делая разведки и поиски, сперва на казенной службе, а потом действуя на свою руку. Между

прочим, им была у устья Анадыри открыта мель, куда моржи собираются терять свои клыки, с громадными залежами этого ценного товара. Лишь в 1662 году вернулся он в Якутск, привезя с собой собранный на Анадыри ясак. Вскоре он был послан доставить в Москву 196 пудов мехов, моржевой кости и другой «государевой казны». Прибыв в Москву, Дежнев подавал челобитню об уплате ему жалованья, не выплаченного вследствие якутской «денежной и хлебной скудости». После удовлетворения этой просьбы, он обратился еще раз с просьбой назначить его сотником или «как тебе, великому государю, Господь Бог обо мне известит». В виду того, что все вакансии сотников в Якутской области были заняты, Дежнев был назначен Якутским атаманом с окладом «девять рублей деньгами, да хлеба семь чети ржи, да четыре чети овса, да два пуда с четью соли». О дальнейшей его жизни известно лишь, что он вернулся вскоре в Якутск, но о службе его в качестве атамана никаких сведений не сохранилось. На замечательное географическое открытие, сделанное Дежневым, обратили внимание лишь через сто лет. И только в 1919 году, по инициативе Норденшельда и по предложению русского географического общества, мыс, который раньше назывался Восточным, переименовали в честь мореплавателя, впервые обогнувшего его, в мыс Дежнева.

* * *

Вслед за этим стихийно-бессознательным периодом русских морских путешествий, начался период дей-

ствительно научных исследований, и русские географические изыскания сразу на первых же порах получили прямо-таки грандиозный размах, дав содержание эпическим путешествиям так называемой б о л ь ш о й с е в е р н о й э к с п е д и ц и и.

Началом этой экспедиции можно считать уже первое плавание Беринга. Б е р и н г, родом датчанин, родился в 1680 году в Ютландии. Он был одним из тех иностранцев, которых так охотно приглашал к себе на службу Петр Великий, и уже в 1704 году мы видим его мичманом русского флота. Во время шведской войны служба его протекала на Балтийском море; когда началась война с турками — он был переведен на новый театр военных действий, на Азовское море, и с малым перерывом до самой смерти находился уже на русской службе, участвуя в бесчисленных экспедициях, плаваниях и походах.

Но самое известное плавание Беринга совершено было с научными целями. Петра I давно занимал вопрос, на который его внимание обратили русская и парижская Академии Наук: соединяются ли берегом Америка и Азия, или они отделены проливом? О путешествии Дежнева тогдашние географы ничего не знали. Для этой цели Петр снарядил экспедицию под командой Беринга. Петр сам написал инструкцию Берингу: «1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами. 2. На оных ботах итти возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется та земля часть Америки. 3. Для того искать, где оная сошлась с

Америкой; и чтобы доехать до какого города европейских владений и ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оный кюст называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, самим приезжать сюда. Петр»

Экспедиция, состоящая из ста человек, собралась в Вологде. В июле 1727 года она достигла Охотска, а через год вышла из устья Камчатки в море. Беринг благополучно достиг пролива, названного впоследствии его именем, и убедился, что берег исчезает с обеих сторон, так что, очевидно, Америка не может соединяться с Азией. Это предположение было подтверждено рассказами чукчей, сообщавших, что берег Азии идет все дальше на запад. Установив это, Беринг повернул назад к зимовью и затем, в 1730 году, вернулся в Петербург, где был награжден чином и денежной наградой в 1000 рублей.

Но в научном мире результатами Берингова путешествия остались не вполне довольны. Ему ставилось в вину, что он не снял карты с берегов Азии и Америки, не исследовал сам направления берегов и не вошел в Ледовитый океан, чтобы узнать, каково состояние его для плавания. Поэтому результаты его плавания не считались окончательными.

Но и сам Беринг понимал, что еще многие вопросы подлежат разрешению, и предложил правительству чрезвычайно обширный план географических исследований всех северных берегов от Белого моря до Камчатки. Императрица Анна Иоанновна в 1732 году велела Се-

нату рассмотреть предложение Беринга. Сенат одобрил его проект, и таким образом была назначена вторая Камчатская экспедиция, целью которой было проплыть в Америку, исследовать берега Ледовитого океана от Двины до Чукотского Носа и найти устья Амура для торговых сношений с Японией. Конечно, нельзя было и думать поручить выполнение всего этого плана одному отряду. Инструкция, составленная Адмиралтейств-Коллегией, разделила северный берег на участки, исследование которых было поручено отдельным партиям: 1. От Архангельска до устья Оби; 2. от устья Оби до Енисея; 3. от устья Лены на запад до Енисея; 4. от Лены на восток до Колымы и, если окажется возможно, дальше; 5. морские плавания от Охотского моря в Японию и Америку.

Как видим, план был намечен широкий. Только эпос поисков Франклина дает нечто похожее на тот размах, с которым русское правительство взялось за изучение своих северных и восточных берегов. Экспедиция была рассчитана на шесть лет. К ее работам привлечены были лучшие морские офицеры того времени, отправленные к исходным пунктам вместе со своими семьями. Точно так же первоклассные ученые-натуралисты были мобилизованы для участия в экспедиции и описания исследуемых областей. Для нужд экспедиции решено было создать целую сеть магазинов и складов, проложить специальные дороги, организовать новую линию почты, связывающую Петербург с самыми далекими окраинами России. Конечно, далеко не все эти мероприятия оказались удобоисполнимыми, и многое оста-

лось только на бумаге. Особенно препятствовало экспедиции недружелюбие местной администрации, которое доходило до того, что самому Берингу пришлось в Охотске вести почти вооруженную борьбу с местным охотским начальником, при чем дело доходило до вооруженных столкновений, захватывания в плен людей «противника» и пр. Точно так же взаимоотношения членов экспедиции часто оставляли желать многого, особенно в виду отсутствия у Беринга качеств, нужных начальнику, и принципа коллегиальности, который был установлен инструкцией. Тем не менее, почти все главные задачи, поставленные экспедиции, были выполнены. И это свидетельствует не только о бесспорной мощи русского правительственного механизма, но и о высоких личных качествах участников экспедиции, которыми было проявлено столько мужества, выносливости, самопожертвования, что имена важнейших участников — Беринга, Чирикова, Малыгина, Прончищевых, Овцына, братьев Лаптевых, Челюскина — поистине могут быть украшением в мировой истории полярных исследований.

Уже наиболее легкие участки пути до Оби и Енисея потребовали серьезнейших усилий и жертв. Опись берегов от Архангельска до Оби была первоначально поручена лейтенантам Муравьеву и Павлову. Но этот выбор был неудачен. В первый год, несмотря на то, что Карское море было открыто, они рано вернулись к зимовке. В следующее лето Карское море было уже непроходимо. А тут ссоры между начальниками достигли такой степени, что об успешности работ нельзя

было и думать. В конце концов, оба они были преданы суду и «за многие непорядочные, леностные и глупые поступки» разжалованы в матросы. На их место был назначен лейтенант Малыгин. С большими трудностями, перетерпев крушение, подвергаясь опасности погибнуть от напора льдов, лейтенант Малыгин в два последовательных лета завершил поставленную ему задачу и, впервые обогнув Ялмал с севера, вошел морским путем в Обскую губу, определяя очертания берегов. Для более точной и подробной описи Малыгин отправил обратно тем же путем своего помощника Скуратова, который также в два года после многих трудов и лишений добрался до Архангельска.

Исследование пути от Оби до Енисея досталось лейтенанту Овцыну. В течение двух лет он пытался пробраться назначенным путем, и каждый раз вынужден был из-за непроходимого льда возвращаться назад. После второй попытки, он поехал в Петербург доложить Адмиралтейств - Коллегии о результатах. Там охотно пошли на все его требования, но от исполнения задачи не освободили, наоборот, строго-настрого приказали: «а без окончания в совершенстве оной экспедиции возвращения не будет». И опять в течение двух лет пробивался Овцын через льды, пока, наконец, 16 августа 1737 года он обогнул северный мыс полуострова, разделяющего устья Оби и Енисея, и вошел в Енисейскую губу, а вскоре достиг устья Енисея. Там экспедиция нашла ожидавших их проводников и отправилась вверх по течению. Рано наступившие морозы заставили ее зазимовать в нескольких верстах от Туруханска. Но Овцын

напрасно рассчитывал на признание своих заслуг. По дороге в Петербург он был арестован по доносу за дружеское обращение с князем Долгоруким, находившимся в ссылке, был судим, разжалован в матросы и присоединен к Охотскому отряду Беринга.

Так были разрешены наиболее близкие центру и наиболее легкие задачи. Значительно сложнее было исследование побережья Ледовитого океана к востоку и западу от Лены.

Исследование побережья от Лены до Енисея было поручено Прончищеву, с которым отправилась в путешествие, деля все труды и лишения, его жена. В первое лето экспедиция достигла устья реки Оленека. Попытка продвинуться дальше не удалась, и в виду позднего времени вернулись к реке Оленек и там устроили зимовье. В следующем 1735 году, как только море освободилось, отправились снова к западу и дошли до устья залива Хатанги. Оттуда продолжали путь дальше, пробираясь «через великую нужду» между льдами, так как часто между берегом и ледяными полями оставалось всего несколько саженей. В некоторых местах у берегов стоял лед, не растаявший и не ломавшийся в течение всего лета. 19 августа достигли 77° 29′ северной широты, самого отдаленного пункта, который когда-либо до того времени был достигнут в этих областях. Но дальше итти уже было невозможно. Слева был нетронутый лед, спереди и справа — плавучий, а позади тоже собиралось много льда и была опасность, что не удастся из него выбраться. Тогда Прончищев, больной с начала кампании, собрал в каюту обер-

и унтер-офицеров и «по консилиуму с ними, определил за невозможностью продолжать плавание возвратиться назад». Сперва предполагали остановиться на зиму в Хатанге, но оказалось, что там «жила никакого нет, также и лесу мало». Поэтому стали пробираться между льдов к прежней зимовке у Оленека. Уже перед самым устьем реки ветры с моря нагнали столько льду, что выйти не было возможности, и пришлось простоять в море целых семь дней.

Во время этой вынужденной стоянки Прончищев скончался. Через пять дней за ним последовала его жена. Оба они похоронены вместе у устья Оленека.

Заместителем и продолжателем дела Прончищева был назначен лейтенант Харитон Лаптев, который к 1742 году закончил поручение, описав берега от Лены до Енисея. Однако, он не был в состоянии обогнуть Таймырский полуостров берегом моря, а миновал его, проехав напрямик сухим путем. Таймырский же берег был описан по частям отдельными вспомогательными партиями, пробиравшимися туда по тундрам на санях. Из этих замечательных путешествий наиболее значительно открытие самой северной конечности Старого Света. Этот пункт был достигнут штурманом С. И. Челюскиным, который проник туда 7 февраля 1742 года, выехав на нартах через Хатангу. Челюскин вполне точно определил географическое положение и описал этот мыс, названный тогда Северо-восточным, а ныне известный под именем Челюскина мыса. Партия Челюскина вполне благополучно вернулась, встретив на пути около реки Таймыри шедшего ему на

встречу Лаптева. Этим подвигом Челюскина кончалась опись берегов к западу от Лены и связывались воедино работы Малыгина и Овцына с работами Прончищева и Лаптева.

В это время брат Харитона, Дмитрий Лаптев, сменивший погибшего Ласиниуса, пробивался все дальше к востоку от Лены, но ему не удалось проникнуть много восточнее устья реки Колымы и через открытый Дежневым Берингов пролив дойти морским путем до Камчатки — всякий раз путь преграждали непроходимые льды. Поэтому он, по примеру брата, миновал наиболее трудную часть пути и проехал по суху к реке Анадыри и Берингову или, как тогда называли, Бобровому морю.

В стороне от этих работ стоят труды и приключения инициатора этой экспедиции и ее номинального начальника Беринга. В виду материальных трудностей и распрей с местным сибирским начальством, Беринг вместе со своим талантливым помощником Чириковым отправился в плавание только в 1740 году. Но и в этом году он ограничился исследованием берегов Камчатки. Там он между прочим открыл Аначинскую бухту, одну из удобнейших гаваней в мире, в которой положил основание городу Петропавловску (по имени двух своих кораблей «Петра» и «Павла»). В плавание для отыскания берегов Америки он отправился только в 1741 году. Буря разделила экспедицию. Чириков на «Павле», а Беринг на «Петре» совершали плавание разными путями, но в общем с теми же результатами. Оба корабля побывали у берегов

Америки, открыли ряд островов Алеутского архипелага и подвергались чрезвычайным бедствиям и лишениям. Но Чирикову удалось в том же году вернуться к Петропавловску. Судьба же Беринга сложилась трагичнее. В виду недостатка воды, ему пришлось во время бури почти что выброситься на берег около острова, названного впоследствии его именем. На остров этот никогда еще не ступала нога человека. Животные — бобры, песцы, морские коровы — совершенно не боялись людей. Но половина экипажа Беринга, истощенная лишениями и цынгой, умерла. Сам Беринг скончался на этом острове. Остальные мореплаватели, перезимовав на острове, весною соорудили из остатков корабля новое судно и на нем вернулись в Камчатку, где их считали уже погибшими. Оказалось, что Чириков за время своего плавания тоже проходил мимо острова Беринга, но с другой стороны, и не мог видеть бедствовавших там людей.

Гибелью инициатора и руководителя кончилась большая северная экспедиция. Задачу свою она выполнила почти до конца. Десятилетними усилиями целой плеяды талантливых и мужественных путешественников впервые были выяснены очертания, устройство и климатические условия великого северного побережья. И если теперь, после удачных плаваний Норденшельда, Нансена, Толля и Вилькицкого, нас может удивить некоторая медлительность, с какой продвигались участники большой экспедиции, то не забудем, что в их распоряжении не было пароходов, как «Вега», или «Фрам», или ледоколов, как «Вайгач» и «Таймырь», а

простые, плохо сколоченные хрупкие парусные барки, более приспособленные к речному, чем к морскому плаванию, что они должны были впервые сами вырабатывать методы полярных исследований, не имея никаких предшественников, что в их распоряжении не было современных магазинных ружей для охоты или керосинных примусов для согревания и варки пищи, и, главное, они не имели питательных консервов и современных средств против цынги. Припомнив все это, мы невольно отдадим дань удивления этим пионерам и, так сказать, «классикам» в исследовании русского Севера.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОЙ ЗЕМЛИ.

Плавания голландцев и англичан. — Плавание Лошкина. — Кормщик Чиракин. — Зимовка Розмыслова. — Пахтусов. — Первое новоземельское плавание и зимовка Пахтусова. — Вторая экспедиция Пахтусова и его смерть. — Экспедиция художника Борисова.

В поисках морского пути в восточные страны отважные голландские и английские мореплаватели в XVI и XVII веках направились к северо-востоку. Не лежит ли краткий и удобный путь к сокровищам Индии и Китая вдоль северных берегов Европы? Не удастся ли обогнуть Азию с севера и сразу войти в область теплых и богатых восточных стран? Два раза плыл в этом направлении великий Гудзон, несколько раз водили туда свои корабли Наи, Баренц и другие знаменитые капитаны. Но всякий раз им приходилось возвращаться назад. Северный путь к востоку преграждала большая земля, длинным дугообразным барьером вытянувшаяся от тундр материка на юге до области вечных льдов на севере. Южные проходы в этом барьере вводили мореплавателя в Карское море, почти всегда полное непроходимых льдов. Попытки же обогнуть землю с севера — кончились знаменитой зимовкой Баренца,

рассказы о которой надолго отпугнули путешественников от поисков северо-восточного пути.

В результате этих плаваний, в Европу проникли сведения о громадной пустынной земле на север от Московии. И хотя все путешественники единодушно называли эту землю русским именем Новой Земли и в своих описаниях упоминали, что на ее берегах даже далеко к северу они находили жилища и кресты русских поморов, все же русские географы долгое время все свои сведения о самом большом русском острове черпали из иностранных источников.

Дело не изменилось и после большой северной экспедиции. В ее обширной программе исследований места для Новой Земли не оказалось, и до конца XVIII века она была в буквальном смысле слова «terra incognita». Не зная географических очертаний Новой Земли, многие считали ее целым обширным северным материком, соприкасающимся с Таймырским полуостровом, и многочисленные легенды ходили о ее богатствах драгоценными камнями и рудами.

Но вот во второй половине XVIII столетия полулегендарный Савва Лошкин по своему почину и на свои средства обошел кругом Новую Землю и привез сведения, что это не материк, а остров. Вслед за тем кормщик Чиракин, искавший по поручению купцов ценных минералов, привез сведения, что Маточкин Шар — пролив, делящий Новую Землю на два острова. И лишь тогда все еще на половину на частные, на половину на казенные средства была снаряжена первая научная новоземельская экспедиция.

Экспедиция эта вышла в плавание в 1768 году под начальством Розмыслова, которого сопровождал Чиракин. Не успев выполнить своей задачи в одно лето, экспедиция принуждена была остаться на Новой Земле на зимовку. Из плавника и развалин старой промышленной избы были устроены два жилья, и в них провели путешественники долгие месяцы стужи и тьмы.

Зимовка сложилась тяжело. «Зима, — писал Розмыслов, — происходила весьма крепко морозна, снежна и вихревата, ветры постоянно дули, почти все от NN; снеги весьма глубокие, так что жилище наше занесено было двойным снегом, сколь оная высоту имела. И беспрестанная ночь при нас находилась с ноября первого по февраля первое число; итак, в помянутых трех месяцах мы уже не находили света ни мало, и думали протчие, что уже не лишились ли дневного света на веки. И так мы во оной пустыне продолжая время свое весьма в худом здоровье, ибо беспрестанной был дым от отопления и сверху всегдашняя была капель и холод, для пропитания воду получали от снега, которая приносила нам великое удушье и кашель; а для прохаживания людям за вышеописанным снегом имели время малое».

Вскоре начали развиваться болезни. Первым заболел Чиракин. В ноябре он уже скончался после мучительной болезни. Вскоре стали заболевать и другие люди, страдая цынгой и «теснячкой в грудях». 31 января погиб один охотник. Вот как этот день описан Розмысловым: «С утра ветры тихи. Работник

Колызанов, присмотря близ его живущей избушки стадом ходящих оленей, для которых в рассуждении благополучной погоды вознамерился итти, дабы получить сколько из оных Всевышний определить изволит в пищу находящихся трудных для лутчаго в здоровье поправления, взяв с собой от меня прежде данное казенное ружье. И по отбытии ево через мало время сделался вдруг жестокой ветр и курева снега, который закрыл своею темнотою глаза, дабы видеть человека за 10 саж.; отчего наш определенный к смерти промышленник через сутки уже назад невозвратился, отчего и положили считать его в числе мертвых без погребения».

С наступлением весны число больных стало быстро увеличиваться, и наиболее слабые умирали один за другим. Но это не остановило Розмыслова, и весной, взяв с собой всех здоровых, оставив судно и больных «на милость Сына Бога Всевышнего», он продолжал исследование Маточкина Шара. Между прочим, Чиракин перед смертью сообщил Розмыслову свою тайну, что на одном месте берега Новой Земли он нашел большой камень чрезвычайной красоты. Розмыслов весною отправился на поиски этого камня, но «множество их обошед, и ни один, кроме своего дикого цвета, никакой отмены не показал; и так его оболгание явно видится, ибо как, по его об'явлению, почти за алмаз почитаемый камень, мог бы скорее и легче в пользу получить, нежели свои трудные промысла употреблять». Нынешние исследователи думают, что Чиракин не обманывал, но он ошибся, приняв за драго-

ценный камень большую друзу горного хрусталя, которая, при всей красоте, не имеет почти никакой цены.

В июле, после того, как «от идущих с гор ручьев» вынесло весь лед с залива, где стояла кочмара, Розмыслов стал готовиться к навигации, но за зиму плохонькое суденышко очень пострадало и имело сильную течь. Материала для надлежащей починки не было. Поэтому просто вырубали гнилые места и законопачивали пенькой, а где невозможно, так заделывали смесью глины с отрубями и ржаной мукой. Но и после этого «течь не весьма успокоилась». В конце июля заболел сам Розмыслов, и болезнь не покидала его уже до возвращения в Архангельск. Начальство над экспедицией принял подштурман Губин.

После починки судна, экспедиция направилась не обратно в Архангельск, а, найдя Карское море свободным от льда, совершила попытку пробраться морем до устья Оби. Но, отойдя от берега на 60 верст, судно оказалось со всех сторон окруженным льдом. Между тем, от столкновения с льдинами судно получило повреждения, и течь, не прекращавшаяся все время, значительно усилилась. Поэтому пришлось поскорее возвращаться к Маточкину Шару.

К этому времени состояние экспедиции было более, чем бедственно. Как раз в день возвращения к Новой Земле умер еще один промышленник, уже восьмая жертва по счету, так что из четырнадцати человек в живых находилось всего шестеро. Но и из этих шести Розмыслов был трудно болен, заболел и Губин, по счастью не тяжко, да и остальные были до

крайности изнурены. Судно же едва держалось на воде. Видя это, «все пришли в немалое отчаяние», так как приходилось готовиться ко второй зимовке, которая должна была кончиться гибелью всех. К счастью, к месту стоянки подошло промышленное судно. Экспедиция покинула свою ветхую кочмару и вернулась в Архангельск.

Остатки экспедиции были спасены. Спасены и результаты ее: исследование Маточкина Шара, наблюдения над Карским морем, опровержение легенд о минеральных богатствах Новой Земли, систематические наблюдения над климатом и погодой.

Рассказы о лишениях зимовки Розмыслова надолго отпугнули исследователей. И когда в 20-тых годах XIX века правительство снарядило экспедицию под командой Литке на специально построенном бриге «Новая Земля», то инструкция гласила: ни в коем случае не оставаться на зимовку. Четыре раза отправлялся Литке в плавание, но каждый раз осенью возвращался домой. Ему все же удалось в общих чертах установить очертание западного берега Новой Земли. Но наблюдения его не могли отличаться ни тщательностью, ни точностью.

Зато действительно значительный шаг в исследовании Новой Земли сделан был П. К. Пахтусовым, русским моряком, которого Норденшельд считает одним из замечательнейших полярных исследователей всех стран и народов.

Петр Кузьмич Пахтусов родился в 1800 году в Кронштадте. Отец его, бедный отставной шки-

пер, умер, когда мальчику было всего 7 лет. Мать его переселилась в Архангельск, и там мальчик рос, с ранних лет познакомившись с нуждой и лишениями. Воспитание он получил в военно-сиротском учебном заведении. В виду бедности, мальчику приходилось для покупки книг и учебных пособий собирать щепу на берегу моря и продавать ее или выменивать на бумагу и перья у портовых писарей. Но мальчик рос богатырем, был силен не по летам и скоро пристрастился к морю.

На сколоченные промыслом щепы маленькие деньжонки Пахтусов раздобылся лодкой. И вот настало приволье предприимчивому мальчику. Один-одинешенек отправлялся он зачастую далеко, верст за 50 от Архангельска, на взморье, попадая в бури, штормы, борясь с волнами, ветрами, занимаясь ловлей рыбы и охотой на птиц. Часто приходилось ему проводить ночи одному в открытом море, не имея защиты от северного ветра, кутаясь только в свою скудную казенную одежонку. Все это ознакомило его с морем, закалило характер, приучило к опасностям и к пренебрежению к неудобствам. Кроме того, он стал отличным стрелком и превосходным пловцом.

Но он не забрасывал и учения и за успехи был переведен в Кронштадтское Штурманское училище, куда путешествие совершил морем вдоль берегов Скандинавии. На следующий год он совершил плавание к берегам Испании. На обратном пути судно потерпело крушение у мыса Скагена, и вместе с другими спасшимися Пахтусов попал в Копенгаген, где провел затем

всю зиму и только в 1819 г. вернулся в морское училище. По выходе же из училища, Пахтусов получил звание штурманского помощника и вскоре имел случай ближе познакомиться с суровой северной природой, так как был назначен в экспедицию по описи реки Печоры и берега Ледовитого океана до о. Вайгача. Во время этой экспедиции, продолжавшейся три года, он коротко познакомился с суровой северной природой, и уже тогда зародились в нем мысли об исследовании неизведанных далеких областей севера, об экспедиции к восточным берегам Новой Земли. Но до осуществления этой мысли было далеко, и еще целых десять лет Пахтусов занимался исследованием берегов Ледовитого океана от Печоры до Белого моря, а затем и самого Белого моря. Лишь в 1829 году он разработал проект Новоземельской экспедиции и подал его начальству. Начальство одобрило проект, но средств на осуществление его не отпустило. Пахтусову, однако, удалось заинтересовать частных лиц, между прочим, богатого архангельского купца Брандта, обеспечившего предприятие с денежной стороны. За это они выхлопотали себе привилегию двадцатипятилетнего свободного промысла зверей в океанских водах и рассчитывали, что в новых областях, куда промышленники еще не ходили, они встретят районы, богатые дичью.

Несмотря на то, что экспедиция отправлялась на частные средства, она была снабжена не плохо. Небольшой, но крепкий бот был построен специально для плавания, по рисункам самого Пахтусова. Кроме того,

считаясь с возможностью зимовки, было условлено, что к берегу Новой Земли будет доставлена в разобранном виде готовая изба. Вся экспедиция состояла из 10 человек. Провизии было взято с собой на 14 месяцев. Кроме обычного морского пайка, были добавлены продукты для улучшенного питания и перемены пищи.

Плавание Пахтусова началось 1 августа. Но лишь 13-го числа увидел он южный берег Новой Земли: задержали крепкие встречные ветры, туманы и льды. Но и около берегов Новой Земли сплошные массы льда преградили путь в востоку. Пахтусов сделал все, что мог, пользуясь всякой лазейкой, лавируя среди льдов, борясь со встречными ветрами и даже ведя карбас бечевой, чтобы только продвинуться вперед. Когда же льды смыкались неприступной стеной, он делал описи и промеры, дополняя и исправляя существующие карты. Но и море и погода были мало благоприятны, и, жалуясь на то и другое, Пахтусов писал в своем дневнике: «Частые неудачи в описи от туманов, дождей и большею частью от льдов делали положение наше для меня несносным. Мысль, что, несмотря на раннее еще время, придется нам еще зимовать, не увидев восточного берега, меня крайне беспокоила. Только примеры предшествовавших экспедиций в полярные страны несколько ободряли меня. Я знал, что и в позднюю осень Карские ворота бывают иногда чисты ото льда».

Однако, 31 августа, пройдя в 19 дней всего 35 верст и достигнув бухты Каменки, Пахтусов понял,

что в этом году восточного берега ему не увидеть, и он решил остаться тут на зимовку.

Изба, на прибытие которой в разобранном виде Пахтусов рассчитывал, из Архангельска доставлена не была. Пришлось сооружать жилище из найденных развалин промышленного дома и выкидного леса. Но и во время постройки избы Пахтусов продолжал научные работы, делая небольшие раз'езды в разные стороны. Но это становилось с каждым днем труднее. Пахтусов писал:

«Эти раз'езды на 6 или 7 верст от избы продолжались 8 дней, нередко в сырую погоду, и не всегда удавалось нам просушивать намокшую одежду свою. Многие из служителей стали чувствовать грудную боль и другие приступы болезни. Мне известно было, что неопрятность первый повод к цынге, но в настоящее время, раньше построения избы, не мог я восстановить надлежащей чистоты. Впрочем, справедливость заставляет сказать при этом случае, что вся наша команда переносила все трудности без малейшего ропота или лености; люди все были веселы и нередко шутили над своим положением». Сам Пахтусов был всегда впереди других, употребляя такую же пищу, как все, лично участвовал в самых трудных работах и отличался присутствием духа, веселым настроением, внушал доверие и бодрость другим.

С середины сентября работы по производству описи пришлось прекратить, и началась зимовка, десятимесячный период невольного безделья и томительного ожидания. К этому времени изба была уже готова.

Она была поставлена на окладных бревнах найденной промышленнической избы. На постройку ее был употреблен собранный выкидной лес, состоявший из елей, лиственниц, пихты, осины и сосны. Она занимала пространство 13 фут. в длину и ширину, при высоте стен в $5^1/_2$ фут. и в середине до 7 фут. Пазы в стенах были законопачены мхом, а на крышу накидан песок, щебень и бревна. В одном из углов избы стояла печь, сработанная из привезенных с собою кирпичей, от стен шли нары, а посредине стоял стол. Рядом с избой была построена русская баня, и пространство между ними, забранное досками, парусами, бочками и ящиками с провизией, служило сенями.

Излишней комфортабельностью или гигиеничностью это жилище не отличалось. О сырости в ней Пахтусов рассказывает:

«На третий день после переборки нашей в избу из мха в пазах стен местами показалась трава: и недели через две некоторые стебли ее были длиною до 8 дюймов. Во все время пребывания нашего на Новой Земле мы не видели зелени, да и впоследствии не случалось видеть такой большой и свежей. Однако, мы не могли радоваться превращению избы нашей в оранжерею и по возможности старались очищать стены от этого украшения».

Несмотря на плохое устройство избы, на холод жаловаться не приходилось. И большую часть дня можно было в ней сидеть в одних рубахах. Угара также не было. «Зато сырость и особенно спертый воздух бывали иногда нестерпимы. Книги наши и пла-

тье, лежавшие на нарах, весьма скоро покрылись плесенью, и надобно было по временам просушивать их. Прохаживаться в избе не было возможности по тесноте; между нарами оставалось пространства только $2^1/_2$ фута шириной, и тут стоял стол и прочая утварь».

С ноября окно избы покрылось таким толстым слоем льда, что оно уже не пропускало даже слабых остатков света зари, поэтому было заколочено, и с тех пор огонь поддерживался в избе днем и ночью. До конца декабря зимовка прошла вполне благополучно, больным был только один матрос, который не мог участвовать в трудных работах. «Прочие люди были совершенно здоровы, но румянца в лице никто из них не имел. Это, конечно, происходило от тяжелого воздуха и тесноты нашего жилища; в избе не иначе можно было поместиться, как сидя или лежа на нарах».

Поселясь в зимовье, Пахтусов установил строгий надзор за чистотой в избе и регулярным образом жизни; то и другое было необходимо для сбережения здоровья команды. Последняя была разделена им на вахты, по два человека в каждой, которые ночью обязаны были следить за огнем и песочными часами, а днем осматривать судно и внешнюю сторону избы и сеней. Спать позволялось только ночью и не более 8 часов. Так как прохаживаться в избе, по тесноте ее, было невозможно, то выходили гулять наружу, ставя ловушки для песцов и лисиц, и лишь в очень дурную погоду прогулка отменялась. Сидя в избе, каждый был занят какою-либо работой — то починкою пла-

тья, то снаряжением орудий для промысла зверей, то приготовлением пищи и проч. В свободное премя велись рассказы о былых приключениях и похождениях, которых у каждого, как промышленника по профессии, было достаточно, а иногда пели и песни. В праздничные дни бывала общая молитва. Пища для всех была одинакова, умеренная и распределена регулярно: утром около 5 часов пили чай или сбитень, около 8 немного завтракали, в 12 обедали и вечером часов в 6 ужинали, а иногда пили только чай. Водка выдавалась только после трудных работ или в ненастные дни после прогулки.

С наступлением нового года все дрова, собранные осенью из плавника, были израсходованы, и топливо приходилось собирать далеко от избы, выкапывая изпод снега и доставляя с большими затруднениями на расстояние иногда свыше 5 верст. Но уже 9 января в полдень показалось солнце, которое отсутствовало 65 дней.

В конце февраля месяца начали показываться первые проталинки, а с половины марта Пахтусов с тремя матросами вышел в первый раз на опись и в течение апреля и мая описал всю прилегающую местность. Работа эта не была ни легкой, ни безопасной. После зимовки все чувствовали себя ослабевшими и изнемогали уже от коротких переходов. Ослепительно яркий снег вызывал мучительную «снежную болезнь» глаз. Бури и вьюги налетали неожиданно, и одна вьюга чуть не окончилась печально для Пахтусова. Она захватила его в 40 верстах от зимовья

и была так сильна, «что невозможно было не только предпринять дальнейший путь, но даже стоять на ногах, и продолжалась трое суток, почему мы и принуждены были лежать все время в снегу, не имея возможности даже говорить между собой; от замерзания же спасали себя единственно только бывшею на нас теплою одеждою самоедов».

С конца мая появилась дичь, и с нею свежее мясо, подкрепившее силы всех. А в июне Пахтусов на маленькой лодке с двумя гребцами обогнул мыс Меньшикова и начал опись восточного берега. Пахтусову приходилось часто плыть мимо двигающихся льдин, иногда перетаскивать лодку через льдины, бороться со свежим ветром и частыми шквалами, со снегом и дождем. Таким образом он обследовал берег на 150 верст от стоянки судна. Вернувшись к зимовью, Пахтусов нашел море уже свободным от льда и на этот раз без труда прошел с карбасом в Карское море и исследовал восточное побережье Новой Земли до Маточкина Шара.

В Маточкин Шар Пахтусов вошел 13 августа. И перед ним открывалась заманчивая возможность плыть дальше к северу. Но из его экипажа четверо уже умерли, а из оставшихся 6 человек здоровых было всего только двое. И, после мучительного колебания, Пахтусов решил возвращаться домой.

Но и возвратное плавание оказалось не легким. На море жестокие бури и штормы бросали, как щепку, беспалубное суденышко, ежеминутно грозя затопить. Целыми днями приходилось, отказываясь от управления судном, отдаваться на волю волн и ветров. Нако-

нец, 3 сентября, уже неподалеку от Печоры, пришлось выброситься на берег, так что с трудом удалось спасти карты, журнал и инструменты.

Результаты этой экспедиции были весьма значительны. До Пахтусова еще никто не производил научного обследования восточного берега. Его протяжение и очертание никому не были известны, и на картах этот берег изображался в виде белой полосы с надписью: «Неизвестная земля». Пахтусов не только показал, что этот берег доступен, но дал уже точную карту значительного протяжения его.

Сам Пахтусов, однако, не удовлетворился этими результатами и решил отправиться еще раз в путешествие для того, чтобы закончить с'емку всего восточного берега Новой Земли и, если окажется возможным, обойти ее с севера. Поэтому, немедленно по прибытии в Архангельск, он выехал в Петербург хлопотать о назначении второй экспедиции. В течение этой зимы, на ряду с официальными хлопотами и переговорами, он старался пополнить недостаток своего образования, занимаясь, главным образом, минералогией и ботаникой.

Правительство приняло планы Пахтусова и отпустило средства для снаряжения экспедиции, которая и отправилась в следующем 1834 году. На этот раз экспедиция Пахтусова была целиком снаряжена на казенные средства, и Пахтусову были даны два судна. Одно он назвал: «Лейтенант Кротов», в честь своего товарища, погибшего на поисках прохода к Енисею, и второе: карбас «Казаков». Всего в экспе-

диции было 17 человек. Между ними отличался капитан карбаса «Казаков» Циволка, впоследствии продолжавший самостоятельное исследование Новой Земли, и фельдшер Чупов, много помогавший Пахтусову во время тяжелых дней повальных заболеваний цынгой. Провизии было взято на 16 месяцев. Между прочим, в качестве нововведения была взята сушеная телятина и кислый творог.

В общем, вторая экспедиция протекала, как и первая. С осени не удалось проникнуть к восточному берегу и пришлось зазимовать на берегу Маточкина Шара. На этот раз изба была построена обширнее. Она состояла из двух «покоев», одного большого для всей команды и маленькой для Пахтусова, Циволки и фельдшера Чупова. В большой половине была сложена русская печь, в маленькой — поставлена чугунная печь, железная труба которой проходила через всю большую комнату. Рядом, по примеру прошлого года, была сооружена баня. Кухня находилась в коридоре, сооруженном из весел, бочек, ящиков и брезента. Пахтусов называет условия второй зимовки прекрасными по сравнению с прошлым годом. Но как относительно надо было это понимать, можно судить по описанию фельдшера Чупова, оставившего нам красноречивый и обстоятельный дневник о всей гигиенической стороне зимовки. Вот, например, запись от 2 февраля 1835 года: «Наша жизнь в избе стала положительно несносна. Ежедневные сильные метели задерживают выход наш на свежий воздух. Даже коридор наполнен был снегом. Самоедская одежда, быв-

шая на нас, от постоянной сырости начала преть. Выйдешь за дверь и придешь в избу мокрее прежнего. В таковой одежде и спать ложились. С потолка и стен текло постоянно, и эта сырость, конечно, происходила от того, что лес при постройке наших жилищ употреблялся выкидной, пропитанный соленой водой. Стены украшались белой плесенью, а в пазах виднелись грибы. Сильная ржавчина покрыла все наши железные вещи и инструменты. Деревянное масло при этом уже не помогало».

С середины зимы начались заболевания цынгой. Так как не всегда можно было выходить, а для команды нужен был моцион, то Пахтусов приказал прикрепить «двухпудовую баластину на блоках» для гимнастических упражнений, и это действовало очень хорошо. Так как вследствие апатии и уныния духа больные неохотно занимались такой искусственной гимнастикой, то Пахтусов всегда старался при первой возможности брать на работы как раз больных, чтобы доставить им моцион. Но, несмотря на все меры, к концу зимовки цынгою были больны 12 человек и один отеком. Болен был также и сам Пахтусов.

Как и в прошлую зимовку, работы по описи возобновились в апреле месяце. Сперва они велись пешими партиями со льда и на лодках. Одна партия исследовада восточный берег к северу от Маточкина Шара, другая — берег Маточкина Шара, проверяя Розмыслова. Пахтусов сам хотел итти на север, но слабость здоровья вынудила его уступить просьбам Ци-

волки, которому и удалось совершить предварительную разведку на 95 верст к северу от Маточкина Шара.

В мае месяце обе партии вернулись к зимовке, и Пахтусов начал готовиться к морской экспедиции. Первоначальный план его был — зайти с западного берега, обогнуть Новую Землю с севера и там начать описывать восточный берег, двигаясь с севера на юг. Это путешествие он хотел совершить на карбасе «Казаков».

29 июня Маточкин Шар освободился от льда, и путь к западу был открыт. Плавание началось благополучно. Но около острова Берха карбас попал в льды, которые стали все сильнее давить на суденышко:

«Через несколько часов напор льда от N усилился, и якорные канаты карбаса разрезало. Мы укрылись было за одну большую льдину, но она не долго нас защищала; другие льдины обошли ее и напирали на карбас со всех сторон. В таком затруднительном положении понесло нас к прибрежному льду, и тут вся сила напора приносимых с запада льдин разразилась над слабым карбасом; он затрещал и через несколько минут треснул вдоль; вода полилась от обоих штевней. Предвидя гибель судна, мы заранее приготовились спасти нужнейшие вещи, и, когда бедствие совершилось, карты наши, журналы и инструменты были уже у меня в руках, значительная часть провизии, ружья, порох и пули вынесены на палубу, но сухарей достали мало. Через полчаса судно налилось водой до палубы. Это случилось около полудня; в то же время ветер от SO стал переходить в SW и свежеть, лед пришел в дви-

жение и стал отодвигаться в море вместе с карбасом. Медлить было нечего. Мы погрузили часть спасенных вещей в две лодки и потащили их по льдинам к берегу, который отстоял от нас на версту и отделен был от льда довольно широкой полыньей. Наконец, к шести часам вечера достигли мы берега и перенесли часть спасенных вещей на возвышенность его.

Мы все перемокли и до крайности устали. Разведя огонь и устроив палатку из спасенных парусов, обратились опять к перетаскиванию оставленной на прибрежном льду провизии и бочки со смолой. Последняя нам очень была нужна для исправления лодок, попортившихся от перетаскивания по ледяным торосам; но льдина, на которой это стояло, уже ушла в море. Таким образом мы лишились значительной части наших вещей».

Положение экспедиции было критическим. В течение десяти дней они чинили лодки, пекли из муки лепешки и готовились к почти безнадежно-трудному плаванию в 700 верст на лодках к зимовью. Но к счастью как раз в это время появился промышленник Еремин со своей ладьей. Он тотчас вызвался перевезти всех к Маточкину Шару, к месту зимовья, куда Пахтусов со всеми членами экспедиции вернулся 9 июля.

Потерпев неудачу в намерении проникнуть к восточному берегу Новой Земли с севера, Пахтусов решил отправиться туда через Маточкин Шар на новом карбасе, взятом с ладьи промышленника. На этот раз путешествие было более удачным. Пахтусов проник

к восточному побережью и поднялся к северу вдоль берегов на 140 верст от Маточкина Шара, дойдя до острова, названного его именем. Оттуда еще было определено положение высокого мыса, находившегося дальше в сорока верстах. Мыс этот был назван Дальним. Но итти дальше было невозможно, в виду льдов, преградивших путь и позднего времени. Пахтусов вернулся к зимовью, а оттуда — в Архангельск. Во все время путешествия из 17 человек умерло двое, остальные благополучно вернулись домой.

Четыре лета и две зимы, полные трудов и лишений, сломили даже богатырские силы Пахтусова, и, возвратившись домой, он в ту же зиму скончался от перемежающейся лихорадки. Но дело, совершенное им, — громадно. Его трудами пролит впервые свет на природу восточного берега Новой Земли, и то очертание острова, которое нам ныне так привычно по картам, дано было в сущности на основании работ Пахтусова. Но его плавания имели и непосредственное практическое значение. До того времени русские промышленники избегали Новой Земли, и в Маточкином Шаре за год показывался один или два паруса. Теперь же, убедившись в доступности новых областей, промышленники стали водить стаями свои суда в районы с еще нетронутыми богатствами дичи.

О значении работ Пахтусова можно еще судить по тому, что в течение 80 лет дело описи берегов Новой Земли не подвинулось почти ни на шаг. Его помощник Циволка отправился на Новую Землю вместе с Моисеевым, но умер во время зимовки,

не достигнув восточного берега, и области севернее острова Берха с запада и мыса Дальнего с востока были до последнего времени известны только по данным Баренца и сообщениям норвежских мореходов *).

И это неудивительно. С какими трудностями и риском связаны были исследования восточного берега, можно судить по экспедиции художника А. А. Борисова, отправившегося на далекий север в поисках неизведанных художественных впечатлений. Задачей этой оригинальной и интересной экспедиции было написать как можно больше этюдов, эскизов и рисунков, и вообще собрать материал для картин, изображающих красоты дикого далекого севера. Помимо художественных задач, экспедиция предполагала исследовать промысловые охоты севера и собирать коллекции по фауне и флоре Новой Земли.

Экспедиция эта в составе 8 человек в сентябре 1900 года вышла на яхте «Мечта» из Маточкина Шара в Карское море. С первого же дня плавания яхта была затерта льдами, с которыми и начала дрейфовать, сперва от берега к востоку, а затем к югу. Видя, что на яхте экспедицию ожидает гибель, путешественники 27 сентября решили покинуть «Мечту» и с одной шлюпкой, нагруженной провизией и самыми необходимыми вещами, двинуться к берегу Новой Земли. Но около берега оказался быстро движущийся лед, а местами широкие полыньи, через

*) В особенности замечательно плавание Эдварда Иогансена, который в 1870 году на рыболовном судне дошел через Карское море до Ялмала и, нагрузив полностью корабль добычей, на обратном пути обогнул впервые после Баренца и Лошкина северную конечность Новой Земли.

которые нельзя было перебраться на маленькой лодке, к тому же получившей пробоину на дне.

В таком положении между жизнью и смертью Борисов и его спутники терпели в течение 7 дней неимоверные лишения, будучи постоянно голодными, холодными и мокрыми. Лишившись последней провизии и теплого платья и потеряв почти всякую надежду на спасение, они в конце концов совершенно неожиданно были принесены льдом к берегу Новой Земли, к месту, где стояло несколько самоедских чумов. Самоеды подошли на лодке и сняли несчастных со льда. Через несколько дней к этому же месту принесена была льдами и яхта «Мечта», с которой удалось снять провиант и все ценное. Экспедиция во время своего невольного скитания в плавающем льду от восточного устья Маточкина Шара до места спасения проплыла около 200 верст.

Но как это путешествие, имевшее свои специальные задачи, так и другие экспедиции, между прочим, переход через Новую Землю, совершенный доктором Гринневецким в 1883 году около селения Малые Кармакулы, освещали лишь детали в общей картине, как она была изображена Пахтусовым. И лишь в самые последние годы были сделаны действительно новые существенные шаги, если не завершающие, то все же значительно двигающие вперед дело исследования Новой Земли. Сделано это было, главным образом, трудами В. А. Русанова, совершившего в 1908 году совместно с французом Бенаром вторичный переход через Новую Землю от Крестовой губы до залива Незнаемого, и в особенности Седова. О путешествии последнего — подробный рассказ впереди.

III. НА МОРСКОМ ПУТИ К ОБИ И ЕНИСЕЮ.

Неприступное Карское море. — М. К. Сидоров. — Плавание Крузенштерна. — Во льдах. — Гибель корабля. — Переход по льду. — Ветер относит льдину от берега. — Снова берег! — Спасение. — Завершение поисков пути к Енисею.

Со времени упадка Мангазеи, морской путь к великим сибирским рекам Оби и Енисею заглох и был забыт. Лишь к середине XIX века, с заселением и развитием Сибири, стали все настойчивее возвращаться к мысли о необходимости открыть для Сибири окно в Европу и связать ее с мировым кругооборотом, от которого она отрезана отсутствием удобных, быстрых и дешевых путей. Система больших судоходных рек с их притоками как будто давала все условия для быстрого расцвета края. Но эти реки устьями своими выходили в Карское море, издавна славящееся своей неприступностью из-за вечных льдов, так что заслужило прозвище «ледника Ледовитого океана». Однако, соблазн найти доступ к Сибири через Карское море был так велик, что в течение целых десятков лет делались одна за другой попытки найти проход среди льдов, и теперь мы уже можем сказать, что разрешение этого вопроса

почти достигнуто. И теперь, когда условия плавания по Карскому морю изучены почти во всех подробностях, когда радиостанции издалека услужливо извещают современные мощные пароходы о состоянии льдов во всех направлениях, нам не легко составить себе точное представление о тех трудностях, с которыми приходилось бороться первым мореплавателям, решавшимся на своих утлых парусных суденышках пройти негостеприимные Карские ворота и Югорский Шар. Хорошо еще, когда льды только просто не пропустят корабль! Но более всего приходилось опасаться, что обманчивое море встретит вначале гостеприимно открытою гладью и ширью. Стоит только доверчивому кораблю углубиться в море, как со всех сторон появляются льды, окружают корабль и, сомкнувшись вокруг него непроходимой стеной, влекут пленника по воле ветров и течений. Опасен был путь по Карскому морю!

Одним из пионеров исследований севера вообще и морского пути в Сибирь в частности был Михаил Константинович Сидоров, редкое в России сочетание удачного промышленника и коммерсанта и образованного с широким горизонтом человека. Сын архангельского купца, Сидоров, не окончив шести классов гимназии, отправился в Восточную Сибирь искать счастья в золотопромышленном деле. Там он исследовал ряд золотых приисков, которые в несколько лет дали казне одних только пошлин пять миллионов рублей. Но Сидоров не ограничился золотыми приисками и направил свое внимание на исследование дру-

гих богатств. Он первый обратил внимание на громадные лесные богатства Печорского края. Он интересовался и принимал участие в исследованиях Березовского края, Лапландии, Финляндии, Кавказа, Урала. Но главные заботы были всегда посвящены северу, и Сидоров считал, что по своим климатическим условиям многие пустынные области русского севера отнюдь не уступают Норвегии или Канаде и могут при достаточном внимании достигнуть того же цветущего состояния.

Из многочисленных северных проблем Сидоров упорнее всего занимался изучением плавания через Карское море и достиг в конечном счете значительных успехов. Его судно «Утренняя Заря» пришло впервые из Енисея в Европу с образцами сибирских товаров. Но не все попытки были удачны, и, с каким риском было первоначально связано плавание по Карскому морю, свидетельствует рассказ о путешествии и злоключениях экипажа «Ермака» под командой П. Крузенштерна, отправившегося на исследование Карского моря тоже по инициативе и на средства Сидорова. Путешествие это настолько замечательно, что рассказ о нем приводим почти целиком собственными словами Крузенштерна.

После зимовки в устье Печоры около деревни Куй, Крузенштерн вышел в плавание 1 августа 1862 г. Первые дни плавания были посвящены осмотру острова Вайгач. Но тут шхуна была затерта льдами и унесена в Карское море. Вот как описывает Крузенштерн это событие.

«Подойдя к Вайгачу, стали на якорь под Каменным Носом, в полумили от берега. Глубина — 10 саженей, грунт — плита. Но не более, как через час времени после прибытия яхты, мы были совершенно разочарованы в нашем спокойствии. Вода стала прибывать, и сделалось весьма сильное течение из океана в Карское море. Положение наше становилось весьма критическим. Мыс, на защиту которого мы сначала надеялись, вовсе не отводил льдин; течение огибало этот мыс, а с течением и лед. От первого же напора этого льда шхуну стало дрейфовать и отнесло на $^1/_2$ мили, пока, наконец, мы успели отделаться от льдины. Минут через десять другая льдина подхватила и понесла шхуну. Единственным средством избежать опасности было вступить под паруса. Подтянули якорь и стали держаться под парусами... Пройдя значительное пространство, мы, наконец, с величайшим трудом успели выбраться из густого льда и отдали якорь на самой середине Югорского Шара, где лед шел уже немного реже.

15 августа вода остановилась только лишь на 4 часа, потом с прежнею силою пошла в Карское море. За маловетрием мы не могли подойти к Сокольему острову, и нас пронесло мимо него в расстоянии 2 миль. Бросить ли якорь посреди несущихся льдин, или пуститься в Карское море во льды? Решать этот вопрос было довольно трудно: опасность представлялась почти одинаковой. Раньше или позже лед должен был раздавить нас, стоявших на якоре. Надеяться же на шлюпки в таком льду и с таким течением было нельзя».

Таким образом, решено было отдаться власти льдов и позволить течению унести корабль в Карское море. С первого же дня корабль оказался окруженным со всех сторон льдами. Дальнейшие дни не приносили изменения. Только ясная солнечная погода заменилась туманом и дождем. Пытались было раздвигать льдины носом корабля, поставив все паруса, но безуспешно, и не успели продвинуться ни на шаг. Лед же неустанно увлекал судно к востоку.

22 августа льды так сильно сдавили судно, что оно получило сильные повреждения. Корабль лег на бок, и Крузенштерн приказал на всякий случай выгрузить на лед часть запасов провизии и спустить лодки. Но громадная льдина, на которой была поставлена провизия, тоже лопнула под напором соседних льдин. Крузенштерн убедился, что ни на корабле, ни на льдинах нет надежного убежища, и стал подумывать о необходимости покинуть корабль и итти к ближайшему берегу, к полуострову Ялмалу. В сентябре разыгралась такая буря, что пребывание на корабле стало небезопасным. Все поэтому вышли на лед и разместились в палатке. Как раз в тот день приходилось празднование тысячелетия Русского государства. Празднество это не было пропущено и здесь на льдинах, и по этому поводу была выпита не одна чарка и пропета не одна веселая песенка под аккомпанимент завывающей полярной бури.

Давление льда становилось все сильнее, на корабле появилась значительная течь, и, наконец, его сдавило так, что верхнюю палубу выгнуло дугой. Тогда Кру-

зенштерн собрал весь экипаж и предложил ему выбрать трех представителей, с которыми он обсудил бы положение и придумал меры к спасению. Решено было оставить корабль и перебираться по пловучим льдинам к берегу. Вот как Крузенштерн рассказывает об этом:

«Выслушав мнение всех и понимая вполне, что, действительно, единственное спасение наше — стараться достигнуть берега, я решился оставить шхуну с тем, что если обстоятельства позволят, то на оленях приехать к шхуне и вывезти на берег по возможности все инструменты и материалы, также и провиант. Немедленно велел я приступить к нагрузке приготовленной лодки. В нее склали 15 пудов сухарей, несколько окороков, $^1/_2$ ведра рому, большой ящик с нужными инструментами, книгами и картами и 4 больших овчинных одеяла. Людям я приказал каждому иметь ранец из парусины, в который бы поместилось 35 фунтов сухарей и одна перемена белья; сверх ранца скатать самоедскую малицу с пимами, а в руках иметь пику; быть одетыми в теплых рубашках, черных толстых брюках и в полушубках, иметь по возможности две пары сапог. На каждого из нас приходилось нести слишком по 70 фунтов.

Утром 9 сентября. Термометр показывал 4° Р. Команду я разбудил в 4 часа утра, и после хорошего обеда, где повар, конечно, не жалел всякой провизии, каждый человек оделся в лучшее белье и платье, как приказано было, и в $6^1/_2$ часов все были совершенно готовы к отправлению. Мною оставлено на столе шхуны краткое описание нашего положения, как доку-

мент: когда оставили шхуну, в какой широте и долготе, сколько человек, кто именно, куда намерены направиться.

В 7 часов утра я с командой оставил шхуну в широте 69° 57′ и в долготе 66° 03′ от Гринвича. Перебираясь постоянно через трещины и торосы, изредка через хребты, мы уже через два часа удостоверились в невозможности тащить за собой хоть маленькую вещь: обои сани сломались, а также и лодка; люди, везшие сани, неоднократно оступались в трещины, и многие совершенно вымокли; тогда я решился оставить лодку. Это было в 9 час. утра.

Каждый из нас по своим силам взвалил на спину сухари, рассчитывая на 20 дней ходу; кроме сухарей, самым сильным из команды я дал нести: шканечный и метеорологический журналы, одну зрительную трубу, один анероид, 1 термометр, карты, по которым плавали, и один лот в два фунта с линем; кроме того, один фунт чаю и маленький чайник. Для защиты против белых медведей, также для пропитания в случае недостатка провизии, взяли 4 винтовки, одно двуствольное ружье, 3 револьвера, два пистолета, порох, пули и дробь. Впоследствии я благодарил Бога, что, кроме провизии, самых нужных вещей и оружия, не позволил взять с собой ничего. Пред оставлением лодки я позволил команде выпить по одному стакану белого рому, при чем мы в последний раз поели досыта.

В $10^1/_2$ часов, опять помолившись искренне Богу, мы отправились дальше; мачты нашей шхуны еще виднелись. Погода была довольно ясная, термометр пока-

зывал 5° Р. Хотя было весьма трудно лазить через торосы и скакать через трещины, мы со свежими силами двигались довольно скоро на восток. Я сам шел вперед с компасом, выбирая пикою и глазами удобнейшие переходы. Наконец, в 1-ом часу, замечая, что команда сильно растянулась, версты на две, и что задние держатся с великим трудом, я остановился для отдыха возле ледяной горы. Поднявшись на нее, я в трубу уже не мог видеть шхуну, горизонт был везде одинаков, ледяные горы со всех сторон загораживали вид. Когда последние из людей подошли к месту отдыха, мне сказали, что один человек, именно кузнечный мастер Ситников, отстал и итти вперед не в состоянии, потому что пьян и находится довольно далеко позади. Я немедленно вызвал охотников спасти товарища. Но общее молчание доказало мне, что каждый думал более о сбережении собственных сил, чем о спасении оставшегося. Тогда я сбросил с плеч ношу, то же велел сделать боцману Панкратову, и вооруженные оба винтовками и пиками мы с ним отправились отыскивать потерянного человека. Нам пришлось проходить слишком три версты, покуда нашли Ситникова спящим. Разбудив его, я велел ему встать и итти за нами, но он совершенно упал духом и сверх того был пьян, потому что, когда мы оставляли лодку, он украдкой выпил три стакана рому. Не имея другого средства привести несчастного в чувство, я начал его тормошить из всех сил, но он не вставал, плакал и говорил: «ваше благородие, оставьте меня, мне суждено умереть здесь». Поняв, что он должен проспаться и в таком виде, как был, не

в состоянии итти, я снял с него малицу, думая, что скорее пройдет дурь из головы. Я оставил его в одной рубашке, приказав ему, когда проспится, прилагать все старания, чтобы догнать нас по следам. Он мне это обещал, но я простился с ним, вполне убежденный, что вижу его в последний раз. Лишь только я догнал команду и успел навьючить на себя котомку, мы отправились по возможности скорее, держа курс на ост. Люди шли молча, и видно было, что потеря человека на них сильно подействовала. Изредка один и другой спрашивали меня: «Ваше благородие, скажите правду, после вас Ситников живой не остался?» Ветер сделался резкий, и начал падать мелкий снег. Вдруг в 2 часа пополудни я был остановлен криком, на который матрос Резанов, сбросив ношу, побежал на помощь. Оказалось, что матрос Вишняков провалился в озеро пресной воды и без помощи непременно утонул бы. Когда он прибыл к нашему привалу, то до того дрожал, что сам не мог снять с себя мокрое платье. Сухого у него ничего не было, так что когда мы принуждены были поделиться с ним нашим платьем, то с трудом его оживили; окончательно согрелся он только к вечеру. Команде, не привыкшей к новому роду передвижения, было весьма трудно ходить с тяжелою ношей на плечах, и с некоторыми делалась тошнота, но все, зная, что единственное спасение — достигнуть берега, молча и скрипя зубами работали ногами. Наконец, мы нашли довольно хорошее место, совершенно закрытое высокими торосами от ветра. Когда мы сняли наши ноши, то чувствовали сильную боль в плечах, так что

некоторые даже рук поднять не могли. Все чередовались на часах, каждый по $^1/_2$ часа; огнестрельное оружие постоянно было в исправности в ожидании белых медведей. Мы спали на наших малицах хорошо, но не сухо; так как тюфяков не было, мы должны были лечь на голый лед, и в ночь под каждым из нас образовалась лужа, при этом все платье промокло.

При рассвете, 10 сентября, во время нашего завтрака, состоявшего из черных сухарей, мы были весьма обрадованы: отставший Ситников догнал нас Он всю ночь шел по следам, что в этой темноте было нелегко и служит неоспоримым доказательством, что самосохранение есть чувство, которое берет во всяком случае свое. В $6^1/_2$ тронулись мы с места и тотчас начали переправляться через полынью, близ которой ночевали. Мы нашли довольно узенькое место, где посредством небольшой льдины, подымающей двух человек с грузом, и нашего лотлиня, устроили пором. Переправа продолжалась не более часа, и я снова направил наш путь на восток, в полном убеждении, что пройденная нами полынья была последней до берега. В полдень мы напали на свежие медвежьи следы, ведущие к высоким торосам в расстоянии не более полуверсты, но никто не из'явил желания охотиться. Многие до того устали, что начали бросать все, что можно было; полушубки казались им тяжелыми, и их бросали; у некоторых дело дошло до сухарей. На каждом привале мы оставляли память по себе: кто лишнюю рубашку, кто сапоги, даже маленькие трубки бросали, и казалось после этого, что гораздо легче итти. Я сам шел довольно легко, не чув-

ствуя особенной усталости, и единственное, что я бросил из своих вещей, были лишние волосы на голове, которые до того не были острижены по форме, а так как мы шли без шапок, то длинные волосы совершенно обмерзали и мешали смотреть вперед. Чем ближе становился берег, тем более встречали воды, и каждый раз, где узкое место позволяло, мы переправлялись, как в первый раз, на маленьких льдинах с помощью лотлиня. Где ширина была слишком велика, мы искали толстую льдину, плывущую на воде, и, перебираясь на нее, отталкивались как можно сильнее, гребли пиками, развешивали все наши малицы и таким образом, пользуясь легким ветром, правда, очень медленно, но достигали твердого противоположного льда и немедленно отправлялись далее. К вечеру старший штурман Матисен почувствовал сильную боль в груди и тошноту; те же симптомы оказались у фельдшера Лычева, и они оба тащились с величайшим трудом. В $7^{3}/_{4}$ час. я нашел удобное место для ночлега, и мы все без исключения, сбросив с себя котомки, пали на лед и лежали некоторое время молча. Глубина чрезвычайно медленно уменьшалась, и 10 сентября вечером была еще 14 саженей...

Некоторым уже показалось, будто бы берег виден, но уже было слишком темно, чтобы разглядеть в трубу. Надев малицы и пимы, мы легли и спали на льду не хуже любой красавицы в широкой постели. Часовые чередовались каждые $^{1}/_{2}$ часа. В тот день мы шли $13^{1}/_{4}$ часов, останавливались изредка минут на десять.

Проснувшись рано утром 11-го, мы опять оказались в лужах. Когда рассвело, с высокого тороса я увидел на ONO берег. Вид этого берега подействовал на всю команду, как электрическая искра, и снова явилась надежда на спасение, которая со вчерашнего дня оставила уже большинство. Действительно, я сам не очень верил в возможность выйти на берег; назади, впереди, вправо и влево нас окружала вода, а лодки не было.

Надо было видеть людей, с какой быстротой они взяли на плечи ноши, какими победителями они смотрели, с какою уверенностью шли вперед, не давая мне времени вступить на свое место: «Ваше благородие, ведь теперь берег в виду, и мы можем впереди итти, одному ведь не выдержать, каждый день прокладывая дорогу». Но, увы, через час мы встретили воду, а когда переправились через нее, то увидели большое пространство мелкого льду, где казалось невозможным перейти. Между тем, красный песок был ясно виден на утесах материка, назади же была гибель. Что делать? Я пустился вперед, где ползая, где перескакивая с помощью пики; за мною люди. Бог нам помог. Через полтора часа мы достигли снова твердого льда. Волонтеру Будбергу было труднее всех: в первый раз видя море и не имея морских ног, он часто проваливался в воду и без помощи людей наверное погиб бы. Сколько было человеческих сил, мы делали в этот день все, чтобы добраться до берега; но постоянно встречавшаяся вода, иногда шириной до 150 саженей, не позволяла скоро итти вперед. Мы находились посредине широкой по-

лыньи, как вдруг недалеко от нашего пловучего острова показалось 6 моржей, которые направились прямо на нас. Я стоял на краю и смотрел хладнокровно на зверей. Когда они приблизились вплавь, я ударил одного пикою, но без успеха; один клыком начинал подниматься к нам, другие осторожно наблюдали за успехами или неуспехами товарища. Положение наше было незавидное: удастся двум или трем зайти к нам, наша льдина, перегруженная уже людьми и багажем, должна опрокинуться или итти ко дну. Я успел выхватить винтовку и посадить в упор первому пулю в глаз. Морж упал обратно в воду, и остальные скрылись. Мы без отдыха переправлялись, шли вперед до 8 час. вечера. Берег отстоял от нас еще на 7—8 верст. Мы все уже начали чувствовать голод, ибо ели чрезвычайно мало, не зная, долго ли еще придется быть на льду. Но морозы не давали спать долго, и, конечно, от холода и голода явилась усталость. Матисен, не евший ничего второй день и чувствовавший сильную боль в груди, уже свыкся с мыслью о смерти на льду. Во весь день 11-го во время ходьбы его рвало постоянно, и одна твердая воля этого человека донесла его больное тело до третьего ночлега.

В 11 час. 12 сентября, вероятно, с переменою течения с моря придвинулся лед, и в 12 час. мы на маленькой льдине начали перебираться на идущий мимо нас лед, устроив пором с помощью лотлиня. Я с подштурманом Черноусовым едва не остался тут: переправа продолжалась довольно долго, лед разошелся, и когда пором наш в последний раз отвалил от другой

льдины к нашему острову, лотлинь оказался коротким; я привязал ремни, подвязки и шарфы, также на той стороне привязывали все, что было, и пором почти дошел до нас; расстояние осталось около 5 фут, которое удалось перескочить с помощью пик. Но я должен сказать, что неустрашимость, ловкость и сила матроса Резанова спасла нас на этот раз. Снова надежды явились, и мы весело пошли к берегу.

С довольно высокой ледяной горы я в трубу ясно видел, что вода, у которой стояли, была последняя, и что за этой водой тянулась сплошная масса льда вплоть до берега, расстоянием не более 4 верст. Как близко было спасение! Но тут я опять заметил, что нас несет от берега в море: как ни старались, но не могли переправиться. Тогда мы надели малицы и пимы и сели на мешки в ожидании того, чего миновать нельзя было. Восточный ветер с часу на час крепчал, наша льдина была почти совершенно гладкая, так что укрыться на ней было негде; она имела в окружности 150 с. и была толщиной 5—6 саженей. В скором времени мы потеряли из виду берег; глубина увеличивалась, мы быстро потеряли то расстояние, которое прошли с величайшими трудностями и опасностью. Окружающий нас лед, неизвестно по каким причинам, двигался быстрее нашей льдины, так что в недолгое время мы его потеряли из виду и уже не видели ни льда, ни берега, а сильное волнение начало раскачивать наш островок. Мы согревались с трудом, мороз был сильный, и ветер к вечеру дошел до шторма; я ежеминутно ждал, что нашу льдину разобьет на

мелкие части. Нас единственно спасало самоедское платье; не будь этого платья, замерзли бы все. Мы легли спать по два человека, ноги друг другу в малицы, убирая головы тоже в малицы, и таким образом спасались. Вечером, в 11 часов, небольшая часть нашей льдины отломилась, и мы с трудом могли спасти четырех человек, спавших в том месте. Волнение ходило весьма сильное; поддавало через всю нашу льдину, так что мы, находясь сколько можно было под ветром, не могли однако же укрыться от воды, весьма неприятной во время стужи.

Наконец, 13 сентября, в 7 час. утра, льдина наша была разбита волнением пополам с ужасным шумом. Начало поддавать еще сильнее через крошечный наш островок. Команду я старался, сколько мог, ободрить рассказами о случаях на море и во льдах, где после неимоверных трудов люди все-таки, наконец, спасились. Мои старанья, однако, были не совсем успешны . . . Погода стояла теплая, было около 1°. С 8 час. утра пошел сильный снег, превратившийся в дождь в 9 час. Нас мочило снизу и сверху; все мы были мокры донéльзя, и с трудом согревались. Один час морозу в роде вчерашнего положил бы конец всем нашим бедствиям. Но к полудню шторм улегся, весьма скоро сделалось маловетрие, отчего и отстаток нашей льдины выдержал. Погода настала прекрасная, даже теплая, и мы начали просушиваться. Ветер в скором времени засвежел, и мы с радостью заметили по лоту, что нас несет по направлению к берегу, который в скором времени увидели. С моря показались массы льда,

которые быстрее нас двигались к берегу и начали с обеих сторон проходить мимо нас. В 8 час. вечера мы заметили, что необозримой величины ледяное поле, со многими горами, двигается прямо на нас. Мы готовились перескочить, когда оно ударится прямо на нас, и благополучно успели в этом, а через $^1/_4$ часа ходьбы нашли весьма удобный и безопасный ночлег. На этом небольшом переходе повар и барон Будберг в темноте потерялись, так что мы принуждены были отыскивать их довольно долго. Глубина, к нашей радости, значительно уменьшилась . . .

Ночь на 14-ое была чрезвычайно холодная, но, к счастью, мы днем успели просушить наше платье. Только что вновь явившаяся надежда на спасение улыбнулась, как начался снова сильный ветер на NN. Сухари у некоторых уже почти вышли, и люди донéльзя упали духом; многие выстроили небольшие ледяные домики, называя их своими гробницами.

15-го берег скрылся из виду, но к 10 час. вечера погода прояснилась, и мы начали просушивать платье.

Вольнонаемный повар Ларионов попался в воровстве: замечая, что у него остается весьма немного сухарей, он предпочел есть чужие и был пойман. Но я ему простил на этот раз. К общей радости, Матисену гораздо лучше.

Воскресенье, 16 сентября. Ветер WSW, и полыней по направлению к берегу с самых высоких торосов не видали. Хотя ни у меня, ни у людей надежды не было достигнуть берега, потому что несколько раз были обмануты, мы все-таки тронулись в путь в 6 час. Шел

сильный дождь, и мы все были мокры. Первые два часа мы шли по весьма опасным местам, по сжатым маленьким льдинкам, между которыми проваливались постоянно, часто до груди. И, наконец, в 8 час. утра достигли до сплошного льда, на котором была гора. С вершины ее увидели к общей радости берег верстах в 15 или 18. Не отдыхая нисколько, мы пошли весьма скоро вперед, и сделали привал не раньше $11^1/_2$ час. Берег отстоял от нас еще от 8 до 9 верст, но половина людей выбилась почти совершенно из сил, и я принужден был дать $^1/_2$ часа отдыха. Особенно Будберг до того ослаб, что говорить уже не мог и падал даже на ровных местах. Мы все воспользовались этим временем и с'ели двойную порцию сухарей. Некоторые из команды повредили себе ноги при падении и тащились с трудом. До 5 час. мы шли без оглядки, не встречая полыней. Осталось до берега не более одной версты. Около 2 часов я сам был до того уставшим, что помогала только сила воли; с великим трудом тащился я вперед, грудь и плечи болели до-нельзя; но эта слабость была непродолжительна; в 6 час. я шел так же легко и быстро, как прежде. Последняя верста была необыкновенно тяжела для нас. Берег не дался нам без упорного боя, и я не знаю, попали ли бы мы на него вообще без матроса Попова. Он шел передовым последнее время, и я любовался его неустрашимостью и находчивостью в преодолении всякого рода препятствий; все остальные довольно равнодушно смотрели на берег, как и на лед. У каждого из них было желание — лечь и отдохнуть. До берега оставалась открытая вода и изредка на мели

стоявшие торосы; мы от тороса до тороса перегребали на льдинах. Наконец, в 7 час. осталось не более 50 саж. до берега, но здесь мы уже не находили средств переплыть. Остаться мокрыми на льду — значило замерзнуть, поэтому я приказал каждому, кто как может, итти на берег, держаться по возможности двум или трем человекам вместе и друг друга вытаскивать из воды, если бы кто-нибудь провалился. Мы разделились; девизом всех была мысль: каждый за себя, Бог за всех. Боцман Панкратов с двумя человеками первые достигли берега, и громкое «ура!» их раздалось в темноте. В 8 час., наконец, мы все соединились на высоком холме, мокрые до нитки, потому что все падали в воду, некоторые по шею. Хотя мы были голодны, холодны и мокры и дров никаких не нашли, но мысль, что мы, наконец, на берегу, и что теперь уже не несет в море, нас согревала! Мы расположились спать на возвышенности, потому что в тундре лежал снег. Так мы пролежали всю ночь, изредка вставая для согревания; засвежевший ветер и мороз, несмотря на усталость, не дали нам заснуть хорошенько.

На другое утро рано Матисен взял подзорную трубу и тотчас закричал, что видит чумы и людей. Крузенштерн тотчас послал к чумам людей, чтобы самоеды не скрылись от незнакомцев бегством, и вскоре навстречу экспедиции показались сани, запряженные оленями. Экспедиция была спасена. Оказалось, что встреча с самоедами была счастливой случайностью. На всем берегу Ялмала находилась только эта стоянка,

и выйди путники в другом месте, им пришлось бы еще много дней итти по тундре, пока достигли бы жилья. Отдохнув у самоедов, все отправились на оленях в Обдорск, откуда вернулись благополучно домой.

Рассказ о злоключениях Крузенштерна облетел весь мир. Но это не ослабило натиска отважных моряков на, казалось бы, неприступные льды. Однако, первые полные успехи в этом направлении принадлежат уже не русским, но иностранным мореплавателям, норвежцам и шведам. Так Эллинг Карлсен в поисках новых районов рыбной ловли прошел Карское море до самого Белого острова. Другой норвежец, Эдвард Иогансен, в 1869 году прошел через Карские ворота и дошел до восточного берега Ялмала, откуда мимо Белого острова он направился к восточному берегу Новой Земли и, плывя к югу, вернулся через Карские ворота в том же году домой. После своего возвращения в Норвегию, Иогансен послал сообщение о своем путешествии в Академию Наук в Стокгольме, которая присудила ему за смелое плавание серебряную медаль. Препровождая эту медаль, Норденшельд от себя в шутку добавил, что если Иогансену в другой раз удастся об'ехать Новую Землю с севера, то он, конечно, получит золотую медаль. Но такая шутка была в стиле Иогансена. И на следующий год, опять дойдя до Ялмала и нагрузив корабль уловом, он уже на обратном пути, в позднее время, когда все моряки спешат поскорее убраться домой, решил попытать счастья и обратный курс направил в обход северной конечности Новой Земли. Это ему удалось сделать

с чрезвычайной легкостью, нигде не натолкнувшись на лед. Ему было в то время всего 26 лет; золотая медаль, конечно, ему была вручена.

Вслед за Карлсеном и Иогансеном, Карское море успешно переплывали Мак из Тремзе, англичанин Виггинс и, наконец, в 1875 году Норденшельд на простой рыбачьей яхте «Превен» достиг устья Енисея и в том же году вернулся домой. В следующем году он повторил это плавание и опять-таки с полным успехом. Секрет этих успехов заключается в следующем. Прежние моряки отправлялись в плавание в июне, июле, и с начала августа уже торопились итти к месту зимовки. Между тем, оказалось, что Карское море всего свободнее от льдов как раз в конце августа и в начале сентября. Вслед за иностранцами стали совершать удачные плавания и русские корабли, и в настоящее время не проходит года, чтобы в Енисей не наведалось несколько кораблей из Европы. Применение пароходов, которые значительно легче могут лавировать среди льдов, чем парусные суда, установка радиостанции у Югорского Шара, оповещающей суда о состоянии льдов на море, значительно улучшили условия плавания, и в настоящее время связь Енисея и Оби с Европой можно считать уже установленной.

IV. НА ВЕЛИКОМ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ МОРСКОМ ПУТИ

Норденшельд. — Нансен. — Таинственная земля Санникова. — Экспедиция Де-Лонга. — Подготовка экспедиции барона Толля. — Вынужденная зимовка. — Земли Санникова нет? — У острова Гордона Беннета. — Вторая зимовка. — В безвестный путь. — Поиски партии Толля. — Смелый план лейтенанта Колчака. — Вдоль берегов Новосибирских островов. — На лодке по Ледовитому океану. — Остров Гордона Беннета достигнут. — Судьба партии барона Толля.

Наряду с открытием северного полюса, арктические исследования ставили себе еще две основные задачи: отыскание северо-западного пути, соединяющего Атлантический океан с Тихим вдоль северных берегов Америки, и северо-восточного, соединяющего эти океаны вдоль берегов Старого Света. После путешествий Джемса Росса, и после 15-летних поисков погибшей экспедиции Франклина, все берега Северной Америки были изучены вполне, и было с неоспоримостью установлено: морского северо-западного пути нет. Извилистые проходы между островами архипелага Пэрри

всегда полны непроходимых льдов, и судно легко может в них погибнуть *), но пройти их — надежды нет!

Поэтому, казалось, тем менее могло быть надежды на отыскание годного для мореплавания северо-восточного пути. Ведь у порога лежит знакомое уже нам почти неприступное Карское море. А далее неизведанные северные побережья Азии с Таймырским полуостровом, глубоко вдающимся в Ледовитый океан. И напуганные бесплодностью тяжелых жертв, принесенных для исследования северо-западного пути, мореплаватели долгое время оставляли без внимания северное побережье Сибири.

Но вот, в 1878 году, по всему миру разнеслась весть, что швед Норденшельд на пароходе «Вега» прошел в одно лето Карское море, обогнул Таймырский полуостров и вдоль побережья Азии дошел до Чукотского полуострова, где, можно сказать, уже у самого порога Тихого океана, ему пришлось остаться на зимовку. Условия плавания были исключительно благоприятны, и буквально нескольких часов не хватало, чтобы корабль из Атлантического океана в одну навигацию дошел до Тихого. С «Вегой» прошел до устья Лены пароход «Лена», принадлежавший купцу Сибирякову, широко участвовавшему в финансовой поддержке экспедиции Норденшельда.

---

*) В новейшее время Амундсен на яхте «Gjöa» прошел весь северо-западный путь. Но это путешествие, продолжавшееся четыре лета и три зимы (1903—1906), лишь подтвердило отсутствие какого-либо практического значения за северо-западным путем.

Впечатление этого путешествия было громадно. Однако, многие склонны были приписывать удачу Норденшельда случайно благоприятному состоянию льдов. Но в 1893 году Нансен, отправляясь в свое полярное путешествие, опять повторил тот же путь. Правда, около Таймырского полуострова он встретил громадные массы льдов, и не мало тревожных часов пришлось пережить ему, колеблясь между надеждой пройти и отчаянием, что придется потерять целый год, застряв у сибирских берегов. Но в последнюю минуту проход был найден, и, обогнув Челюскин мыс, знаменитый «Фрам» беспрепятственно достиг области Новосибирских островов.

Швед и норвежец первыми прошли вдоль северных русских берегов и изучили путь, практическое значение которого могло быть безмерно важно для интересов России. И только в 1901 году была снаряжена русская экспедиция, в задачу которой входило, между прочим, пройти северо-восточный путь.

Экспедиция эта, отправленная под руководством барона Толля, своей задачей имела не только изучение северо-восточного пути, но и достижение целого ряда до тех пор неисследованных областей.

Много таинственного, неразгаданного таит в себе Ледовитый океан. Одною из таких северных тайн была так называемая Земля Санникова. Первые слухи о ней пошли от рассказов устьянского купца, смелого промышленника и путешественника Санникова. Он еще в начале прошлого столетия во время об'езда Новосибирских островов увидел с северной ко-

нечности острова Котельного прямо на севере какую-то землю. О ней он сообщил другим. Между прочим, о ее существовании упоминает на своей карте и Геденштром, первый цивилизованный человек, посетивший Новосибирские острова. На его карте определенно значится, что к северу от острова Котельного и Новой Сибири имеется значительная по протяжению земля.

Но Новосибирские острова долгое время были в стороне от маршрута больших полярных экспедиций. Правительственные круги России в последнее столетие тоже мало прилагали стараний к исследованиям дальнего севера. Промышленники уже не решались итти дальше Новосибирских островов: и так короткого лета им едва хватало на то, чтобы оправдать дальнее и опасное путешествие охотой и сбором кости.

Но вот, после целого ряда неудачных попыток достигнуть полюса, иностранные исследователи направили внимание на эту область полярного моря. Прежде всего, капитан Де-Лонг на корабле «Жаннетта», снаряженном Гордоном Беннетом, издателем американской газеты «New York Herald», направился от Берингова пролива прямо к северу. Экспедиция эта имела трагический исход. «Жаннетта» вмерзла в плавучие льды и не могла выбраться из них. В течение двух лет неслась она по воле льдов по океану. 17 месяцев боролся экипаж с громадной течью, и днем и ночью откачивал воду, пока, наконец, корабль, раздавленный льдами, не пошел ко дну. Де-Лонг со своими спутниками стал пешком по

льду пробираться к берегам Сибири. По дороге они встретили неизвестную землю, лежащую к северу от острова Новая Сибирь, названную ими Землей Гордона Беннета. Отдохнув на новооткрытом острове, экспедиция достигла благополучно Новосибирских островов, откуда на лодках отправилась к дельте Лены. Во время последнего перехода буря разметала три лодки экспедиции. Одна, под командой Мельвиля, благополучно добралась до берега и достигла ближайших селений. Другая, под командой лейтенанта Чипа, погибла в пути, а третья, под командой самого Де-Лонга, хотя и достигла берега, но, блуждая по безвылазным тундрам дельты Лены, выбилась из сил и погибла от голода за исключением двух человек, посланных вперед для разведки.

Таким образом, экспедиция Де-Лонга показала, что к северу от Новосибирских островов, действительно, находятся неисследованные земли. Но судьба этой экспедиции свидетельствовала, с какими трудностями связано путешествие в этой области, где плавучие льды не допускают корабль и чрезвычайно затрудняют путь на лодках или санях.

Прошло 12 лет, и опять взоры всего цивилизованного мира были обращены к области Новосибирских островов, когда Фритьоф Нансен повел туда свой корабль «Фрам» с тем, чтобы войти в льды и добровольно отдаться в их власть. На эту мысль вдохновил его необычный заключительный эпизод трагического путешествия Де-Лонга: некоторые предметы с корабля Жаннетты были найдены на льдинах около

Гренландского побережья. Как они попали туда? Кто пронес их от берегов Сибири через весь Ледовитый океан? Очевидно, льды. Так пусть же они пронесут весь корабль!

Во время подготовки более чем рискованного путешествия «Фрама», известный русский полярный путешественник барон Толль, уже раньше побывавший на Новосибирских островах и, как ему казалось, видевший оттуда землю Санникова, вызвался на случай, если бы «Фрам» погиб во льдах, приготовить путь отступления для Нансена и его спутников, устроив на Новосибирских островах несколько складов провизии. Средства на это дал тот же Сибиряков, желавший чтобы русское гостеприимство встретило отважных путешественников у крайних пределов России. И лето 1893 г. барон Толль провел на Новосибирских островах, устроив целую систему депо и производя попутно научные наблюдения. Как мы знаем, склады провизии Нансену не понадобились — его дерзкий план оправдал себя, и могущественные полярные льды, которых так боялись прежние исследователи, покорно донесли «Фрам» до Атлантического океана. Но у Толля уже тогда зародился план нового путешествия на поиски таинственной земли Санникова и других земель к северу от Новосибирских островов. Эта задача и была целью экспедиции, которая под руководством Толля в 1901 году отправилась по следам Норденшельда и Нансена.

Ни одно из русских полярных путешествий не было так широко и богато обставлено, как это. Бла-

годаря покровительству Академии Наук и ее председателя вел. князя Константина Константиновича, экспедиция совершенно не стеснялась в средствах, могла приобрести прекрасное судно «Зарю», одинаковое по типу с «Вегой», и оборудовать его по новейшему требованию. Состав экспедиции, как ее члены, так и экипаж, был подобран с чрезвычайной тщательностью и очень удачно. Между прочим среди членов экспедиции отличался своими способностями и энергией лейтенант А. В. Колчак, которому принадлежит главная роль в заключительном акте экспедиции.

План Толля был обширен. Из Петербурга мимо берегов Скандинавии через Ледовитый океан и Карское море «Заря» должна была достигнуть Челюскина мыса и, пройдя его в том же году, зазимовать где-нибудь около восточного берега Таймырского полуострова, занявшись его изучением. В следующем году, как только лед позволит, немедленно отправиться на Новосибирские острова и Землю Санникова и, если удастся, еще далее на север для того, чтобы выяснить вопрос, не является ли земля Санникова и остров Гордона Беннета частью какого-то неизвестного архипелага. С окончанием навигации экспедиция должна была через Берингов пролив вернуться домой, или, в крайнем случае, остаться на зимовку около устья Лены.

Путешествие началось при наилучших предзнаменованиях. 8 июня 1900 года «Заря» снялась с якоря и вышла в далекое плавание. 25 июля ею был пройден Югорский Шар, и «Заря» вошла в Карское море, которое тоже было пройдено без всяких приключений.

14 августа экспедиция находилась уже неподалеку от Таймырского полуострова, и «Заря» вошла для обследования в незнакомую бухту, названную Толлем «Заливом Миддендорфа». Но тут счастье изменило экспедиции. Попутный заход в бухту неожиданно превратился в долгую стоянку. На следующий день нанесло с моря значительное количество льда, и «Заря» оказалась отрезанной от открытого моря, попав как бы в мышеловку. Целых три недели стояла «Заря» в этом заливе, теряя краткое драгоценное время, в которое освобождается проход через Таймырский пролив. Когда, наконец, в начале сентября «Заря» освободилась из ледяной западни, она не могла пробиться через льды около Челюскина мыса. Поэтому пришлось зазимовать не у восточного берега Таймырского полуострова, как предполагалось ранее, а у западного, оставляя искание прохода до следующей навигации, что могло грозить потерей еще одного года.

Зима была проведена вполне благополучно, если не считать нескольких случаев легкого заболевания цынгой. Зимнее время было использовано для санных поездок по Таймырскому полуострову, и было сделано несколько попыток связаться санными экспедициями с внешним миром. Два раза капитан Коломейцев пытался достичь поселений у Лены, но оба раза вынужден был возвратиться назад, не найдя дороги среди ледяной пустыни и тундры. И лишь в третий раз, отправившись уже на запад, к Енисею, он, после замечательного перехода 700 верст по льду, достиг цели и сообщил миру о положении экспедиции.

Наступило лето; «Заря» все оставалась во власти льдов; и одно время могло казаться, что она не освободится вовсе. Но вот 12 августа лед в бухте стал лопаться и вскоре был вынесен в море. Вместе с ним очутилась на воле и «Заря» и на этот раз без затруднений обогнула Челюскин мыс (19 августа).

Но до конца навигации было так много задач, которые экспедиция должна была разрешить, и так мало времени!.. Поэтому решено было по возможности сократить план исследований и ограничиться только существеннейшим. Между прочим, оказалась неосуществимой из-за недостатка времени остановка около восточного берега Таймырского полуострова, и «Заря» взяла курс прямо к острову Гордона Беннета. Курс этот пересекал области к северу от острова Котельного, примерно в том месте, где должна была находиться земля Санникова. Море было почти совсем свободно от льда, и понятно, с каким напряжением всматривались все в окружающее пространство, рассчитывая увидеть неизведанные берега. Но никаких признаков земли заметить не удалось, тем более, что часто над морем поднимался густой туман. 29 августа впереди зачернел высокий выступ земли. Это был мыс Эммы на острове Гордона Беннета. Толль предполагал высадиться на острове. Но берега были окружены широким поясом непроходимого «пака», т. е. нагромождения плавучих льдин, и добраться к ним не было никакой возможности. Кроме того, море очень часто застилалось густым туманом, и тогда вообще приходилось стоять на месте. Так прошли томительные три

дня, полные нетерпеливого ожидания. Туманы не прекращались, окутывая море и землю. Иногда наступали просветы, и опять замаячит то верх, то низ скал острова. Но только «Заря» двинется с места, все кругом снова закрывается непроницаемой завесой, и опять надо останавливаться. Решились было итти в туман по краю льда, окружавшего остров. Но сами не заметили, как «Заря» вошла в пак и оказалась со всех сторон окруженной льдинами. 31 августа туман рассеялся. Но открывшаяся картина показала лишь, что надо скорее уходить от острова; море со всех сторон было покрыто надвинувшимися с севера ледяными полями, и лишь к юго-западу оставался открытый путь. Пробиваться дальше — значило отдать пароход во власть ледяной стихии, так как морозы начинали крепчать. Не оставалось ничего иного, как отказаться от заманчивой мысли вступить на почти еще неисследованную землю и уходить, пока не поздно. Но была возможность еще раз попытаться добраться до земли Санникова! И вот «Заря» снова отправилась бороздить море в том месте, где предполагалась эта земля. Толль хотел даже избрать ее местом второй зимовки «Зари». Но льды на этот раз стесняли курс парохода, а туман почти все время густой пеленой висел над морем. Поэтому последняя надежда достигнуть в этом году неизведанной земли растаяла.

Но итти дальше в тумане и пробиваться через льды грозило опасностью застрять среди льдов. Ведь после плавания Де-Лонга и Нансена всем было известно, что в этих морях льды несутся к северу, и ко-

рабль, попавший в них, может освободиться только после многих лет плавания, продержавшись до Атлантического океана. Оставалось — планомерное отступление на зимовку на остров Котельный. Оттуда можно было установить связь с внешним миром и вместе с тем заранее произвести рекогносцировку окружающих областей, чтобы возможно продуктивнее использовать следующую навигацию.

Результат плавания первой навигации был отчетлив: несмотря на исключительно благоприятное состояние льдов на море, на корабле островов и земель, лежащих севернее Новосибирских островов, достигнуть нельзя. Приходилось или отказаться от дальнейших попыток и возвратиться домой, или искать других путей. Другие пути — это лодка и сани. Но одни сани явно были недостаточны. Наблюдения прежних экспедиций, в особенности лейтенанта А н ж у и самого Толля, показали, что как раз на севере Новосибирских островов лежит раздел неподвижного льда, образующегося зимой на всей прибрежной полосе Ледовитого океана, и ледяных полей, движущихся на Ледовитом океане по воле течений и ветров. На границе этих двух областей всегда имелась громадная полынья, с незамерзшей или слабо замерзшей водой, по обоим краям которой гигантскими ледяными давлениями нагромождались колоссальные массы льдин, ледяных гор и торосов, образующих мощный непроходимый вал с обеих сторон полыньи. Таким образом, отправляясь по льду на исследование к северу, надо было пройти и эту полынью и образованные по ее

краям валы и попасть в область великих столкновений, громадных полей с нагромождением препятствий, с трещинами во всех направлениях. Понятно, какие опасности грозят путешественнику, рискующему вступить в эту область вечной борьбы ледяных великанов!

Но барон Толль все же решил попытать счастья и добраться к острову Гордона Беннета на нартах с байдарками. Он рассчитывал весною отправиться в путь, пробыть на острове лето и поджидать «Зарю», если она сумеет достигнуть острова. Если же льды окажутся снова непроходимыми, то Толль предполагал зазимовать на острове и лишь ранней весной следующего года вернуться санным путем назад. Риск путешествия был чрезвычаен. Сам Толль отчетливо сознавал это. В его дневнике, относящемся ко времени подготовки путешествия, мы находим трогательную запись:

«О, Боже, дай мне вернуться домой! Как мне хотелось бы вместе с тобой (женой) и с детьми заниматься историей, искусством, философией и всем иным, каким блаженством было бы это для меня. Но перед этим — сражение с природой!»

В конце мая, в сопровождении астронома Зееберга и двух промышленников-якутов, он отправился через северную конечность острова Котельного в безвестный путь через льды к неисследованной земле «сражаться с природой»!

После ухода барона Толля, оставшимися участниками экспедиции в течение лета были сделаны несколько экскурсий. Между прочим, К о л ч а к совершил поездку

к западу и северу от острова Белковского, лейтенант Матисен к северу от острова Котельного. Обе экскурсии установили, что, действительно, между неподвижным льдом, окружающим острова и доходящим до материка, и подвижными ледяными полями, покрывающими Ледовитый океан, имелась та знаменитая полынья, которая преградила путь еще лейтенанту Анжу. По обоим краям этой полыньи высились громадные валы нагроможденных колоссальных ледяных глыб. И невольно являлась тревога за судьбу экспедиции Толля.

Навигация началась к 8 августа. Но на этот раз состояние льдов было значительно менее благоприятно, чем в прошлом году. Линия границы пловучих льдов спускалась гораздо ниже к югу и почти не отходила от северных берегов Новосибирских островов. Все же «Заря» предприняла несколько попыток пробраться на выручку Толлю. Два раза пробивалась она проливом между Котельным и Белковским островом, потом спустилась к югу и пыталась пройти Благовещенским проливом между островами Фаддеевским и Новой Сибирью, наконец, была сделана попытка зайти с востока Новосибирских островов, но ни разу не удалось подойти к острову Беннета ближе 90 миль. Почти все время навигации упорные северо-западные ветры гнали льды из Ледовитого океана к Новосибирским островам, и граница пака все лето не отошла к северу. Но вот, на «Заре» израсходован почти весь уголь; осталось лишь последних 15 тонн, которых едва хватало для того, чтобы добраться до устья Лены. Это заставило

прекратить поиски. Корабль направился в бухту Тикси, около устья Лены, где все члены экспедиции были взяты на пароход «Лена» и доставлены в Якутск, а оттуда в Петербург.

Неизвестность судьбы барона Толля сразу стала вызывать беспокойство. И комиссия по организации экспедиции заранее уже разработала план помощи Толлю на следующее лето. Прежде всего, если Толль остался зимовать на острове Беннета, нужно было подготовить ему встречу; для этого решено было сложить депо провизии и платья на всех северных конечностях Новосибирских островов. Эту задачу принял на себя инженер Брусневи блестяще выполнил ее в течение лета 1903 г. Но могла ли помощь ограничиваться этим? Ведь, экспедиция Толля в силу болезней, недостатка припасов, гибели лодки могла остаться на острове Гордона Беннета. Не следовало ли организовать помощь ему там? Но тут вставал вопрос — каким образом? Достигнуть острова на корабле, как выяснило плавание «Зари», нельзя. Да и трудно было снарядить корабль для этой цели, так как «Заря» не имела угля, а доставить уголь в достаточном количестве к устью Лены было делом едва ли выполнимым.

Поэтому был предложен другой план — экспедиции на лодках, с санями. Конечно, после всего, что было известно о пути к острову Гордона Беннета, риск такого путешествия был ясен; вопрос, кто решится отправиться в такое путешествие, кто решится взять на себя руководство этой экспедицией — играл исключительно важную роль.

Выбор пал на К о л ч а к а, и он без колебаний принял на себя эту задачу. 16 января он получил первые суммы на экспедицию, 19 января выехал в Мезень для найма промышленников, которые могли бы итти с ним в это рискованное плавание, а 8 марта со всей партией прибыл уже в Якутск.

Местом отправления Колчак выбрал Казачье на Яне. Туда должны были доставить вельбот с «Зари», собак и все запасы. В виду огромного расстояния от материка до острова Беннета и возможных непредвиденных задержек, приходилось очень дорожить временем и торопиться. А между тем препятствие нагромождалось одно на другое. Когда Колчак приехал в Казачье, оказалось, там еще не было вельбота. Тогда он сам сел на нарту и на оленях проехал почти тысячу верст по тундрам к бухте Такси, где зимовала «Заря». Там он узнал, что вельбот на оленях уже отправлен, и действительно, вернувшись в Казачье, он уже нашел там лодку. За время отсутствия Колчака шла скупка собак. Благодаря распорядительности помощников, несмотря на крайние затруднения, удалось достать 161 собаку; часть была куплена и пришла с Индигирки, другая была собрана по окрестностям Казачьего. Но в этом году на побережье Сибири случился голод, в виду плохого улова рыбы. Корму было мало и людям, не только что собакам. А между тем собак надо было кормить хорошо, так как они за зиму исхудали и не годились для работы. Поэтому, не останавливаясь перед расходами, Колчак приказал кормить собак олениной, на что ежедневно уходило $5^1/_2$ оленей. Хуже

было с запасом на дорогу; достаточного количества сушеной рыбы приобрести не удалось, и приходилось рассчитывать только на охоту.

В дорогу Колчак отправился 5 мая. Вначале вся экспедиция состояла из 17 человек, в том числе 8 каюров, то-есть погонщиков собак из якутов и тунгусов. С ними шло 10 нарт, имеющих каждая по 13 собак. Вельбот везли по льду на двух нартах, запряженных 30 собаками. Путь по льду был очень труден. Снег и лед делались уже рыхлыми, и нарта с тяжелым вельботом постоянно проваливалась. Поэтому переход пришлось совершать только ночными часами, когда несколько подмерзало... Лед был неровный, часто попадались громадные торосы. В них приходилось прорубать путь и общими силами протаскивать 36-пудовую шлюпку через хаотически нагроможденные холмы ледяных глыб и обломков. Собаки очень уставали и отказывались итти больше 6 часов.

Колчак предполагал итти кратчайшим путем, через Большой Ляхов прямо к Фаддееву острову. Но уже на Большом Ляховом кончился запас корма для собак, и нужно было промышлять охотой. Поэтому совершить длинный путь морем было невозможно, и пришлось выбрать маршрут через Малый Ляхов, Котельный и лишь оттуда к Фаддееву.

Путь с каждым днем становился труднее. Особенно памятен остался переход от Малого Ляхова к Котельному. Лед был неровный, ломанный, покрытый громадными торосами. И собаки и люди прямо выби-

вались из сил. И лишь 23 мая, наконец, достигли Котельного и остановились в Михайловом Стане.

Тут партия Колчака разделилась. Две партии остались на Котельном и ушли на место своей летовки. Сам же Колчак с шестью матросами вельботной команды остался в Михайловом Стане, ожидая вскрытия моря и приготавливая вельбот к плаванию. Между прочим, к нему для более легкого втаскивания на лед были приделаны полозья. Кроме того, чтобы экономить запасы провизии, часть команды все дни проводила в охоте на оленей, уток и гусей, так что партия имела постоянно запасы свежей пищи и почти не трогала консервов. С образованием широкой полыньи в устье реки, начались испытания вельбота, прилаживание груза, испытание прочности полозьев и упражнения по вытаскиванию вельбота на лед и передвижению его тягой.

10 июня была сделана первая попытка выйти в море. Но около берегов оказалось еще слишком много льдов, и пришлось вернуться назад. Лишь 18 июня, после сильного северо-западного шторма, отогнавшего лед от берегов, началось беспримерно рискованное плавание вдоль берегов земли Бунге, Фаддеевского острова, через Благовещенский пролив к острову Новая Сибирь, откуда от мыса Высокого предполагалось отправиться к острову Беннета.

Путешествие в лодке вдоль Новосибирских островов было трудно и утомительно. Вот как рассказывает Колчак о плавании вдоль земли Бунге, этой маленькой северной Сахары, состоящей из плоской от-

мели, в которой трудно отличить, где кончается море и начинается берег:

«Ледяной покров только что взломался и своими движениями нагромоздил вдоль низменного и отмелого побережья земли Бунге громадные четырех-пяти-саженные валы летних торосов. Сначала мы старались пробираться узким каналом между берегом и ледяным валом, но отмели принудили нас перебраться через торосы и взломанные ледяные поля дальше от берега в море. С первых дней нашего выхода с Михайлова Стана пошел густой снег, не переставший итти почти до перехода через Благовещенский пролив. Мне никогда не приходилось видеть такой массы снега во время арктического лета; снег шел не переставая густыми хлопьями, заваливая все на вельботе мягким, влажным покровом, который таял в течение дня, вымачивая нас хуже дождя и заставляя испытывать ощущение холода сильнее, чем в сухие морозные дни. Время от времени для отдыха и чтобы согреться мы предпринимали высадку на берег. Найдя проход в ледяном вале, мы входили в тихую, точно в озере, полосу воды шириной иногда около кабельтова и сейчас же садились на мель. Приходилось вылезать всем в воду и тащить, насколько хватало сил, вельбот ближе к берегу. Затем мы переносили палатку и необходимые вещи на берег, разводили костер из плавника, отдыхали и принимались снова бродить по ледяной воде, пока не удавалось вытащить вельбот на глубокое место, где мы ставили паруса и отправлялись дальше. Иногда мы прямо выбирали площадку на торосе и устраивались на

ней, предпочитая предпринимать довольно отдаленные экскурсии за плавником на берег, чем перетаскивать вельбот по отмели».

Не легче был и дальнейший путь.

«Наше плавание вдоль берегов Фаддеевского острова продолжалось при той же снежной погоде, придавшей совершенно зимний вид берегам и тундрам этого острова. Высадки наши на берега были еще затруднительнее, чем на земле Бунге. Шлюпка садилась на мель чуть не в $1^1/_2$—2 кабельтовых от берега, и чтобы выбраться на него, приходилось совершать путешествия по вязкому илу, под которым часто встречалось ледяное дно. Эти путешествия всегда кончались невольными купаниями. Отсутствие запасов одежды ставило нас в крайне неприятное положение все время находиться в сыром платье, что при температурах около нуля было временами очень тягостно. Хорошо, что мы повсюду находили плавник и имели возможность время от времени разводить огонь».

Еще труднее была переправа через Благовещенский пролив между островами Фаддеевским и Новая Сибирь. Этот сравнительно мелкий пролив отличается чрезвычайной стремительностью и прихотливостью своих течений. Происходит это, главным образом, от морских приливов и отливов, то вливающих то выливающих значительные массы воды в пролив и создающие, в виду его мелководья, стремительные потоки то в ту, то в другую сторону. Направление этих потоков еще усложняется влиянием ветров, которые тоже то пригоняют, то отгоняют воду с моря. Массы льда мест-

ного образования и пригнанные с моря носятся все время по проливу, наползают на мель, нагромождаются друг на друга, образуя громадные заторы или «стамухи», потом опять сдвигаются с места, сталкиваясь и разбиваясь о другие ледяные поля. Таким образом, Благовещенский пролив представляет собою картину как бы могущественной реки в ледоход. И не трудно представить себе всю сложность и опасность переправы через него на лодке. «Мы провели около трех суток на этом 25-ти верстном пространстве в самой тяжелой и серьезной работе, осложняемой туманом и снегом, то вытаскивая вельбот на стоячие льдины, чтобы избежать напора и не быть увлеченными стремительно несущимися массами льда, то снова спуская его на воду. Эта работа оставила у нас впечатление наиболее трудной части нашего плавания на Беннет».

На острове Новая Сибирь Колчак встретил летовавшего там инженера Бруснева, который жил совершенно один, послав всех своих людей на охоту в глубь острова. Отдохнув на острове, поправив повреждения, освежив, насколько можно было, запасы и дождавшись наиболее благоприятного времени года, Колчак 2 августа отправился в решительное плавание к неприступному доселе острову Беннета.

«Двое суток шли мы почти беспрерывно то греблей, то под парусами, встречая в открытом море редкие мощные льдины, дававшие нам временно пристанище для отдыха и еды. Однако, подобных льдин было так мало, что часто нам приходилось устраиваться крайне неудобно на небольших сравнительно обломках.

В последнюю ночь перед приходом на Беннет одна такая льдина треснула под нами, и мы едва не потеряли своего вельбота. Наконец, на вторые сутки на прояснившемся туманном горизонте вырисовались черные, отвесно спускающиеся в море скалы острова Беннета, испещренные полосами и пятнами снеговых залежей; постепенно подымающийся туман открыл нам весь южный берег острова с двумя, как казалось, ледниками, спускающимися с сплошных фирновых полей, покрывающих верхние части земли, в море. Под берегом плавала масса мощных льдин, возвышающихся над водой до 20—25 фут.; множество кайр и чистиков со стайками пловунчиков лежали кругом, с необыкновенным равнодушием к вельботу, подплывая к нему на несколько шагов; кое-где на льдинах чернели лежащие тюлени. Ветер стих, мы убрали паруса и на веслах стали пробираться между льдинами. Без особых затруднений мы подошли под самые отвесно подымавшиеся на несколько сот футов скалы, у основания которых на глубине 8—9 саж. через необыкновенно прозрачную воду виднелось дно, усеянное крупными обломками и валунами. Неподалеку мы нашли в устье долины со склонами, покрытыми россыпями, узкое песчаное прибрежье, где высадились, разгрузили и вытащили на берег вельбот».

Когда приставали к острову, первое, что бросилось в глаза, была покрышка алюминиевого котелка, блестевшая в воде около берега. Этот котелок принадлежал Толлю и, таким образом, свидетельствовал, что Толлю, во всяком случае, удалось достигнуть

острова. Дальше на берегу открыли небольшую груду сложенных камней и медвежью шкуру. Поблизости видны были следы лагеря: обуглившийся плавник, оленьи и птичьи кости, гильзы от патронов . . . Все это несомненно показывало на пребывание здесь Толля.

Вытащив лодки и отдохнув, Колчак отправился на мыс Эммы, где, по условию, Толль должен был оставить каменный знак и письмо. Пришлось войти в глубь острова, так как с моря высокие отвесные стены в несколько сот футов вышиной были совершенно недоступны. Уже приближаясь к мысу, Колчак нашел следы Толля, в виде остатков костра, медвежьей шкуры и пр. На мысе найден был сложенный из камней знак, около которого находилась бутылка. В бутылке хранились три записки. Одна сообщала о благополучном достижении острова, другая указывала месторасположение жилища, а третья, написанная рукой Зееберга, указывала новое место жилища и об'ясняла, почему именно его пришлось переменить. На основании этих данных Колчак отправился искать место жилища. Пройдя весь остров, он нашел хижину, которая оказалась покинутой и наполовину занесенной смерзшимся снегом. Кругом было много следов, указывающих с несомненностью на то, что именно в этой хижине жили Толль и его спутники. В поисках каких-либо письменных следов был удален лед из хижины, и тогда под кучей камней нашли кусок паруса, в котором находилось еще одно последнее письмо. Письмо было написано наспех и сообщало краткий рассказ о переходе на остров Беннета,

который оказался каменистой землей, около 40 верст в окружности, и о том, что 26 октября экспедиция, имея запасов пищи на 14—20 дней, отправилась назад через лед к Новосибирским островам. Письмо кончалось словами: «Отправляемся сегодня на юг, провизии имеем на 14—20 дней. Все здоровы». Дата: 26 октября 1902 года.

Уход с острова в такое позднее время года представлялся сам по себе довольно загадочным. И так крайне трудный переход на Новосибирские острова в это время становился почти невозможным. В конце октября солнца нет, и только около 2—3 часов около полудня в ясные дни наступают сумерки от зари, появляющейся на юге. Остальное время царит тьма. А между тем все трудности пути, связанные с необходимостью переходить границу между подвижным паком и неподвижным льдом увеличиваются в чрезвычайной мере. Морозы в это время могут доходить до 40° Ц., при чем открывающиеся полыньи и трещины, окутанные густыми испарениями, немедленно покрываются более или менее толстым слоем ледяных кристаллов, придающих поверхности воды вид ледяной каши, движение по которой невозможно не только для байдарок, но даже и для большой шлюпки, благодаря быстрому обмерзанию корпуса шлюпки и весел. В течение октября и ноября постоянно бывают более или менее жестокие пурги или снежные штормы, и такая пурга в темноте, на движущемся льде, является очень серьезным делом. Если прибавить к этому крайне ограниченный запас провизии, топлива и само-

дельное, приготовленное на острове Беннета зимнее платье и обувь, то представить себе трагический исход для партии в 4 человека, попавшей в подобную обстановку, не трудно.

Колчак задавал себе вопрос, что могло побудить Толля отправиться в такое путешествие, тем более, что он при составлении плана считался с возможностью зимовки на острове, но никак не предполагали возвращаться с него осенью. По мнению Колчака, причиной этому могла служить только полная невозможность зимовки. Толль пишет, что запасов провизии он взял с собой всего на 14—20 дней. Каких-либо оставшихся запасов на острове не было найдено. Очевидно, это было все, чем Толль мог располагать. Являлся вопрос, почему он не заготовил себе провизии охотой? На это может быть дан только один ответ: барон Толль так увлекся и спешил с научными исследованиями, надеясь на приход «Зари», что спохватился лишь тогда, когда главная дичь — олени и птицы — уже ушли с острова, и перед лицом наступающей суровой зимы барон Толль оказался совершенно беззащитным.

Колчак не ограничился находкой письма. Самым тщательным образом был расчищен весь снег в хижине и внимательно рассмотрена вся окружающая местность. И, лишь окончательно убедившись, что больше ничего существенного найти нельзя, и что совершенно исключена возможность, чтобы на острове находился кто-либо в живых, Колчак решил немедленно возвращаться. Дольше оставаться он не мог, так как время

было позднее, истекали последние не только дни, но, можно сказать, часы для плавания на лодке. Кроме того, у него был слишком незначителен запас провизии и патронов.

Обратный переход начался 7 августа и в некоторых случаях был еще труднее, чем путь к Беннету. Так, уже около берега острова Новой Сибири путников застигла настоящая буря. Опоздай они на несколько часов, и застигни их эта буря в открытом море, вельбот неминуемо был бы захлестнут волнами или раздавлен между носящимися по морю льдинами. Точно так же переход через Благовещенский пролив был очень труден, и целых двое суток бились путешественники между льдов, то плывя на лодке, то перетаскивая тяжелый вельбот через сгромоздившиеся льды, пока, наконец, прошли 25 верст, составляющих ширину пролива.

На Новосибирских островах Колчак находился до поздней осени, пока море не стало. Лишь 26 января, после семимесячного путешествия, он вернулся в Якутск, покрытый заслуженной славой отважного путешественника. Так как нигде на Новосибирских островах не было найдено следов Толля, то следует считать, что он со своими спутниками погиб на пути от острова Беннета к Новой Сибири

V. ПЕРВАЯ РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ К ПОЛЮСУ.

Г. Я. Седов. — План полярной экспедиции. — Поддержка и критика. — Со всех сторон препятствия. — Начало плавания. — Повсюду льды. — «Св. Фока» на мели. — Зимовка у Панкратьевых островов. — Зимний быт и развлечения. — Новоземельская экспедиция Седова, Павлова и Визе. — Весть на родину. — Освобождение из льдов. — Снова всюду льды. — Пробились! — Нет топлива. — Вторая зимовка. — Лишения и болезни. — Седов уходит к северу. — Гибель Седова. — Плавание «Св. Фоки». Встреча со штурманом «Св. Анны» Албановым. — — Сжигая корабль через льды. — Освободились. — Значение экспедиции Седова.

Русские полярные экспедиции последних лет: Русанов, Брусилов, Вилькицкий. Поиски пропавших экспедиций.

Мы уже ознакомились со многими замечательными путешествиями, славными подвигами, достижениями и открытиями, совершенными русскими людьми. Но все это происходило около берегов России и служило для изучения ее собственных пределов или для разрешения чисто практических задач. И ни разу еще русский путешественник не отправился прямо к северу, ни разу не была поставлена смелая и такая характерная для современного человека цель: северный полюс.

Мечта эта, создавшая в Европе и Америке замечательнейший эпос подвигов и жертв*), как бы не существовала для русских. В то время как не только морские и северные страны, Англия, Норвегия, Швеция и Соединенные Штаты, но даже не имеющая почти выхода к морю Австрия и южная Италия соперничали между собой в смелости и успешности полярных путешествий, Россия, этот северный колосс, безучастно смотрела на соревнование в исследованиях северных просторов, в знании которых более всего заинтересована она сама.

---

*) Для справки, напомним вкратце хронологию главнейших путешествий, ставивших своей задачей достижение северного полюса. Генрих Гудзон, идя вдоль восточных берегов Гренландии, достиг в 1607 году 81° сев. широты. Пэрри, отправившись санями на оленях по льду к северу от острова Шпицбергена, достиг в 1827 году 82° 45′. В 1876 году англичанин Маркхэм, участник экспедиции Нэрса, достиг у западных берегов Гренландии 83° 20′. В 1882 году лейтенант Локвуд, член несчастной американской экспедиции Грили, дошел в том же направлении до 83° 24′. Эти рекорды были оставлены далеко позади экспедицией Нансена. На корабле «Фрам», специально построенном для плавания среди льдов, он умышленно вошел в полярные льды около Новосибирских островов и дал им нести себя через Ледовитый океан до Атлантического океана. При этом корабль достиг в 1895 году 85° 57′, рекорд, до сих пор не превзойденный ни одним кораблем. Сам Нансен во время этого плавания сошел на движущиеся льды и направился с Иогансеном на санях с собаками к северу и достиг в том же году 86° 4′. В 1900 году Каньи, участник итальянской экспедиции герцога Абруццкого, поставил новый рекорд 86° 34′, идя на север от земли Франца-Иосифа. Этот рекорд был в 1906 году улучшен Пири, дошедшим до 87° 6′ к северу от земли Гранта. В 1909 году тот же Пири, после пятнадцатилетней тренировки в полярных путешествиях, наконец, достиг желанной цели 90°, и северный полюс был, таким образом, побежден. Приоритет Пири оспа-

Ведь не даром говорят, что если Россию мыслить в виде здания, то фасад ее следует считать обращенным к Ледовитому океану . . .

Лишь в самое последнее время начало пробуждаться в России сознание ее северного долга перед собой и человечеством. После необычайно смелого и удачного путешествия норвежца Нансена, в русских географических кругах стали поговаривать о необходимости и для России снарядить полярную экспедицию. Адмирал Макаров выступил с планом

ривал Кук, претендовавший на открытие северного полюса годом ранее, но правильность показаний Кука подвержена чрезвычайно серьезным сомнениям.

Кроме этих, так сказать, удачных путешествий, многие исследователи, не достигшие рекордов, делали немаловажные открытия. Так австрийская экспедиция Пайера и Вайпрехта открыла обширный северный архипелаг земли Франца-Иосифа. Американская экспедиция Де-Лонга открыла острова к северу от Новосибирских островов.

Кроме задачи достижения полюса, история северных полярных экспедиций знает еще две задачи, отыскание двух северных путей из Атлантического океана в Тихий: северо-западного, вдоль северных берегов Америки и северо-восточного, вдоль берегов Старого Света. Неразрешимость первой задачи была выяснена во время пятнадцатилетних поисков экспедиции Франклина, имевших место в середине прошлого столетия. Правда, в последнее время норвежцу Амундсену удалось на маленькой яхте пройти в четыре года весь северо-западный путь. Но это путешествие не опровергло, а лишь подтвердило полную невозможность организовать плавание по этому пути, имеющее какое-либо практическое значение.

Иначе разрешился вопрос о северо-восточном пути. О плаваниях Норденшельда и Нансена, впервые прошедших этот путь, мы уже упоминали выше, рассказывая о плаваниях Толля и Вилькицкого

путешествия к северному полюсу на могущественном ледоколе, способном раскалывать приполярные льды. Менделеев часто возвращался к мысли о необходимости России принять участие в международном соревновании в достижении полюса. Но первой русской полярной экспедиции суждено было выступить в путь уже после того, как не только северный, но и южный полюс были достигнуты. И все же, несмотря на то, что русская полярная экспедиция далеко не достигла своей цели, она по своему внешнему и научному интересу занимает одно из первых мест среди русских путешествий по северным странам.

Уже сама личность руководителя этой экспедиции была незаурядной и малообычной.

Георгий Яковлевич Седов родился в 1877 году в местечке Кривая Коса на берегу Азовского моря, в семье рыбака - хуторянина. Родители его были люди бедные, простые, неграмотные, не понимали значения науки и не хотели учить у сына:

«Прожили мы без грамоты, проживет и он».

И Седову с малых лет пришлось помогать отцу ловить рыбу, плести сети, грести на лодке. Только 14 лет, мальчик сам вымолил у отца позволение ходить в приходскую школу. По окончании школы Седов попал в бакалейную лавку приказчиком. Там, пользуясь урывками свободного времени, приспособившись где-нибудь между мешками, проводил он свои досуги, сидя над книгами или тетрадями. Но не сказки, не романы, не выдуманные приключения увлекали его; и уже в то время, где только мог, старался он достать книги

о путешествиях, где описывались правдивые приключения в неизведанных странах. Из этих книг мало-по-малу он ознакомился с географией и стал сам бредить заморскими странами и путешествиями. Но как вырваться из обстановки, где высшей целью, казалось, было стать самому хозяином лавки? И вот, юноша расспрашивает всех людей и как-то от прохожего матроса узнает, что в Ростове-на-Дону есть мореходные классы, что в этих классах учат бесплатно, и что там можно доучиться до капитана.

Перед юношей встала новая цель — поступить в это мореходное училище. Началось урезывание во всем, где только было можно, чтобы скопить немного денег. И когда в кармане оказалось несколько рублей, Седов тайком от хозяина и родителей убежал из лавки. Где пешком, где спрятавшись в товарном поезде, где зайцем под скамейкой, пробирался Седов в Ростов. Но там оказалось, что его несистематические знания совершенно недостаточны для поступления в училище. Пришлось самому готовиться дальше. Денег было так мало, что юноше вначале приходилось питаться только хлебом. К счастью, нашелся добрый человек, который помог ему пробиться первый год. Со второго года Седов стал летом плавать матросом на пароходах по Черному Морю, а зимой на скопленные деньги занимался в мореходных классах. В 1898 году Седов прекрасно кончил классы и получил звание штурмана дальнего плавания. Но и тут еще бедствия не завершились. Кончив классы, Седов никак не мог получить места, не только

штурмана, но даже матроса. Когда, например, он пришел записываться простым матросом в Добровольный Флот, ему сказали:

«Вы будете трехсотым кандидатом» . . .

Поэтому туго и голодно приходилось вначале молодому моряку. Но вот, наконец, получил он место капитана на маленьком пароходе, совершавшем рейсы между портами Черного Моря и перевозившем керосин из Батума в Одессу. Голодные годы окончились. Но Седов не успокаивается, а пробивается дальше. Получив службу, он с первых же дней стал покупать книги и опять готовиться к дальнейшим ступеням морской службы. Через два года он выдержал экзамен на прапорщика запаса флота и тотчас стал хлопотать о разрешении держать сразу за курс Морского Корпуса. Через год он, действительно, успешно выдержал эти испытания. Теперь он уже офицер, счастливчик и весельчак, не обращающий внимания на то, что многие не могут простить ему его «черной кости» и считают его выскочкой.

Морская служба Седова началась в Гидрографическом Управлении. Но и там он не успокаивается и уже мечтает о Морской Академии. Этому помешали, однако, недостаток средств и участие в экспедиции по с'емке берегов Ледовитого океана. Работа в экспедиции продолжалась два года и выдвинула молодого офицера. Его начальник отзывался о нем чрезвычайно хорошо и говорил, что когда предполагается что-нибудь трудно исполнимое — то туда надо посылать Седова. Таким образом, южанин Седов впервые

столкнулся с северной природой, и здесь, вероятно, впервые зародились в нем мысли о самостоятельных экспедициях.

Во время Японской войны, Седов добровольцем отправился на Дальний Восток и всю войну командовал миноносцем. Но он не только исполнял приказы, как бы опасны они ни были. Он выдвигал и самостоятельные планы. Между прочим, ему принадлежал план пробраться на шлюпках, имеющих мины Уайтхеда, в Симонесекский рейд, где стояла японская эскадра, и потопить несколько японских судов. Этот дерзкий проект, сочувственно принятый адмиралом Скрыдловым, не осуществился в виду окончания войны.

После войны продолжалась служба в Гидрографическом Управлении. В 1909 году мы видим Седова уже во главе небольшой экспедиции, командированной для исследования устья реки Колымы. Поставленная задача была выполнена блестяще. Доклад Седова о работах этой экспедиции дал ему звание члена Русского Географического Общества. В 1910 году Седов женился на В. В. Май-Маевской и через два дня после свадьбы уехал опять во главе самостоятельной экспедиции производить с'емку Крестовой губы на Новой Земле. На следующие два года Седов был назначен начальником по триангуляции Каспийского моря. Но работа в Гидрографическом Управлении уже не удовлетворяла Седова. Он не был натурой, которая могла ограничиваться исполнением приказаний начальства. Его кипучая натура требовала подвига, а не казенной размеренной службы. И вот, в мечтах Седова стал вырисовываться

план путешествия к северному полюсу. Однако, не считая себя достаточно подготовленным, он все еще мечтает о поступлении в Академию, занимается математикой, астрономией и магнитологией.

Но вот пришли известия о путешествии Пири, Кука и Амундсена. Седов почувствовал, что более медлить нельзя. И к началу 1912 года мысль о полярном путешествии назрела окончательно. План его, вкратце, состоял в том, чтобы в начале июля выйти на зафрахтованном судне к земле Франца-Иосифа, пробиться на корабле возможно дальше и от места стоянки и зимовки ранней весной, пока лед еще не сломан, по льду, с собаками отправиться к северному полюсу.

История подготовки экспедиции протекала своеобразно, совершенно отлично от подготовки всех других экспедиций: на ряду с официальным направлением дела, Седов сделал попытку заинтересовать своим планом общественные круги России. Почти в одно время с подачей рапорта начальнику Главного Гидрографического Управления А. И. Вилькицкому в газете «Новое Время» началась усиленная кампания в пользу отважного плана, как первой попытки организовать русское путешествие к северному полюсу. В то же время Седов привлек внимание русских законодательных кругов, и за подписью 51 члена Государственной Думы было внесено законодательное предположение об отпуске экспедиции Седова 50 т. рублей. В этом законодательном предположении говорилось, что вся экспедиция обойдется около 150 т. рублей, но остальную часть предполагалось собрать в виде пожертвований

частных лиц и научных учреждений и обществ. Одновременно организовался так называемый «Седовский Комитет», во главе которого встали лидер националистов в Думе П. Н. Балашов, издатель «Нового Времени» М. А. Суворин и В. В. Шульгин.

Правый уклон самого комитета и квасно-патриотическая реклама, с которой действовал комитет, оттолкнули от предприятия все прогрессивные круги общества, в том числе и академические. Достаточно сказать, что ни одно научное общество не приняло участия в подписке на Седова. Но еще более тяжелый удар ожидал Седова со стороны официальных кругов. Путь общественнности, избранный Седовым, агитация через газету, а не действие по инстанциям, при том, через газету, с которой еще со времени японской войны морское ведомство имело свои счеты, — все это создало недружелюбную атмосферу для Седова. И хотя первоначально морской министр высказался сочувственно, но специально учрежденная комиссия специалистов раскритиковала план Седова, высказалась за его невыполнимость и ненужность. Между прочим, комиссия с торжеством отметила некоторые существенные пробелы в познаниях Седова. Он собирался итти через землю Франца-Иосифа, но не познакомился, как следует, с работами его предшественников. Так, между прочим, он указывал, что свою северную базу он собирается устроить на земле Петтермана, а между тем экспедицией герцога Абруццкого было положительно установлено, что такой земли в природе не существует. А на вопрос, знаком ли Седов вообще с

работами этой наиболее крупной и удачной экспедиции, отправившейся в том направлении, каким он собирался итти, ему пришлось ответить, что о работах этой экспедиции он знает только по наслышке. Кроме того, комиссия установила немалые несообразности в деталях плана Седова — в расчете нагрузки собак и саней, в расчете скорости движения и пр. Все эти упущения были, конечно, немаловажны. Но кто знает историю полярных плаваний, тот припомнит, что такие неточности в первоначальном плане не раз бывали и в наилучше подготовленных экспедициях. Всегда первый план представляет собой лишь общий набросок, который потом часто уже во время самого путешествия детально разрабатывается. Например, Де-Лонг, уже снаряжая корабль, советовался со специалистами, между прочим, с Петтерманом, каким путем направиться к полюсу — мимо западных или восточных берегов Гренландии, или от Берингова пролива. Нансен, справедливо гордившийся небывалой тщательностью разработки плана, до момента своего выступления не знал, каким путем он пойдет к Новосибирским островам, через Берингов пролив или северо-восточным путем, а со многими сочинениями, относящимися к полярным плаваниям, познакомился, лишь вернувшись из плавания. И наиболее поразительный факт: Амундсен отправился к северному полюсу, но уже в дороге изменил план и повернул к южному полюсу, о чем даже сами участники экспедиции узнали на последней остановке корабля. А ведь это не помешало Нансену совершить замечательнейшее путешествие

и Амундсену достичь своей цели и открыть южный полюс.

Но для Седова недочеты его первоначального плана оказались роковыми. Комиссия вынесла заключение против исполнимости и желательности плана. Со своей стороны она высказалась за необходимость экспедиции для изучения приполярных стран России, между прочим, указывая на тот факт, что север Новой Земли изучен гораздо хуже земли Франца-Иосифа.

Ближайшим результатом заключения комиссии было то, что правительство высказалось против ассигнования денег Седову из казны. Оно ограничилось лишь предоставлением ему двухлетнего отпуска и оказало содействие в снаряжении корабля. Морское Ведомство пришло в движение и затратило гораздо большие средства, чем просил Седов — но лишь через два года, когда организовывались поиски экспедиции.

Такое отношение правительственных кругов к плану наносило не только непосредственный ущерб, лишая экспедицию средств, на которые рассчитывал Седов, — оно вызвало подозрительность к плану и в общественных кругах. Приток пожертвований, лившийся довольно широко вначале, стал падать, и, собрав около 50.000 рублей, Комитет не мог вызвать дальнейшего притока пожертвований. Тут пришел на помощь Суворин, который открыл экспедиции личный кредит на приобретение всего необходимого инвентаря, наем личного состава и зафрахтование судна. Как велик был этот кредит, можно судить по тому, что вся экспедиция обошлась в 108 тысяч рублей, а

собрано было всего лишь 56.705 рублей. Нечего и говорить, как стесняла эта зависимость Седова, как заставляла его экономить и беречь каждую копейку. Но, несмотря на недостаток средств и малый срок, Седову, благодаря энергии и необычайной настойчивости, удалось найти судно, набрать членов экспедиции, приобрести все необходимые запасы и, правда, с опозданием на полтора месяца, по сравнению с первоначальным планом, выступить еще в то же лето в опасный путь.

Какие трудности приходилось преодолевать Седову, можно судить по истории с зафрахтованием судна «Св. Фока». Надо сказать, что выбор судна был сделан чрезвычайно удачно и умело. «Св. Фока» по типу был совершенно одинаков со знаменитой «Вегой», на которой совершил свое историческое плавание Норденшельд, с «Полярной Звездой», принесшей к земле Франца-Иосифа экспедицию герцога Абруццкого, и «Зарей», служившей русской полярной экспедиции барона Толля. Правда, корабль был уже порядочно стар. Но все главные части корабля, определяющие его устойчивость в борьбе со льдами, сделанные из дуба и более прочно, чем на обыкновенных кораблях, оказались почти в полном порядке. И если бы было время и средства тщательнее подготовить судно, оно вполне отвечало бы своим заданиям. Но, увы, Седову массу времени пришлось потратить на возню с собственником судна Дикиным, который то соглашался вести судно к земле Франца-Иосифа, то вдруг отказывался.

Уже в августе месяце, когда все члены экспедиции собрались в Архангельске, и корабль был погружен, Дикин подал нотариальное заявление, что судно перегружено и не может выйти в море. Потом оказалось, что судно заложено, что страховые общества не соглашаются принять его на страх, что на него наложен запрет по долгам хозяина и т. д. и т. д. Наконец, буквально накануне назначенного к плаванию дня, Дикин окончательно отказался вести судно и подговорил команду судна тоже отказаться. В течение одного дня надо было набрать всю команду, в том числе и капитана, штурмана и помощника механика... Но Седову на этот раз повезло — и все нужные лица к сроку были на судне. Надо отметить, что половина команды Дикина согласилась итти с Седовым.

К моменту отплытия экспедиция состояла из самого Седова, командира судна Н. П. Захарова, штурмана Н. М. Сахарова, механика И. А. Зандера, помощника механика М. А. Зандера, помощника начальника экспедиции врача-бактериолога П. Г. Кушакова, геолога М. А. Павлова, географа и метеоролога В. Ю Визе, художника-фотографа Н. В. Пинегина и 13 человек команды.

Почти такие же трудности представились и со всеми остальными предметами снаряжения. В виду спешности сборов нельзя было испробовать качество всех продуктов, испытать поставленных собак и проверить наличие всех нужных предметов. Многие из заказанного, в том числе и радиотелеграфная стан-

ция, не поспело к сроку, и Седову пришлось отправиться в путь, не взяв всего, на что он рассчитывал.

14 августа 1912 года «Св. Фока» покинул Архангельск, напутствуемый торжественными проводами. Первые дни плавания не принесли успокоения. Прежде всего обнаружилось, что судно имеет течь, и не малую, так что все время пришлось выкачивать набиравшуюся воду. Особенно же много неприятностей принесла качка и шторм в горле Белого моря. Тяжело нагруженный «Фока» не мог справиться со встречным ветром. Машина не только «не выгребала» ни на вершок, но ветром начало относить «Фоку» назад. Судно бросало, как щепку, вода переливалась через оба борта. Седов едва держался на капитанском мостике. Рулевого пришлось привязать, так как боялись, чтобы его не смыло волной. Упорствовать дальше — представляло бы лишь ненужную трату угля. Поэтому решено было укрыться около земли и переждать ветер. О настроении экспедиции свидетельствует запись Пинегина в дневнике:

«Этот отвратительный ветер заставил нас потерять целых три дня и сильно понизил настроение. Мы-то мечтали: скоро увидим землю Франца-Иосифа, поставим «Фоку» у ее белых берегов, а вместо этого — стоянка где-то в Белом море, и вместо открытий новых земель — открытие все новых и новых неприятностей: там конопатку выбило выше ватерлинии, тут разбилась бочка машинного масла, засорилась паровая помпа, а в трюме 40 дюймов воды, надо откачивать

в ручную, чтобы не залило топки и не потопило бы окончательно механиков».

Во время перехода океаном к Новой Земле корабль был снова встречен новым штормом, который заставил экспедицию зайти вместо Крестовой губы в губу Белушью. Плавание вдоль берегов Новой Земли тоже было нелегким, а около Крестовых островов встретились новые льды — сперва разрозненные льдины, потом целые отдельные пловучие горы, айсберги и, наконец, сплошные полосы пловучего льда, окончательно преградившие путь к северу. Тогда Седов взял курс к западу, надеясь обогнуть ледяное препятствие. Но кромка ледяного поля стала неприятно загибать к югу, и, чтобы «не вернуться в Архангельск», Седов решил пробиваться через льды в северо-западном направлении, держа курс прямо за Землю Франца-Иосифа.

В борьбе с ледяной стихией «Св. Фока» показывал чудеса. Вот как описывает Пинегин это плавание.

— «Фока» извивается ужом, проползая самые узкие каналы и щели, поворачивается сразу на 180°, бьет, колет и режет — он в своей стихии. Эта старая неуклюжая посудина, 65-летняя старушка вспомнила свою ледяную молодость. Мы все в восхищении от «Фоки». У него есть свои «маленькие недостатки»: ветхость и течь, но надо видеть, как он слушается руля во льдах. Как будто живое существо. Разлетится с полного хода под парусами и винтом врежется в льдину, со всей силой инерции тяжелого корпуса залезет на нее; расколет, отойдет назад, запляшет винтом по другой полуторасаженной льдине, так что

осколки всплывут за кормой — и снова в аттаку. Он крепко построен: удары с полного хода о лед — шутки для него».

Но льды становились все гуще, отдельные глыбы сменялись сплошными ледяными полями, прорезанными только местами каналами. Но и каналы стали исчезать, и 3 сентября Седов, осмотрев с наблюдательной бочки, заявил, что «хоть собак в саней запрягать», и приказал повернуть к югу. Решено было попробовать снова пробиваться вдоль берегов Новой Земли.

Путь около берегов на этот раз оказался открытым, и «Фока» стал пробираться вдоль берегов к северу, пока около Панкратьевых островов не сел на мель, не обозначенную на карте. Сперва это казалось маленькой неудачей, влекущей лишь непродолжительную остановку. И, дав распоряжение о работах по снятию корабля с мели, сам Седов в сопровождении Визе на шлюпке отправился на берег. Но обнаружилось, что «Фока» сел значительно крепче, чем казалось с первого взгляда, и работа по освобождению предстояла весьма серьезной, тем более, что с берега поднялся ветер, относивший воду и затруднивший снятие с мели. Когда Седов с Визе и матросом поплыли с берега к кораблю, ветер, к довершению бед, так усилился, что их стало относить в море, и они не были в состоянии приблизиться к кораблю. Пришлось снарядить большой баркас с полным комплектом гребцов и со штурманом. С большим трудом добрался баркас до Седова и взял его со спутниками к себе, прицепив шлюпку на буксир. Но тут ветер настолько усилился,

что и баркас не мог ни на вершок приблизиться к кораблю. А между тем с берега двинулись массы льда и вскоре окружили «Фоку» и отделили от него шлюпки. Настала ночь. Оставшихся на корабле мучила неизвестность, что сталось с товарищами, которые были ведь в одних легких платьях, без топлива и без пищи. Лишь поздно ночью около борта корабля послышались голоса — партия Седова возвращалась к кораблю, оставив шлюпки на льдинах.

Но положение и на судне было незавидное. Оно все еще находилось на мели, и льдины одна за другой напирали на него, ударялись о корму с такой силой, что весь корабль дрожал, стонал, трещал и скрипел. Казалось, еще одно усилие, и корабль будет разрушен. А ведь шлюпок не было!

На другой день, с раннего утра продолжались работы по снятию «Фоки» с мели. Но все усилия были напрасны. Пришлось перегружать корабль, освобождая ту его часть, которая сидела на мели, и выбрасывая все лишнее за борт. Так работали до самой глубокой ночи. Лишь к четырем часам утра, когда уровень воды увеличился, корабль сам всплыл. На следующий день сделали попытку спасти две лодки, остававшиеся на льдинах и крайне необходимые для дальнейшего плавания. Но это оказалось делом не легким, так как пришлось перетаскивать лодки по льду. Целых два дня продолжалась работа. В последний день, 9 сентября, работали без перерыва почти целых 24 часа. Наконец, удалось дотащить лодки к «Фоке» и поднять на борт. Но все приключение с остановкой из-за мели

стоило экспедиции пяти дней драгоценного времени, где дороги не только каждый час, но и каждая минута. И когда 10 сентября Седов попробовал пробиваться далее к северу, то лед оказался почти непроходимым. Отдельные ледяные глыбы смерзались уже от начавшихся морозов, и судно продвигалось лишь по несколько десятков саженей в час. После двух дней бесплодной борьбы со льдами, стало ясно, что о земле Франца-Иосифа нельзя мечтать, и приходилось думать только о том, чтобы найти хорошую стоянку для зимовки у Новой Земли.

Такая зимовка, конечно, не соответствовала планам Седова, и по крайней мере на год затягивалось окончание экспедиции. Но сама по себе она имела большое научное значение. Ведь так далеко на севере Новой Земли со времени Баренца не зимовал никто. И Седов решил использовать эту вынужденную зимовку для того, чтобы возможно лучше изучить северные берега Новой Земли. И с широкими планами на зимние наблюдения и весенние работы приступили к окончательной зимней стоянке.

Только тут, стоя на месте и имея досуг, разобрались в недочетах снаряжения. Их, как оказалось, было не мало. Не говоря о таких мелочах, как неправильная упаковка, при которой вытекло большое количество взятого варенья, промокли сухари и пр., а многого из заказанного не удалось найти совсем. Прежде всего ощущался большой недостаток посуды, и пришлось пользоваться почти исключительно посудой Дикина, оставшейся на корабле. «Примусов», т. е. керосин-

ных горелок, было только два, да и то плохого качества, а между тем от их свойств зависит многое в полярных путешествиях, в особенности во время движения на санях, когда «примус» снабжает горячей пищей, водой и теплом. Точно так же обнаружились значительные недочеты в одежде, особенно для команды. Но хуже всего было то, что значительные запасы взятой солонины были не свежи, так что при варке по всему кораблю распространялась нестерпимая вонь.

Тут же, во время зимовки, установили, что только половина собак была пригодной для езды. Дело в том, что из ста взятых с собой собак Седов половину получил из Сибири; ему их доставил Тронтгейм, снабдивший собаками экспедиции Нансена и Толля. Другая же половина была куплена по дорогой цене в Архангельске. Вот эти архангельские собаки, которые были приняты на борт без пробы и испытания, оказались совершенно не приученными к езде и были просто на просто дворняшками, собранными ловким промышленником на улицах. Таким образом, сразу понижались шансы на успех санной экспедиции, при которой, говоря словами Нансена, все сводится именно к «собачьему вопросу».

Несмотря на все эти недочеты, первая зимовка прошла вполне благополучно. Судно было крепким, теплым и хорошо защищало обитателей от полярной стужи. С топливом не было никаких трудностей, так как на берегах Новой Земли найдены были громадные количества выкидного леса. Все члены экспедиции и команда были всегда заняты; маленькие недоразуме-

ния, нарушавшие мирную жизнь, быстро сглаживались авторитетом Седова. Даже матросы, не отличавшиеся особенными качествами и набранные наспех, обожали своего начальника и не думали роптать на судьбу.

Правда, когда скрылось солнце и началась полярная ночь, настроение несколько упало. «На «Фоке» — писал Пинегин 27 ноября — изобилие провианта, тепло, сухо, каждый имеет систематическую работу, есть библиотека, музыкальные инструменты, можно развлекаться на разные лады... А самое главное, все здесь по доброй воле. И все-таки... с каждым днем слышишь все больше и больше вздохов о солнце. Мы становимся поклонниками его».

Но тут началась серия празднеств. Так к Николину дню устроили целое действо. Кто-то вспомнил, что у моряков есть обычай «крестить» всякого вновь проходящего полярный круг, как это делается при переходе через экватор. К действу этому готовились несколько недель, сочинили соответствующий текст в стихах, приготовили маски и костюмы. И обряд крещения, произведенный самолично морским царем, доставил много минут непринужденного веселья.

Еще торжественнее отпраздновали Рождество. Празднование оказалось особенно удачным, так как Седов, совершивший небольшую экскурсию на Новую Землю, привез с собой, кроме астрономических наблюдений, ценных для науки, еще тушу белого медведя, чрезвычайно ценную для обитателей «Св. Фоки», давно уже тосковавших по свежему мясу.

«Рождество встретили, рассказывает Пинегин, сумбурным весельем. После обеденки и пушечного салюта об'едались лучшим из погруженного в трюмы и кладовые. Гвоздем обеда оказался все-таки медвежий бифштекс. Пока шли разные закуски, орошаемые вином, компания весело гомонила. Разговоры даже усиливались по мере усыхания бутылок. Но вот подали бифштекс, и все замолкло. Стук вилок и ножей о тарелки, аппетитное чавканье прерывались разве только возгласами:

— А не перекрыть ли по малой?

После трехмесячного воздержания все пожирали мясо подобно дикарям. Куски таяли на тарелках, как масло на сковороде. Покончив с очисткой тарелок, обменялись впечатлениями.

— Хорошо мяско?

— Хорошо, дай Бог здоровья охотничку.

А один даже разразился целой одой в прозе во славу мяса, ниспосланного на утешение отшельникам в нощи.

На Рождестве вышел экстренный номер журнала «Кают-Компания». Основался он еще при свете дня, но тогда влачил довольно жалкое существование из-за неимения постоянных сотрудников и редактора. Теперь журнал вышел в об'еме большой газеты со всеми отделами с ответственным редактором в лице Визе.

Номер начинался, как полагается, об'явлениями. Впереди в черной рамке извещение:

Родные, друзья и знакомые его превосходительства генерала от инфантерии
МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА
ТОПТЫГИНА
извещают с душевным прискорбием о скоропостижной смерти его, последовавшей в бою при мысе Литке 14 декабря с. г.
Погребение 25 декабря.

Вечером в заключение всех праздничных утех состоялся концерт с участием хора сомнительной стройности и балетных упражнений, весьма подозрительной грациозности — характера явно неустойчивого».

27 января по вычислениям должно было показаться солнце, что было торжественно отпраздновано шествием и пиршеством. Но тучи закрывали его, и было видно только, как с каждым днем утренняя заря становилась и ярче и продолжительнее. Увидеть солнце удалось только 8 февраля.

С наступлением весны решено было приступить к выполнению плана изучения севера Новой Земли. Намечены были три экспедиции: экспедиция Павлова должна была пересечь Новую Землю и, достигнув побережья Карского моря, направиться к югу для того, чтобы связать свои наблюдения с работами Пахтусова. Визе же должен был, также пройдя Новую Землю, итти на север до мыса Желания, а Седов брал на себя

задачу итти на север вдоль берега до встречи с Визе у мыса Желания. Все три экспедиции отправились в середине марта.

Визе и Павлов, чтобы помогать друг другу, решили итти через Новую Землю вместе и разделиться уже около Карского моря. Оказалось, что под'ем на Новую Землю с западной стороны не слишком труден. Начало его облегчали морены, по которым путешественники поднялись до первых нунатаков, т. е. горных вершин, свободных от льда и снега и торчащих из-под ледникового покрова. Дальше под'ем тоже был не крут, но опасен, в виду бесконечного количества трещин, провалов, закрытых ровным смерзшим снегом. Много раз каравану приходилось останавливаться перед такими трещинами и искать обходов... Несколько раз сани и собаки полупроваливались и были на краю гибели. Однажды Павлов, шедший впереди, внезапно исчез с глаз. Когда его спутники подбежали к отверстию в снегу и заглянули вниз темной зияющей пропасти, то не могли рассмотреть ничего. Они уже считали Павлова погибшим, но все же стали звать его. И вот, прислушиваясь, услышали слабый крик Павлова. Оказалось, Павлов еще жил. Провалившись через верхний покров снега, словно мост перекрывавший пропасть, Павлов упал на второй снежный мост, находившийся на значительной глубине. Часть этого моста при падении обрушилась в пропасть, и одна нога Павлова, пробив мост, свободно болталась в пустоте. Но другой свободной ногой и спиной он уперся в стены, и в таком положении ему удалось удер-

жаться на остатках хрупкой снежной перемычки. Павлов рассказывал, что, когда до его слуха донесся вопрос: «Глубоко ли вы?», он ответил: «Да почем же я знаю».

Сверху подвели к трещине обе нарты и опустили веревки. Веревка далеко не достала. Вытащили ее и привязали другую от упаковки нарты. То же. Только связав чуть ли не все веревки, получили надлежащую длину — оказалось, Павлов висел на глубине 10 саженей. Но даже получив конец веревки, Павлов должен был около часа проделывать акробатические упражнения, чтобы одной рукой обвязать себя прочно веревкой. Все приключение отняло около четырех часов. Бедный геолог отделался только ушибами, но он уверял, что минуты полета он не забудет до смерти, а четыре часа «наблюдений над свойствами материкового льда на глубине 10 саженей» ему показались очень долгими.

Ширина Новой Земли в месте перехода оказалась равной 76 верстам. Высшая точка под'ема — 900 футов. Перевал был везде ровный, без волнений.

Труднее всего оказался крутой спуск к Карскому морю, куда вышли к мысу Эдварда. Пришлось довольно долго искать удобного места для перехода, пока, наконец, нашли овраг между двумя ледяными холмами. Но и тут спускаться на санях нельзя было, и пришлось вещи распаковать и нести на плечах.

В общем переход через Новую Землю потребовал около двух недель. А между тем провианту было взято обеими партиями на месяц. Таким образом,

планы исследования берегов к югу и северу падали, и, достигнув Карского моря, уже приходилось думать о возвращении назад. Однако, и Визе и Павлов отчасти исполнили свою задачу, и каждый из них описал некоторое расстояние берега в том направлении, куда должен был итти. Вернулись они порознь, но почти одновременно, 15 апреля.

Оставалось ожидать возвращения экспедиции самого Седова, отправившегося в сопровождении боцмана Инютина. Но дни проходили за днями, и о ней не было никаких известий. Так прошел весь апрель, наступил май — Седов все не показывался. Наконец, было решено, что если к 15 мая Седов не вернется, то ему навстречу выйдет Пинегин с большим количеством провианта.

Но в ночь на 14 мая Седов явился. Черный, грязный, закоптелый, пропитанный ворванью и сажей, истощавший, потерявший за время пути около 40 фунтов весу. Уже эта экспедиция показывает, что в лице Седова Россия имела первоклассного полярного исследователя, смелого, отважного, настойчивого в достижении заданной цели.

Путь его был значительно труднее, чем переход через Новую Землю. Итти приходилось краем берега, и так как ледники Новой Земли круто спускались в море, то Седов почти все время держался припая, т. е. наносного, непрочного льда около берега, или свежего, новообразовавшегося льда, постоянно ломающегося силой прибоя. Опасных мест, которые приходилось преодолеть, не перечесть. Но выбора не было.

С одной стороны, 30-ти саженная кручь ледяных гор, с другой — открытое море. Часто приходилось пробираться с опаской мимо нависших скал и снежных масс, которые могли каждую минуту обрушиться и раздавить Седова и его спутника. В одном случае только успел караван миновать громадную стену ледника, выступом нависшую над морем на протяжении многих десятков саженей, как сзади послышался страшный шум и грохот. Оглянулись — выступа уже не было, он рухнул в море, сокрушая все на своем пути. На месте только что пройденной дороги бурно вздымались волны, из моря вздымались громадные айсберги, сталкиваясь между собой и поднимая каскады вспененной воды. Опоздай путники на несколько минут — они были бы погребены в морской пучине под ледяным обвалом.

Свежий тонкий лед часто гнулся под ногами или колыхался кругами. Не раз нарта оседала под лед, но всякий раз удавалось дружными усилиями вытащить ее на более крепкий лед. У мыса Малого Ледяного нарта погрузила своей тяжестью лед и очутилась в воде, вместе с собаками и людьми. Гибель, казалось, грозила неминуемо. Лед не выдерживал тяжести и ломался, пространство, залитое водой, все увеличивалось, люди и собаки то выскакивали на сухое место, то опять погружались под новыми участками ломающегося льда. И все это при морозе в 12° и сильном ветре со снегом. Так выбивались из сил в течение более одного часа, пока, наконец, достигли кусочка более прочного льда. Тут собаки понатужились,

взвыли и вытащили сани на крепкий лед. За ними выбрались и люди. Все было мокро. Только хронометр, привязанный к верху саней, каким-то чудом остался сухим. Но фотографические карточки были испорчены, и погибли последние остатки сахара.

Так добрались до мыса Ж е л а н и я, самой северной конечности Новой Земли. На мысе стояло несколько каменных груд, сложенных рукой человека, и старинный русский крест, быть может, поставленный еще Саввой Лошкиным, потому что кроме него никто не бывал в этом месте. Не застав Визе на мысе Желания, Седов двинулся ему навстречу к югу и достиг мыса Виссингер-Гофт. Оттуда отправился в обратный путь.

К первому мая кончились главные запасы провизии, и последние две недели путешественники питались исключительно мясом медведей, которых им удавалось убить, жаря это мясо на медвежьем сале. Жаровня была устроена импровизированная из порожней банки из-под консервов. Этот первобытный очаг действовал, однако, вполне исправно, и недостаток его был только один: он страшно коптил. Поэтому оба путника были черны, как негры. Впрочем, во многих местах удавалось собирать значительное количество плавника и разводить огонь.

Все экспедиции по Новой Земле, сделанные за год, в общей сложности покрыли расстояние около 3000 верст. И результаты их далеко не маловажны. Седов установил бесспорно, что карты севера Новой Земли далеко не соответствуют действительным очертаниям и должны быть значительно исправлены.

Таким образом, Седов попутно разрешил и ту проблему, которую указывала критикующая его план комиссия — исследовал север Новой Земли. Но, конечно, он и не думал ограничиваться этой задачей. Наоборот, после первого опыта долгого перехода с санями на собаках по неизвестным областям без припасов он еще более укрепился в мысли, что его план достижения северного полюса является осуществимым.

Но на пути к достижению северного полюса имелись два трудно преодолимые препятствия: недостаток угля, которого оставалось совершенно ничтожное количество, и негодность половины собак. С такими средствами достижение северного полюса было более, чем сомнительным. Но что делать? Возвращаться со всей экспедицией домой? Это было бы страшной потерей времени. Поэтому Седов решил послать о себе весть на родину и просить Комитет прислать к земле Франца-Иосифа судно, нагруженное углем и собаками.

Для этого он решил отрядить капитана «Фоки» Захарова, который и сам хотел вернуться в Архангельск. Ему была придана партия матросов из добровольно желающих оставить «Фоку». Партии этой была дана лодка и значительное количество провианта. Она на санях в июне отправилась на один из недалеких южных островов и оттуда при первой возможности должна была морем итти до Крестовой губы, где имелась колония русских поселенцев, и куда ежегодно два раза в лето приходил пароход. Однако, капитан

Захаров не оправдал надежд Седова. Он сидел на острове Заячьем до августа месяца, потом не распознал в пути Крестовой губы и миновал ее. Поэтому хотя он и добрался до Архангельска, но его спутники, вернувшись домой, умерли от истощения, а вести о Седовской экспедиции пришли с таким опозданием, что снарядить просимую Седовым помощь не было никакой возможности.

Между тем у Новой Земли северное лето было в разгаре, но «Фока» все не освобождался. Хотя море уже было свободно, но лед в бухте, где зимовал корабль, таял чрезвычайно медленно, и к середине июля экспедиция все еще находилась на месте своей зимовки. И кто знает, удастся ли вообще освободиться? В этих широтах ведь не редкость, что отдельные глубокие бухты и заливы остаются покрытыми льдом в течение всего короткого лета. История полярных экспедиций знает не мало случаев, когда вмерзшим кораблям не удавалось освободиться из льдов и приходилось зимовать несколько зим подряд на одном и том же месте.

Так проходили дни за днями, томительные в бездейственном ожидании. Пробовали было взрывать лед, но первые попытки показали, что всего имеющегося запаса взрывчатых веществ недостаточно, чтобы, хотя на один день, приблизить освобождение «Фоки». Так прошел весь месяц, вплоть до 20 августа, когда уже приходилось оставить надежды на освобождение. Но в ночь на 21 августа поднялся ветер с берега, и вол-

нением моря лед в заливе был разломан, «Фока» после небольших усилий освободился от сдерживавших, примерзших к бокам льдин и всплыл.

Нельзя описать восторг путешественников, когда они опять оказались на воле. К полудню были разведены пары и в тот же день начали пробиваться к северу. Но около берега было еще много льда, поэтому «Фока» шел очень медленно. В первый день пройдено было что-то около 1 мили, да и следующий день был не лучше. Лишь 24 августа льдины двинулись от берега, и вместе с ними вынесен был в море и корабль.

Началось плавание, а вместе с тем со всей остротой встал вопрос о топливе. Седов предполагал перед уходом в плавание подойти к берегу и там набрать плавника. Но от берега отделяла такая масса льда, что от этой мысли пришлось отказаться, и опасное плавание началось с очень небольшим запасом топлива.

Выйдя в открытое море, «Фока» направил было курс прямо к земле Франца-Иосифа. Но вскоре пришлось убедиться, что море было свободно только полосой, опоясывающей берега, верстах же в пяти начинались опять льды. Поэтому Седов решил направить курс к югу в обход льдов. Идя краем льда, сперва к югу, потом к западу, ему удалось достигнуть 50-ой параллели, и там курс был взят прямо на север, через льды. Вначале льды были редкие, рухлые, и плавание шло почти без помех. Только ночью приходилось останавливаться, так как в темноте трудно было лавировать между льдин. Но на следующий день, 28 авгу-

ста, путь стал хуже. Вот описание этого дня, данное Пинегиным.

«28 августа. С утра пробивались довольно успешно — лед не очень сплочен. Но ясно: чем дальше на север, тем плотней и толще пластины, и выше торосы. Легкий морозец; иногда приходится итти каналами, покрытыми плотной коркой молодого льда. В таких местах «Фока» ползет подобно мухе, попавшей в соус. На палубе тогда угрюмое молчание — его прерывают только сердитые выкрики команд, да непрерывные звонки в машину: «назад», «вперед», «вперед», «назад».

В самом деле, веселиться не от чего: ледяной пояс только начинается, а топливо наше приходит к концу. Если изрезать на дрова баню, то ее вместе с плавником хватит на трое суток. Мы же, пробыв во льду чуть ли не двое суток, не достигли еще и прошлогодней широты. Но, как и в прошлом году, отдельные пластины смерзаются в поля, оставляя все меньше свободных каналов. Мы ждем перемены, через подзорную трубу высматриваем с бочки, нет ли лучшего пути, но не видим ничего утешительного. Куда ни взгляни, одна картина: по горизонту марево белой, безбрежной пустыни, в сеть редких каналов вкраплены лужицы и полыньи. В дополнение к картине «Фока». Он бьется из последних паров, коптя последним мелким углем, вырывается из одного канала, чтобы застрять в конце другого. На мостике несколько черных, ничтожных в великой пустыне фигурок. Они напряженно следят, насколько их путь отклоняется от показываемого стрелкой, и сколько пройдено за час».

На следующий день положение осталось прежним. По просьбе товарищей Пинегин передал Седову всеобщее мнение, что борьба со льдом в такое позднее время безрассудна и может привести к гибели.

На это Седов только ответил:

«Нам нужна земля Франца-Иосифа. На мысе Флоры сложен Макаровым уголь; если топлива не хватит, будем жечь судно: что же делать? Итти же назад, пройдя труднейшую половину — преступление. Да и назад путь не легче, чем вперед. Проклятые льды!»

На следующий день, 29 августа, то же самое. Все те же льды, все так же трудно пробиваться.

«Скажу правду, утром настроение на корабле — царство угнетенности. Чудовища, именуемые топками, сожрали, наконец, и баню. Теперь в ход пошли разные доски и иной горючий хлам; пробуют ворвань тюленей. И ворвань превращается в пар. Если ее смешать с только что выгребенной золой, горит чудесно — механик не нахвалится. Матросы тащат последние поленья, доски и всякий мусор. Трудно удержаться от мысли о будущем. Наверное, с меньшей жалостью провожает разорившийся богач красивую мебель, любимые вещи, чем мы остатки топлива. Вот на этом бревне можно растопить воду для питья на добрых два дня, а обрубки старых канатов, смоченных в машинном масле, должны прекрасно накаливать печки.

Да, настроение подавленное. Но на мостике, по временам, мне кажется, я, как глазами, вижу, что в груди Седова кипит и пенится. Держит упорно по компасу прямо на норд, не сворачивая ни на пол гра-

дуса. Часто на пути небольшие льдины — он режет их с наслаждением. «Э-э-эх! Если суждено пройти, то пройдем». Я любуюсь им, как образцом воли да и вообще человека. Есть нечто в человеке, заставляющее всех зверей отворачиваться от его пристального взгляда. Это нечто в Седове выражено резко, подчеркнуто. Такая подчеркнутость — самое характерное в нем».

На этот раз, однако, пройти было суждено. Под вечер в тот же день ветер стал крепчать, льды были поразогнаны, поредели, и надежда появилась у всех. И под утро 31 августа, наконец, увидели Землю, к которой пробивались вот уже целый год. К вечеру стали вырисовываться очертания берегов, и можно было различить отдельные острова.

Еще две охапки рубленных канатов под котлы, еще пол бочки ворвани.

«Верти, верти, Иван Андреич, догребай до Флоры», кричит в машинный кап штурман. «Близко, близко»!..

Но вот мыс уже совершенно ясно виден, видны и постройки бывшей колонии Джэксона, прославившейся на весь мир после того, как к ней вышел Нансен с Иогансеном. Хотя в тот же день не удалось с'ехать на землю — было уже слишком темно, когда стали на якорь, но к ужину была все же подана бутылка шампанского, на этикетке которой еще в России было написано:

«В честь достижения земли Франца-Иосифа».

Около мыса Флоры экспедиция стояла несколько дней, занимаясь охотой на моржей, чтобы запастись

мясом, а главное, ворванью для топлива. Кроме того, был тщательно собран весь уголь и все топливо, какое только можно было найти на острове. К сожалению, его оказалось неожиданно мало. 4 сентября, под угрозой напора льдов, спешно закончили нагрузку убитых моржей и угля и снялись с якоря с намерением войти в Британский канал и, пробираясь меж островов, достигнуть моря королевы Виктории, которое остается свободным почти все время года, и которым Седов надеялся достигнуть таких широт, каких в этих областях корабль не достигал никогда. Но как раз, когда, казалось, главные препятствия были преодолены, и обычно самая трудно проходимая часть Британского канала была пройдена, путь перегородил несломанный лед. Ткнулись туда, сюда, но везде то же, везде лед, не сломанный за это лето. Прохода к северу не оказалось.

Седов хотел было попробовать счастья другими каналами. Быть может, через них ему удастся проникнуть в море Виктории. Пошли в пролив Аллена Юнга. Но так как наступила ночь, то остановились около крошечного островка. В эту ночь было принято решение относительно новой зимовки.

«На палубе хлопотали с креплением канатов, началась раздача корма собакам и медведям, на мостик поднялся механик И. А. Зандер и доложил Седову:

«Я подсчитал все топливо: его не хватит на весь завтрашний день. Если сожжем все, что осталось, хватит часов на восемь, не больше».

Седов задумался и долго молчал. Потом на мой немой вопрос он сказал:

— Будем зимовать где-нибудь поблизости. Что поделаешь!.. Сто лишних верст до полюса. Но зато будем стоять там, где нам нравится».

Действительно, на другой день удалось около острова Гукера найти бухточку, как нарочно приспособленную для зимовки, которую назвали «Бухта Тихая». Она была так глубока, что корабль удалось подвести к самому берегу, и сходни были перекинуты прямо на берег. Судно было крепко пришвартовано к берегу не только от бортов, но и от мачт. Эти натянутые тросы были словно струны, на которых зимой ветер разыгрывал свои мелодии — корабль и натянутые струны составляли как бы один колоссальный музыкальный инструмент.

Вторая зимовка сложилась далеко не так благоприятно, как первая. Прежде всего не было достаточного количества топлива. О том, чтобы отапливать все помещения корабля, как это делалось в прошлую зиму, не могло быть и речи. Пришлось всем стесниться. Кубрик, где помещались матросы был упразднен, все матросы разместились по каютам, а кубрик разобрали и пустили на топливо. Кроме того, были приняты и другие меры для того, чтобы сделать жилье возможно более теплым: были устроены дополнительные двери, носовую и кормовую часть юта забрали досками, промежутки засыпали золой и землей; такой же слой положили сверху. Эти меры до известной степени защитили путешественников от стужи, тем

более, что все участники экспедиции порядочно попривыкли к холодам, не боялись простуды, относились как к развлечению, если кто-либо во время прогулки по льдам попадет в воду и потом возвращается домой обледенелый, как сосулька. Но все же за эту зиму им пришлось потерпеть, если не из-за холода, то из-за сырости и из-за спертого воздуха от тесноты и недостаточного проветривания.

К этому присоединился недостаток свежей пищи. Туши моржей, сваленные наспех в трюм, тронулись гниением, нового же мяса запасти не успели.

К концу октября последствия новых условий жизни стали сказываться заметно — начались тревожные заболевания, очень похожие на цынгу. Пинегин 31 октября записывает:

«Последствия сырости в каютах начинают сказываться — штурман жалуется, что его десны распухли и зубы шатаются: бедняга может жевать только мягкое. Почти то же самое у повара Ивана. Сегодня днем на прием к Кушакову явился механик просить спирту. Для чего? Зубы болят. Кушаков глянул в рот, а там все десны полопались, от них идет тяжелый запах. Кушаков, рассказывая об этом, назвал болезнь «воспалением десен». Он не думает, что это признаки цынги, как считают некоторые из нас, видавшие уже классическую цынгу. Мне хочется отметить, что все воздерживающиеся от солонины, чувствуют себя вполне здоровыми. Зандер же особенно любит солонину. К сожалению, мы не можем убедить заведующего здравием

на «Фоке» прекратить питание солониной, хотя на темное время года».

А в начале ноября Пинегин записывал:

«Наш быт усложнился такими заботами, каких не знали раньше. Нужно следить за экономным расходованием топлива — теперь жгут остатки разломанной кладовой, принимаемся разбирать грузовую палубу. Одолевает сырость — нужно держать сухим свое помещение, вытирая воду и скалывая лед. Пообносилась одежда — изобретаем способы починки ее и обуви. Применяемся к тесноте, к более суровым условиям собственной работы. Быт становится интересным. Коноплев смастерил на днях веретено и прялку, теперь, очистив куделю, взятую для конопатки, ловко сучит из нее нитки на дратву. Геолог из подкладки футляра, пожертвованной кино-оператором от своего аппарата, мастерит новые рукавицы — кожа футляра пойдет на подошвы. Художник засучил рукава и мнет тюленью шкуру, предварительно обработав ее щелочами — опыт выработки шкур для широкого производства обуви. Открыли кузницу, чтобы во время приготовить побольше кирок, они пригодятся, когда настанет пора освобождать из льда «Фоку». В это же время возводится роскошный дворец под наблюдением по проекту «знаменитого снегового архитектора Лебедь-Лебединского». Дворец — чудо полярной архитектуры: так сложна система хижин, переходов и связывающего их коридора, который предположено довести в одну сторону до самой метеорологической станции, а с другой до хижины магнитных наблюдений.

Седов и Визе уже более недели ведут там наблюдения без перерыва день и ночь, сменяясь по вахтам».

Но и работа не всегда спасает от уныния. И в декабре опять жалоба:

«В нашем жилище монотонность и уныние. Седов еще до экскурсии жаловался на слабость десен; в эти дни они сильно распухли. Признак цынги у такого крепкого человека тревожит всех.

Трудно не поддаться чувству подавленности, овладевающему всеми при виде повальных болезней. Отсутствие солнца и мясной пищи действует и на меня; впрочем, я чувствую себя лучше, чем в прошлом году, анемия ощущается не в столь сильной степени: она выражается, главным образом, в трудности взяться за дело, в быстрой утомляемости и отсутствии нервного под'ема. Это, в свою очередь, порождает скуку, мелкие житейские мыслишки, и вот этого-то я не могу простить полярной ночи.

Возможное в прошлом году ныне исключено. В это время мы занимались подготовкой праздничных торжеств, пустяками. Они были нужны и возможны в обстановке досуга, когда мы жили в сухом и теплом помещении... Ныне же, когда «Фока» растапливается собственным корпусом, трудно устраивать иллюминации. Расходовать живую энергию на пустяки в то время, как мы предоставлены своим собственным силам, нелепо. Всему свое время».

«19 декабря. Болезни на «Фоке» усиливаются. Утром Зандер внезапно почувствовал, что ему плохо, температура прыгнула на 40 °. Слег Коноплев. Десны

Седова кровоточат, распухли ноги, одышка, слабость, сонливость. Вполне здоровых на судне только семь человек: я, Визе, Павлов, Сахаров, Лебедев, Пустошный и Линник. У Кушакова тоже распухли десны. Он убеждает, что все эти болезни «пятнистый ревматизм». Оставшиеся здоровыми — на подбор, все воздерживающиеся от солонины, относятся к этому диагнозу скептически... Беда лишь в том, что лечение пурпурного ревматизма и цынги — противоположно друг другу. Наши больные вместо свежего воздуха и подходящей диэты, лежа в душных каютах, получают огромные порции салицилового натра.

Мы, здоровые, пока не падаем духом. Распределив работу, лежавшую раньше на больных, подбадриваем их и друг друга. Струн спускать не хотим. Готовится номер рождественского журнала, под акомпанимент пианино разучивается целое действие из оперы «Сказание о граде Китеже» с хором и солистами; ежедневно для сохранения здоровья гуляем не менее двух часов».

Под самое Рождество судьба послала путешественникам гостинец: удалось убить медведя. Вот красочное описание этой охоты.

«22 декабря... После обеда Седов высунулся из каюты и спросил меня, в исправности ли моя винтовка, — собаки на корабле что-то подозрительно воют. Минуты через три вернулся с прогулки Инютин и доложил, что несколько собак, отбежав к айсбергу, подняли сильный лай. Я и Седов, захватив ружья, вышли посмотреть, в чем дело. Из-за воя собак на судне мы

не могли расслышать, в какой стороне находятся убежавшие собаки, — лишь в сотне-другой шагов от корабля разобрали мы слабый лай, доносившийся с юга.

Около айсберга в полуверсте от судна копошились темными пятнышками у ледяной стены собаки. Подойдя шагов на тридцать, мы начали различать, кроме них, еще какой-то белый предмет, столь же, впрочем, похожий на медведя, как и на кусок снега или торос в снегу.

Собаки держались полукругом, примыкавшим к ледяной стене. Нам казалось странным, что белые Ободрыш и Разбойник рядом с белым медведем выглядели в темноте почти черными. Я и штурман подождали Седова и все вместе подошли шагов на двадцать. Седов выстрелил в медведя, я тотчас же за ним. Медведь взревел и бросился бежать с быстротой оленя, смяв по пути какую-то собаку, — мы не видели еще такого быстроногого. Когда собаки вцепились в него на бегу, он стал вертеться и прыгать, как рассерженная кошка. Пользуясь случаем, что собаки разбежались в стороны от страшных прыжков зверя, я дал по нему выстрел, наугад, не видя мушки, и, конечно, не попал, ибо медведь бросился бежать, огибая айсберг еще резвей, чем после первых выстрелов. Следовало бы сохранять осторожность в борьбе с таким зверем, но в темноте как убить его иначе, как в упор? Седов бросился вслед, я же побежал отрезать дорогу с противоположной стороны айсберга, крича в то же время идущим от корабля зрителям, что медведь бежит на них. Мишка, завидя ряд фонарей, предпочел повернуть и

взобраться на айсберг в том месте, где он был пониже — около сажени обрыва, а дальше до вершины наклонная плоскость.

Нельзя было не залюбоваться молодецким прыжком: это не медведь, а тигр какой-то. Спустя секунду по неровностям льда за медведем взобрались на айсберг несколько собак. Начался бой на ледяной плоскости с наклоном градусов в сорок. В несколько секунд медведь подмял одну собаку, другая с визгом скатилась с обрыва. Седов выстрелил. Медведь спрыгнул с обрыва, но, встретив внизу новых собак, опять взлетел на айсберг и снова смял собаку.

Я подошел к краю обрыва и выстрелил два раза, последний выстрел оказался удачным, штурман осветил фонарем медведя — я разобрал на дуле ружья очертание мушки. Зверь взревел, сделал огромный прыжок, еще подпрыгнул и, облепленный собаками, покатился по откосу и рухнул с обрыва, а за ним повалились, как пушинки, собаки и стали рвать издыхающего зверя. Из шести пуль, выпущенных в медведя, его задели только три; одна поцарапала шкуру, другая пробила ногу, мой последний выстрел разорвал сонную артерию.

Убитый медведь — пушистый самец с серебряной шерстью необыкновенной красоты».

Этот день памятен для жильцов «Фоки». Он так непохож на тоскливо однообразный ряд других дней. Но только теперь они могли почувствовать, как далеко они отошли от культурной жизни.

«Любопытно было бы посмотреть со стороны на дикую напряженность охоты во тьме, потом на крова-

вое пиршество у убитого медведя. И здоровые и больные, за исключением трех-четырех человек, пили горячую медвежью кровь. До этого дня я не был кровопийцей, но сегодня горячо расхваливал эту жидкость, отнюдь не подавая виду, что она мне противна: я знал, что она единственное лекарство от цынги: им одним спасаются самоеды и русские на всем побережьи Ледовитого океана. Большинство вняло моим увещаниям. К сожалению, два более слабых «ревматика», Зандер и Коршунов, не поверили похвалам напитку и отказались на отрез. Седов попробовал, но не мог пить. Что же делать, ведь, для нас кровь единственное лекарство.

Конечно, картина сегодняшнего дня необычна даже для нас. Но посторонний наблюдатель заметил бы, как обтрепалась одежда, далекая от заботливого женского взгляда, насколько привыкли люди ходить небритыми, засаленными. Я замечаю, что манеры становятся все более грубыми, шутки и остроты никому не показались бы особенно тонкими...

Полярная ночь прекрасна. Вокруг чудеса. На небе роскошное празднество. А на земле...»

Несмотря на удачную охоту, Рождество не было слишком веселым. Всех смущала болезнь и общая слабость Седова. Его речь, произнесенная перед экипажем, на этот раз не производила обычного впечатления.

Новый Год был встречен усилившимися холодами, так что жилье, если только возможно, стало еще хуже. Но больные, получавшие свежее мясо медведя — здоровые получили только на Рождество и на Новый Год

— стали поправляться. Лучше почувствовал себя и Седов. Это сразу подбодрило всех. Ведь на начало февраля назначалось выступление к полюсу... Поправится ли, окрепнет ли он к тому времени?

С половины января стали приготавливаться к путешествию: отбирать провиант, прилаживать сани и пр. Седов первоначально предполагал взять с собой вспомогательную партию, которая проводила бы его до земли кронпринца Рудольфа. Но в последнюю минуту оказалось, что, кроме Пинегина, не было никого здорового, кто бы мог войти в состав второй партии. При этих условиях надеяться достичь северного полюса и вернуться, т. е. пройти около 2000 верст, конечно, было безумием. Но Седов надеялся достигнуть больших широт. И, как ни отговаривали Седова некоторые его спутники, он все же оставался непоколебим и лишь повторял:

«Я верю в свою звезду»...

Наконец, 2 февраля, еще при тьме полярной ночи, Седов в сопровождении матросов Линника и Пустошного отправился в путь. С ними были трое саней и 28 собак. Провизии было взято для людей на пять месяцев и для собак на $2^1/_2$ месяца. Начальником экспедиции на время своего отсутствия Седов назначил Кушакова.

Ровно через месяц после ухода Седова на «Фоке» скончался механик Зандер. В последний день перед смертью он просил об одном, чтобы нашли где-нибудь «шесть досок» для гроба. Но и эту просьбу выполнить

не удалось — досок на «Фоке» не было, и Зандера пришлось похоронить в холщевом мешке.

Но «пришла беда, отворяй ворота»...

«6 марта после утреннего кофе, — рассказывает Пинегин, — мы собрались, как во все последние дни, стрелять нырочков на полынье, но заспорили о чем-то и немного задержались. Штурман махнул рукой на спорщиков, закинул на плечи винтовку и вышел. Минут через пять он вбежал запыхавшись с искаженным лицом:

«Господи, да что же это такое, Георгий Яковлевич возвращается. Не знаю... Нарта с севера идет...

Выбежали, в чем были. У пригорка метеорологической станции увидали — из-за мыса показалась нарта с каяком.

Случилось несчастье? Седов тяжко заболел? Просто открытое море впереди, как встречалось Джэксону? Очевидность неудачи? Беда? Никто из нас не бежал, как всегда, поскорее встретить, узнать.

Нарта миновала мыс. Только одна нарта и около нее только два человека. Возвращавшиеся уже не могли не видеть нас, но шли без радостных знаков привета и криков, молча. Беда?

Спустя несколько мгновений, когда глаза привыкли к свету, я разобрал, кто идет: впереди собак Линник, а сзади, поддерживая нарту, Пустошный.

Седова нет

Через минуту мы окружили вернувшихся.

Где начальник?

— Скончался от болезни, не доходя до Теплиц-Бай. Похоронили на том острову.

Стояли долго в молчании. Только собаки радостно визжали, ласкаясь к нам. Молчали и вернувшиеся. Так вот чем кончается экспедиция, вот куда привела Седова вера в звезду... Как обманывают нас звезды....

Линник и Пустошный с черными обмороженными лицами, без улыбки и со скорбной черточкой у рта, изможденные, исхудавшие, откинув капюшоны назад, начали рассказывать

Под вечер в кают - компании один из нас записал со слов матроса всю недолгую историю путешествия к полюсу. Тогда же для сопоставления с рассказом прочитали путевой дневник Седова.

Дневник кончался на 17 дне февраля. 17-ое число в книжке метеорологических наблюдений поставлено рукой Седова, но записи сделаны не его рукой; наблюдения доведены до 19 февраля — два последние дня их производил Пустошный.

17 февраля отмечено появление солнца. Дневник кончается обращением к нему: посвети солнышко там на родине, как тяжело нам здесь на пловучем льду»...

По рассказам матросов Седов в самом начале путешествия скрывал от спутников свое тяжелое положение; по дневнику ход болезни яснее.

Первые три дня болезнь не особенно беспокоила Седова. Опухоль ног и одышка уменьшились, он чувствовал себя бодрее. Но только три дня. С каждым новым — появлялись новые болезненные ощущения, и

тело слабело. В эти дни ударили невыносимые холода со страшными встречными штормами при 35° мороза. Да и почти все время путешествия ветры упорно дули навстречу. Больной должен был вдыхать жгучий, холодный воздух, бороться с условиями, губительными для крепчайшего организма.

После стоянки вблизи острова Марии-Елизаветы Седов ослабел — он еле мог двигаться на ногах. Пройдя несколько сот саженей, больной сел на нарту и больше почти не сходил с нее. Но каждое утро запрягались собаки, и караван двигался вперед, тянулись к северу три нарты. С этой поры для матросов начались страдные дни; их давило беспокойство за вождя, било морозом, томила тяжелая работа. На остановках они ухаживали за больным, как за отцом. Но какая зашедшая далеко болезнь может излечиться в палатке на снегу при постоянном сильном ветре, насыщенном тридцатью градусами мороза?

За островом Марии-Елизаветы начинается море Королевы Виктории. Наши путешественники двигались по льдам его, постоянно видя вдали открытую воду. На одной из первых стоянок к лагерю подошел медведь. Седов, еле держась на ногах и качаясь, вышел из палатки на охоту: он и тут не хотел пренебречь запасом пищи для собак. Собаки задержали зверя верстах в двух от палатки и загнали его в тюленью продушину. Добыча казалась обеспеченной, собаки не выпускали зверя из западни — подойти и выстрелить в упор. Но вышло не так. Что-то случилось с затвором ружья — курок не разбивал пистона. Взбешенный

неудачей Седов направился к палатке. По дороге охотник упал от слабости и больше подняться не мог. Спустилась темнота и туман. Линник один добрался до палатки. Больного привезли к лагерю уже на нарте.

С этой стоянки началась страшная борьба беспощадной полярной природы с больным слабым человеком, вооруженным лишь волей, да верой в свою звезду. Дорога по тонкому, гнущемуся льду сменялась непроходимыми торосами. Режущим ветром сожгло дочерна лица. Истомленные трудом и холодом, матросы еле управлялись с тремя нартами. Седов лежал на средней нарте, в спальном мешке, крепко привязанном сверху качающейся нарты. Больной часто впадал в забытье, как не живая, склонялась голова, и тело безвольно следовало движениям нарты и толчкам в торосах. Очнувшись, Седов первым делом сверял курс с компасом и не выпускал его из рук во все время сознания. Матросы замечали, как он подолгу осматривался, словно стараясь узнать острова, лежащие на пути. Спутникам казалось, что Седова мучила мысль, как бы они самовольно или обманом не повернули, не увезли на судно, не сменили северного курса.

Вплоть до 16 февраля, пока карандаш не выпал из обессилевшей руки, дневник Седова повествует, как проходилось ежедневно то или другое количество верст — все к северу, к северу, какие заботы волновали ведущего записки, какие встречались затруднения. Есть на страницах заметки по географии пустынных островов, что тянулись по сторонам пути, есть обыкновенные мысли рабочего дня. Но в записках трудно найти

что-нибудь похожее на страх перед будущим или необходимость отказаться от своих задач.

Между тем, после случая на охоте матросы стали понимать ясно, чем может кончиться поход. Они пробовали сначала намекать Седову, потом стали просить открыто — нужно вернуться на судно. Но разве можно поколебать Седова.

«Улыбнется», рассказывает Линник, «махнет рукой».

— Нет, оставь это, скажет, брось думать о судне. Я на Теплиц-Бай в пять дней поправлюсь.

А сам иногда, особенно часто в последние дни, повторял в забытьи:

«Боже мой, Боже мой, все пропало».

Становилось страшно.

Морозы не сдавали, не прекращались ветры. Больной организм не мог уже восполнять усиленной потери тепла. Седов все время дрожал, его знобило в палатке, хотя примус горел все время — расход керосина достигал иногда десяти фунтов в день.

15 февраля в дневнике записано: «Навалился густой туман, кругом полыньи. Слева открытое море». Недалеко от земли Карла-Александра одна из нарт провалилась в молодом льду. Ее вытащили довольно легко. Груз, помещенный в каяке, даже не промок. Дальше двигаться совсем было нельзя. Пришлось остановиться. Решили подождать, когда лед окрепнет. К тому же разразилась буря.

В этом лагере разыгрались заключительные сцены полярной трагедии. Три последние дня жизни в па-

латке, вернее агонии когда-то крепкого железного организма, страшны и в рассказе. Седов лежал в спальном мешке, одетый в меха. По временам он жаловался на нестерпимый холод. В один из таких моментов приказал обложить палатку сверху донизу снегом и держать примус зажженным на обе горелки.

«Только зажжешь примус», рассказывает Линник, «кидает в жар».

— Туши примус.

Проходит четверть часа, так задрожит, что иней с палатки сыплется.

— Зажег примус? Нет, не нужно, надо беречь керосин. Впрочем, все равно.

То ложась рядом в мешке, чтобы согреть вождя, то растирая холодные опухшие ноги, покрытые синими пятнами, маялись матросы четыре дня и четыре ночи без сна. В последние дни Седов не пил, не ел: вовсе не варили горячей пищи. В дневнике несколько раз встречается запись: «Надо бороться с болезнью». Передавали матросы: Седов часто говорил: «Я не сдамся, нужно пересилить себя, стану есть». Но есть не мог. Пустошный предложил как-то любимых консервов — мясной суп с горохом, взятый для праздников. «Да, да, консервов!» Пустошный вышел из палатки отыскать на дне каяка нужные жестянки.

Ревела страшная буря. Трудно было стоять на ногах. С напряжением откапывая каяк, Пустошный вдруг ослаб, закружилась голова, хлынула из горла и носа кровь. Бессонные ночи, еда кое-как, тревога... сломили цветущую молодость Пустошного. Бедняга

приполз к палатке без консервов. Пришлось пойти Линнику. Когда консервы, наконец, были сварены, Седов не проглотил ни ложки супа — приступ лихорадки и боли в груди отняли сознание.

Матросы не видели ни дня, ни ночи. В темной палатке трепыхался синий огонь примуса. Седов метался. Они замечали, что дыхание его все учащается, становится трудным. Иногда они держали больного в полусидячем положении; так легче становилось дышать. Линник сосчитал пульс и сравнил со своим — пульс Седова бился вдвое быстрее.

20 февраля во втором часу дня Седов стал внезапно задыхаться:

«Боже мой, Боже мой... поддержите».

И задрожал смертельной дрожью.

Живые долго сидели, как скованные, не смея ни пошевелиться, ни вымолвить слова.

Наконец, один пришел в себя, закрыл глаза покойного и прикрыл лицо чистым носовым платком. Примус потух. Буря стихала, как будто оторвав мятежный дух, занесший сюда недвижимое теперь тело, она успокоилась.

Пустошный рассказывает — охватило отчаяние и ужас. В темноте тесной палатки, пригнетенной сугробом, трудно было двинуться, не задев спального мешка с телом покойника — смерть не давала забыть себя ни минуты. Совсем не приходило мыслей о будущем, о всем, что ждет еще впереди, что делать с телом, куда итти, как спастись самим — матросы сознавали одно: вот здесь на тонком льду среди земель, им неизвест-

ных, они остались в страшной пустыне, без вождя, как выводок без матери, уставшие и больные, лицом к лицу с враждебной природой, с мертвым телом на руках, телом, которое когда-то воплощало волю, которой они привыкли верить слепо до конца.

Пробудил холод. Надо было что-нибудь делать.

Посоветовавшись, решили итти в Теплиц-Бай, отыскать склады Абруццкого, запастись там керосином (оставался один галлон, менее десяти фунтов) и, бросив все лишнее, привести тело Седова на судно.

24 февраля, оставив лагерь на произвол судьбы, они на одной нарте пересекли пролив и, подойдя, как думают, к земле Кронпринца Рудольфа, пошли вдоль западного берега его. Шли недолго: встретили открытую воду, море подошло вплотную к обрывам глетчерного берега. Матросы не решились двигаться по глетчеру без приметных точек. И по морскому - то льду шли они крайне медленно из-за неуверенности в правильности пути и постоянных споров о курсе. Когда спускался туман, они останавливались. Выходило: Седова не довезти до судна. Решили похоронить его тут же. Им стало ясно, что, плутая между островами с тяжелой нартой, до судна не дойти.

«Да и, действительно, один грех выходил в торосах — нарта переворачивается, тело падает», говорил Линник.

На клочке земли, черневшей поблизости, матросы выбрали подходящее место для могилы и принялись за последнюю работу для своего вождя. Завернутое в два брезентовых мешка тело положили в углубление,

вырытое киркой, сверху наложили камней, сколько могли, и водрузили крест из связанных лыж.

С обнаженными головами матросы произнесли единственную пришедшую на память молитву: «Упокой Боже раба твоего Георгия». Немного постояли. Когда вспотевшие волосы смерзлись на голове, надвинули капюшоны, взяли по камню с могилы для себя и жены покойного и вернулись к лагерю сбираться в дорогу.

Где могила Седова? — Матросы плохо читали карту с непонятными английскими надписями. Со слов вернувшихся все же можно заключить с большой долей уверенности: на мысе Бророк земли Кронпринца Рудольфа у подножия высокого обрывистого берега, на высоте от моря приблизительно саженей пять, в месте, где кончается восточная часть глетчера и начинается каменистый берег. Вместе с телом положен шелковый русский флаг. Рядом с могилой положена кирка.

Обратный путь дался матросам нелегко. Шли две недели, споря у каждого острова, какой держать курс. Когда удавалось попасть на прежний след, делали большие переходы. Пережидали вьюги и каждый туман. Несколько раз теряли всякое представление о том, куда идут. Уже недалеко от бухты Тихой близ острова Кетлица, совсем заблудившись, направились в пролив Аллена Юнга к совершенно незнакомым островам и ушли бы скитаться среди мелких островов южной части земли Франца-Иосифа, если бы не заметили аркообразный айсберг у острова Кетлица. На него обратили внимание только потому, что вид

его запомнился, когда Седов фотографировал эту игру природы. Матросы не ели горячего четыре дня, керосин окончился. На остановках без горячей пищи мешок совсем не грел настывших тел.

После гибели Седова перед экспедицией оставалась одна задача — возвращение домой. Но и эта задача была не легка. Ведь было известно, что не всякий год пароходы могут пробиться через льды, даже летом опоясывающие землю Франца-Иосифа. «Фока» же не имел запасов угля, а пробиваться через льды на парусах было, конечно, немыслимым делом. Поэтому приходилось считаться с возможностью плавания на лодке или путешествия пешком через ледяное поле к Новой Земле, как это сделали экспедиции Пайера и Леи Смита.

С наступлением июля, приготовления к возвращению домой были в разгаре. Все научные работы, кроме метеорологических наблюдений, были прекращены; зато начались работы по установке разобранной на зиму паровой машины. С этим делом пришлось много повозиться. Единственный механик на судне Зандер скончался, а кроме него никто не мог похвалиться точным знанием механизма машины. В положении механика очутился Коршунов, который тоже был болен и почти не мог ходить. А между тем от этого зависела судьба экспедиции. Но Коршунов постоял за себя. В течение трех недель он неустанно возился над машиной, примеривал, прилаживал, обдумывал, чистил, сверлил, стучал молотком, завинчивал гайки, с помощью матросов двигая тяжелые

части. Наконец, заставив провернуть вал, сказал, что машина готова, и на нее можно положиться, и, действительно, машина не выдала . . . Надо было ее только кормить.

А с кормом для машины дело обстояло плохо. Единственным запасом топлива мог служить кораблю он сам, т. е. приходилось пустить в дело все ненужное из строения корабля. Еще заблаговременно распилили на дрова утлегарь и высокие стеньги обеих мачт — получилась на вид изрядная куча дров. Однако, по вычислениям оказалось, что ее могло хватить только на разведение паров. Пришлось выпилить часть фальшборта. Собрали в одно место остатки кубрика, грузовой палубы, кладовых и всякий горючий хлам. Приготовили ворвань. На случай необходимости путешествовать на баркасе, приготовлен был и отложен соответствующий провиант. Все научные работы экспедиции и журнала были сложены и запаяны в цинковые ящики.

Но корабль оттаивал медленно, гораздо медленнее, чем этого хотелось узникам. И вот началась борьба со льдом. Все, кто только мог держаться на ногах, стал на работу — на выпиливание льда и подведение к «Фоке» свободного пространства от ближайшей полыньи. Трудна была работа и незначительны результаты. Но помогла погода. Разразился довольно сильный шторм, который понаделал во льду трещин. Оставалось только оттолкнуть льдины, и 10 июля настал торжественный момент: «Фока» свободно всплыл на воду.

Момент отплытия приближался. Разведка показала, что свободное пространство воды ведет не к югу, а к северу. Являлась мысль, что, может быть, удастся обогнуть остров Хукер и пройти с другой стороны. Один Пинегин считал такой план рискованным и советовал или подождать, или хотя бы хорошенько разведать. Но большинство стояло за немедленную отправку. Палуба была приведена в походный порядок, вещи собраны. На берегу в последний раз была убрана свежим дерном могила Зандера и над ней поставлен крест с надписью.

И 17 июля в 10 часов утра подняли якорь и поплыли. Проходя мимо могилы Зандера приспустили флаг «Фоки» и отдали траурный салют.

Плавание не сразу пошло удачно. Открытый путь к северу вскоре замкнулся, полынья кончилась тупиком. Пришлось повернуть обратно, чтобы пробиваться в южном направлении. Но тут, недалеко от места зимовки, «Фока» сел на мель. Сперва путешественники надеялись стащить судно, укрепив якоря на соседнем ледяном поле. Но когда якоря стали тянуть, то двинулся не корабль, а ледяное поле. Произошла смена течений, и вся громада льдов, надвинувшись на «Фоку», стала толкать его все дальше на мель и на берег. «Фока» скрипел, трещал, подскакивал накренившись — и после короткого натиска льдов оказался выкинутым на мель всем своим днищем. Казалось, плаваниям «Фоки» наступил естественный конец, и старый ветеран пришел к месту своей постоянной стоянки.

Но путешественники не падали духом. Рассчитывая на движение ледяного поля в противоположную сторону, они оставили якоря на льдинах, делая тем временем все возможное, чтобы облегчить корабль. Между прочим, на «Фоке» было около 2000 пудов воды вместо балласта — ее выкачали всю; выкинули, без сожаления, стопудовый якорь с цепью. И усилия не пропали даром — поздно ночью льдины двинулись от берега и стащили облегченный корабль с мели на свободную воду. В ту же ночь направились к мысу Флоры, рассчитывая там найти кое-какие запасы топлива и разобрать на топливо деревянный амбар. Но и до мыса Флоры было трудно добраться. После разведения паров и неудачного плавания заготовленная куча топлива уже значительно уменьшилась. Пришлось пожертвовать каютами на правом борту.

Вот как описывает Пинегин это плавание:

«Стоит перед глазами картина: на командном мостике напряженно глядят, не закрылся ли канал, не отжало бы «Фоку». А свободная вода совсем недалеко. В то же самое время в машинном отделении маленький Коршунов со скрюченными ногами прыгает, опираясь руками о помост, от цилиндров к топкам и обратно и кричит в рупор:

— Топлива! Топлива! Давление падает — только 45 фунтов...

Звонит телеграфом и шлет на мостик гонца за гонцом. А в юте треск и крики. Ломают, сдирают обшивку кают, рубят койки, превращают в щепы умываль-

ники, шкафчики, полки. Из соседних кают спешная эвакуация. Лают нервные собаки.

Морж. Морж на льдине! Ура!..

Выстрел. «Фока» ударяется о льдину. Скачет за борт человек, заносит на голову двойную петлю и на лебедку. Ход вперед. Через десять минут первые куски жира убитого моржа уже под котлом.

Проходит час. Снова вопли из машинного капа: «Топлива, топлива! Давление лишь 40 фунтов! Сейчас машина встанет!»

Ломается другая каюта, высматривают нового моржа. От толчка выпал старый фальшбимс, в топку его, хватит часа на полтора. В топку табуреты, туда же растрепанные книги, вперед, вперед! Не спускать паров, снова поднять их нечем. Топлива, топлива!

До мыса Флоры три ленивых моржа и два странно доверчивых тюленя сгорели на жертвеннике наших стремлений к югу».

Так, сжитая по частям, корабль, проталкиваясь между льдами, натыкаясь на громадные айсберги, после 40 часов плавания пришли к мысу Флоры. Причаливая к гавани и зорко всматриваясь в берег — вдруг с изумлением заметили там человеческую фигуру. Вся команда закричала «ура!» Многие стали уверять, что, очевидно, на выручку экспедиции пришло судно, о посылке которого Седов просил в письме, посланном через Захарова. И матрос Линник, стоявший у руля, выразительно провел около носа руками и проговорил:

— Теперь-то мы закурим.

Но Пинегин, всмотревшись поближе, ответил:

— Подожди, Григорий, сдается мне, что там ждут у нас табачком попользоваться.

Как только «Фока» стал на якорь — человек на берегу столкнул в море каяк и быстро под'ехал к пароходу.

«Я Альбанов, штурман парохода Св. Анны. Я пришел с 83° северной широты. Со мной один человек, шестеро на мысе Гранта. Мы шли по пловучему льду».

Вскоре он показался на борту корабля. Вид его был изможденный, платье крайне поношенное. «Св. Анна» — это корабль, на котором отправилась экспедиция Брусилова, собиравшегося морским путем пройти из Архангельска во Владивосток. От штурмана экспедиция узнала трагические подробности о плавании «Св. Анны», замерзшей льдом и в течение двух лет носившейся по морю.

10 апреля Альбанов и 10 матросов с согласия Брусилова отправились по льду к земле Франца-Иосифа. После долгих блужданий они достигли Земли. Но тут трое погибло, шестеро затерялось на одном из островов, и к мысу Флоры добрался только Альбанов с одним спутником.

Стремясь к мысу Флоры, путешественники предполагали не только собрать остатки топлива, но и разобрать на амбар. Дом же, как ни заманчивы были толстые бревна для топки, трогать не собирались. Но теперь, в виду встречи с остатками экипажа «Св. Анны», пришлось решиться на разборку дома, как ни печально было разрушать эту реликвию полярных исследователей, связанную со столькими воспоминаниями и собы-

тиями. Дело в том, что нужно было отправиться на поиски оставшихся товарищей Альбанова. Нельзя же было оставить их на произвол судьбы. «Живые люди дороже полярных реликвий».

26 июля погрузка беревен была закончена. В бамбуковой хижине на берегу оставили склад провианта и ружей. И отправились поздним вечером на поиски пропавших.

К сожалению, поиски оказались безрезультатными. «Фока» обошел все берега, где можно было рассчитывать встретить пропавших. От времени до времени он давал свистки, изредка стрелял из пушек. Но ни на берегу, ни в доме Эйры никого нельзя было заметить. Около мыса Гранта тоже напрасно стреляли из пушек и давали свистки — никто не показался. Дальнейшие поиски для судна, не имеющего топлива, были недоступны. Поэтому пришлось поиски прекратить, и «Фока» направился на юг. Плавание началось более чем благополучно — море, казалось, было совсем открыто. Многие начинали уже надеяться, не выпало ли на их долю чрезвычайное счастье, выбираться из льдов как раз в тот редкий год, когда кольцо льдин, почти всегда окружающих Землю Франца-Иосифа, разошлось с юга.

Но радость была преждевременной. Под вечер следующего дня температура воды резко понизилась, и издали показался белый отблеск. Это был пояс льдов. Вначале льды были разрозненные, рыхлые. Но при недостатке угля и это причиняло значительное замедление хода «Фоки». К исходу вторых суток плавания топливо пришло к концу. А между тем как раз к этому

времени лед стал сгущаться, и появились перемычки сплошного льда, которые приходилось пробивать. Временами, пользуясь попутным ветром, шли между льдами. Наконец, «Фока» врезался в кашу густого льда и не мог выбраться ни при помощи парусов, ни при помощи машины. Пришлось запастись терпением и ожидать. Правда, положение не было слишком опасным. «Фока» находился под 76° широты, и от места, где обычно льды кончаются, его отделяло не более одного градуса. Но что будет, если льды понесут корабль к северу?

Так стоять пришлось целых девять томительных дней. Но в последние дни задул крепкий ветер, и к 7 августа льдины несколько разошлись. Решено было попытаться пробиваться опять. Уже во время принужденной стоянки приготовились пожертвовать каютами, и, как только путь прочистился, принялись за разборку кают. После этой операции над палубой остались только наружные стены спардэка, внутри же — голый амбар.

Но и эта жертва не надолго утолила прожорливые топки. «Приготовленного топлива, описывает Пинегин, едва хватило поднять пары. Только тронулись — давление в цилиндрах стало уменьшаться. В топки полетели стулья, табуреты, шкафы, запасные паруса и снасти, политые остатками медвежьего сала. Все это сгорело очень быстро. «Фока» медленно пробирался узкими каналами. Край ледяных полей был недалек. Понеслись из машинных недр старые вопли:

«Топлива, топлива! Пар падает, падает!»

На экстренном совещании решили вырезать через один толстые дубовые бимсы «Фоки». Если бимсов не хватит, снесем наружные стенки спардэка, сами же переселимся в кормовую часть трюма. Через несколько часов «Фока» вышел из области полей и вступил в разрозненный лед. С наблюдательной бочки виднелось почти свободное море. Еще полчаса хода при помощи машины — можно будет сказать: льды позади, поставим паруса и поплывем на свободе.

Горел последний бимс, все слабее и слабее вращался винт. Мы пожалели спардэк. Нам жилось совсем неуютно. Но переселиться в темный, сырой, насквозь пропитанный ворванью трюм? . . . «Фока» остановился. Несколько часов спустя подул слабый ветерок — подняли паруса. «Фока», то задерживаясь у отдельных льдин, то останавливаясь из-за безветрия, двигался медленно, почти незаметно для глаза. Доходила уже крупная зыбь; с треском хлопали на качке вяло надутые паруса. Так продолжалось несколько часов, потом повеял ветерок, и меньше чем в час расстояние, отделявшее от открытого моря, было пройдено.

Слава «Фоке»! Салют победителю!

Но опасности не были кончены. «Фока» шел только при помощи парусов, с очень малым запасом пресной воды и имея угрожающую течь. Течь эта была заметна при самом выходе из Архангельска, но теперь от всех передряг значительно усилилась, и в сутки набиралось до 5000 ведер воды. Когда работала паровая машина, она приводила в движение насос, и течи можно было не бояться. Но теперь приходилось ежедневно

семь часов работать над ручными насосами, чтобы сохранить плавучесть корабля. Кроме того, на «Фоке» не было балласта. Поэтому сильный шторм мог одним порывом потопить корабль.

Все понимали это, но никто не верил. Если судьба избавила от стольких опасностей, то, разумеется, не затем, чтобы потопить около домашнего порога.

Но, вот, 14 августа показалась земля.

Однако берег вначале принес не только радость, но и тревоги. Подходили к нему уже под вечер. Но к изумлению капитана, знавшего наизусть все очертания берега в тех местах, где стояли маяки, не было огней. Еще более поразило путешественников, что большой, ярко озаренный огнями, пассажирский пароход, попавшийся им навстречу, в ответ на сигнализацию «Фоки» потушил огни и поспешно ушел в сторону. Лишь на следующий день от рыбаков получили разгадку этих загадочных явлений, узнав, что Россия ведет войну с Германией, и у берегов боятся появления неприятельских кораблей.

17 августа «Фока» бросил якорь у становища Рында. Здесь экспедиция получила уголь и через несколько дней благополучно достигла Архангельска.

Экспедиция Седова обычно признается неудачной. И, действительно, глава ее погиб, цель ее не была достигнута, и всем участникам пришлось пережить не мало тяжелых дней лишений и тревог. Но она во всяком случае не безрезультатна. Значителен уже ее научный вклад. Критики Седова указывали, что для России важнее исследование севера Новой Земли, чем путеше-

ствие в далекие полярные страны. И как раз эту задачу Седов разрешил во время своей вынужденной зимовки у Панкратьевых островов, и разрешил, можно сказать, с идеальной полнотой. Три перехода поперек Новой Земли, маршрутная с'емка почти всего северного побережья заполнили почти целиком пробелы в географии Новой Земли, остававшиеся после работ Пахтусова, Литке и Циволки. Метеорологические и магнитные наблюдения дополнили результаты экспедиции Седова *). И смело можно сказать, что уже эти результаты сами по себе могли бы оправдать снаряжение и более дорого стоющей экспедиции, чем экспедиция Седова. В начале прошлого столетия правительство построило специальное судно и четыре раза снаряжало его в плавание под командой Литке, которому, кстати сказать, даже ни разу не удалось ни морем, ни по суху достигнуть мыса Желания. После полумифического Лошкина, после великого мореплавателя Баренца, первым Седов научно исследовал эти области русской земли.

Значительно беднее результатами зимовка у берегов земли Франца-Иосифа. Но условия плавания к этой земле являются почти беспримерными в истории полярных исследований, тем более, что Седов мог уже с честью вернуться домой. Но он искал подвига и умел

*) К этому надо добавить, что художником Н. В. Пинегиным впервые под такими широтами было сделано множество этюдов, послуживших материалом для целого ряда картин, знакомящих широкую публику с красотами дикого севера. Им же было произведено множество фотографических и кинематографических интереснейших снимков, в немалой степени расширяющих и углубляющих значение работ экспедиции.

увлечь за собой горсточку наспех собранных, случайных людей, которые без ропота шли за ним. Трагически закончившаяся экспедиция к полюсу была, конечно, безумством храбрых, которым слагаются песни. И смело можно сказать, во всей истории полярных путешествий, где главный интерес всегда сосредоточен на упорстве и силе воли людей, преодолевающих препятствия, едва ли можно найти страницы, равные по силе потрясающему рассказу о последних днях Седова *). Поэтому невольно спрашиваешь себя, чего бы достиг этот человек, будь в его руках большие средства и возможности! И думая о будущем, припоминая целый ряд северных задач, которые нужно еще разрешить России, мы можем быть уверенными — задачи эти будут быстро разрешены до конца, если только будет побольше таких людей, как Седов.

В заключение для полноты нельзя не упомянуть, что в последние годы перед войной Россия переживала небывалое оживление полярных плаваний. В том же 1912 году, когда началось плавание экспедиции Седова, в море вышли геолог А. В. Русанов на яхте «Геркулес» и лейтенант Брусилов на судне «Св. Анна». В это же время у восточных берегов Ледовитого океана крейсеровали два ледокола «Вайгач» и «Таймырь» составляющие дальневосточную гидрографическую экспедицию. В 1913 году эти ледоколы под командой капитана Б. А. Вилькицкого совершили чрезвычайно

*) К тому же мы не в праве забыть: никогда еще нога русского не ступала добровольно так далеко на севере, как это удалось, несмотря на все трудности, сделать Седову.

удачное плавание. Им удалось проникнуть к северу от Новосибирских островов, окончательно установить, что на том месте, где предполагалась земля Санникова, никакой земли нет. Кроме того, они посетили остров Гордона Беннета и взяли с собой геологические коллекции, собранные еще бароном Толлем. Неподалеку им удалось открыть новый маленький скалистый остров, названный островом генерала Вилькицкого. Пытаясь в том же году обогнуть Челюскин мыс, ледоколы встретили сплошной, неломанный лед. Они хотели обойти льды с севера, но при этом наткнулись сперва на небольшой остров, названный островом цесаревича Алексея, идя еще далее к северу открыли большую землю, один восточный берег которой был протяжением не менее 150 верст. Эту землю назвали они землей Николая II. Это открытие, чрезвычайно важное с точки зрения изучения условий плавания северо-восточным путем, является одним из самых замечательных за последние десятилетия.

Но еще больше экспедиций плавало по Ледовитому океану в следующем 1914 году. В виду тревоги за судьбу экспедиций Седова, Русанова и Брусилова были организованы обширные поиски их, в которых приняли участие корабли «Герта», «Андромеда» и «Эклипс»; последний находился под командой знаменитого помощника Нансена капитана Свердрупа. «Андромеда» осмотрела западные берега Новой Земли, «Герта» достигла земли Франца-Иосифа, где нашла сведения об уходе «Фоки». Свердруп же, пройдя Карское море, был задержан льдами и решил остаться зимовать.

В это время ледоколы «Вайгач» и «Таймырь» под командой капитана Вилькицкого опять крейсеровали по восточным водам Ледовитого океана. На этот раз им опять удалось открыть остров к северу от Новосибирских островов, по размерам приближающийся к острову Гордона Беннета. После этого ледоколы направились к западу и успешно миновали Челюскин мыс. Но в Таймырском проливе они попали во льды и вынуждены были остаться на зимовку. К зимовке, однако, оба судна не были подготовлены: они не имели достаточного количества припасов, которые к тому же не были приспособлены к условиям полярной зимовки. Кроме того, на ледоколах не было ни саней, ни собак, словом, никаких средств сообщения по льду на случай возможной гибели кораблей. Но для перемены судьбы не пришлось ждать конца зимовки. 7 января радиостанция уловила сигналы беспроволочного телеграфа. Оказалось, что это говорил «Эклипс». При помощи «Эклипса», которому в свою очередь удалось связаться с Югорским Шаром, Вилькицкий мог войти в сношения с Петербургом и сообща обдумать и решить, какие меры помощи должны быть предприняты. Благодаря этим мерам, весною часть экипажа с ледоколов по льду отправилась сперва к «Эклипсу», а затем, получив присланных оленей, берегом достигла поселений у Енисея. Во время навигации 1915 года оба ледокола освободились из льдов и, получив посланный им навстречу уголь, благополучно достигли Архангельска.

Последние сведения об экспедиции Брусилова получены были от штурмана Альбанова, спасенного экспеди-

цией Седова. Очевидно, после ухода Альбанова «Св. Анна» была раздавлена льдом и погибла со всем экипажем. Жертва тяжелая, но отнюдь не бесплодная. Дрейф корабля, занесший лейтенанта Брусилова, правда против его воли на далекий север, в области, куда после «Фрама» ни один корабль ни разу не проникал, дает весьма ценные сведения о движении льдов северного океана. Наряду с дрейфом «Фрама» и остатков «Жаннетты» путешествие Брусилова дает материал для составления связной картины об образовании и судьбе грандиозных плавучих ледяных полей.

Об экспедиции Русанова последнее сообщение еще в 1912 году гласило, что он от Новой Земли собирается пуститься в плавание в направлении к острову Уединения. Остров этот в 1915 году был посещен Свердрупом, но никаких следов экспедиции Русанова там найдено не было, и экспедиция эта тоже считается погибшей.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.

Стр.

Абруццкий, герцог . . . 98, 105, 108, 147
«Агадырь», река (см. р. Анадырь) 15, 16
Алексеев 17
Алексея цесаревича остров 161
Алеутский архипелаг . . . 28
Аллена Юнга пролив 130, 148
Альбанов . . . 154, 155, 163
Амундсен 73, 99, 104, 106, 107
Амур 22
Анадырь, река (см. р. «Агадырь» 18, 19, 27
Аначинская бухта 27
Анжу 82, 84
Анкудинов 17

Б*алашов, П. Н.* 105
Баренц . . 30, 50, 114, 159
Белковский остров 84
Белушья губа 111
Белый остров 70
Бенар 51
Беннета остров (см. Гордона Беннета остр.)
Беринг 17, 20, 21, 22, 23, 25, 27, 28
Берингов пролив 27, 75, 78, 105
Берха остров . . . 47, 49, 50
Благовещенский пролив . . 84, 88, 89, 90, 91, 96

Стр.

Бобровое море 27
Большой Каменный Нос (см. Чукотский Нос) . . . 17
Большой Ляхов остров . . 87
Борисов, А. А. . . . 50, 51
Брандт 37
Британский канал . . . 130
Бророк, мыс 148
Брусилов . 154, 160, 161, 163
Бруснев 85, 91
Будберг, барон . . 63, 67, 68
Бунге земля . . . 88, 89, 90

В*айгач*, остров . 12, 37, 54, 55
Вайпрехт 99
Вассингер-Гофт, мыс . . 123
Веригин, Ф. 13
Виггинс 4, 71
Визе, В. Ю. . . 109, 112, 117, 118, 119, 121, 123, 134, 135
Виктории королевы море . 130, 142
Вилькицкий 28, 99, 104, 160, 162
Вилькицкого генерала земля 161
Вишняков 60
Восточный мыс (см. Дежнева мыс) 19
Высокий, мыс 88

Стр.

Геденштром 75
Гордона Беннета остров (см. Беннета остр.) 76, 78, 80, 83, 84, 85, 86, 88, 91, 92, 93, 95, 96, 161, 162
Гордон Беннет 75
Гранта земля . . 98, 154, 155
Гренландия . . 77, 98, 105
Грили 98
Гринневецкий 51
Губин 34
Гудзон, Генрих . . . 30, 98
Гукер, остров 131

Дальний, мыс . . . 49, 50
Дежнев, С. И. 4, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21
Дежнева мыс (см. Восточный мыс) 19
Де-Лонг 4, 75, 76, 81, 99, 106
Джэксон 129, 140
Дикин . . . 108, 109, 114
«Доходы», мыс (см. Желания мыс) 14

Еремин 48

Желания мыс (см. «Доходы» мыс) . . 14, 118, 123, 159

Зандер, *И. А.* . . . 109, 130, 132, 134, 138, 139, 140, 149, 151
Зандер, М. А. 109
Захаров, Н. П. . . 109, 124, 125, 153
Заячий остров 125
Зееберг 83, 93
Зеленая, речка 10

Индигирка, река . . 15, 86
Инютин 121, 134
Иогансен, Эдвард 4, 50, 70, 71, 98, 129

Казачье 86
Каменка, бухта 38

Стр.

Камчатка 4, 17, 19, 21, 27, 28
Каньи 98
Карлсен, Эллинг . 4, 70, 71
Кетлиц, остров 148
Коломейцев 79
Колчак, А. В. 78, 83, 86, 88, 91 — 96
Колыма, река 16, 22, 27, 103
Колызанов 33
Коноплев 133, 134
Коршунов . . . 138, 149, 152
Котельный остров 75, 80, 82, 83, 84, 87, 88
Крестовая губа 51, 103, 111, 124, 125
Крестовые острова . . . 111
Кривая Коса 100
Крузенштерн, П. . 54, 56, 57, 69, 70
Куй, деревня 54
Кук 99, 104
Кулой, река 10
Кушаков, П. Г. 109, 132, 135, 139

Лаптев, *Дмитрий* . 4, 23, 27
Лаптев, Харитон 4, 23, 26, 27
Ларионов 67
Ласиниус 27
Лебедев 135
Лебедь-Лебединский . . 133
Леи Смит 149
Линник . 135, 139, 140, 141, 143, 144, 145, 146, 147, 153
Литке 35, 50, 159
Локвуд 98
Лошкин, Савва 4, 13, 14, 31, 123, 159
Лычев 62

Мак 71
Макаров 99, 128
Малыгин 23, 24, 27
Малые Кармакулы, селение 51
Малый Ледяной мыс . . 122

Стр.

Малый Ляхов остров . . . 87
Мангазея . . 10, 11, 12, 52
Маркхэм 98
Марии-Елизаветы остров 142
Матисен . . 62, 64, 67, 69, 84
Маточкин Шар 31, 33, 34, 35, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51
Мезень 86
Мельвиль 76
Менделеев 100
Меньшикова мыс 43
Миддендорфа залив . . . 79
Михайлов Стан . . . 88, 89
Моисеев 49
Муравьев 23
Мутная, речка 10

Наи 30
Нансен, Фритьоф 4, 28, 74, 77, 81, 98, 99, 106, 115, 129, 161
Незнаемый залив 51
Николая II земля . . . 161
Норденшельд . . . 4, 19, 28 35, 70, 71, 73, 74, 77, 99, 108
Нэрс 98

Обдорск 70
Обская губа 10, 24
Овцын 23, 24, 27
Оленек, река 25, 26
Охотск 21, 23
Охотское море 22

Павлов 23
Павлов, М. А. 109 118, 119, 120, 121, 135
Пайер 99, 149
Панкратов 69
Панкратьевы острова 112, 159
Пахтусов, П. К. . . . 4, 35, 37—51, 118, 159
Петтерман 106
Петтермана земля . . . 105

Стр.

Печора (см. Пустоозеро) 10, 11, 37, 44, 54
Печорский край . . . 54
Пинегин, Н. В. 5, 109, 110, 111, 116, 117, 121, 127, 128, 132, 133, 139, 140, 151, 152, 153, 159
Пири 98, 104
Попов 68
Прончищевы 4, 23, 25, 26, 27
Пустоозеро (см. Печора) . 10
Пустошный 135, 139, 140, 141, 145, 146
Пэрри 98
Пэрри архипелаг 72

Резанов 60
Розмыслов 4, 32, 33, 34, 35, 46
Росс, Джемс 72
Рудольфа кронпринца земля 139, 147, 148
Русанов, А. В. 51, 160, 161, 163
Рында, становище . . . 158

Санников 74
Санникова земля . . . 74, 77, 78, 80, 81, 161
Сахаров, Н. М. . . . 109, 135
Свердруп . . . 161, 162, 163
Седов, Г. Я. 4, 5, 51, 100—163
Сибиряков 73, 77
Сидоров, М. К. 53, 54
Симонесекский рейд . . 103
Ситников 59, 60, 61
Скаген, мыс 36
Скрыдлов 103
Скуратов 24
Соколий остров 55
«Студеное море» 15
Суворин, М. А. . . 105, 107

Тазовская губа 10
Таймырский полуостров . 26, 31, 73, 74, 78, 79, 80

Стр.

Таймырский пролив 79, 162
Таймырь, река 26
Теплиц-Бай . . 141, 144, 147
Тикси, бухта 85, 86
Тихая бухта . . . 131, 148
Толль, барон . . 28, 74—99, 108, 115, 161
Тронтгейм 115
Туруханск. 24

Уединения остров . . . 163

Фаддеевский остров . . 84, 87, 88, 90
Флоры мыс 128, 129, 152, 153, 154, 162
Франклин . . . 22, 72, 99

Хатанга залив . . . 25, 26
Химков, А. 13
Химков, И. 13
Хукер, остров 151

Ц*иволка* . . 45, 46, 49, 159

Стр.

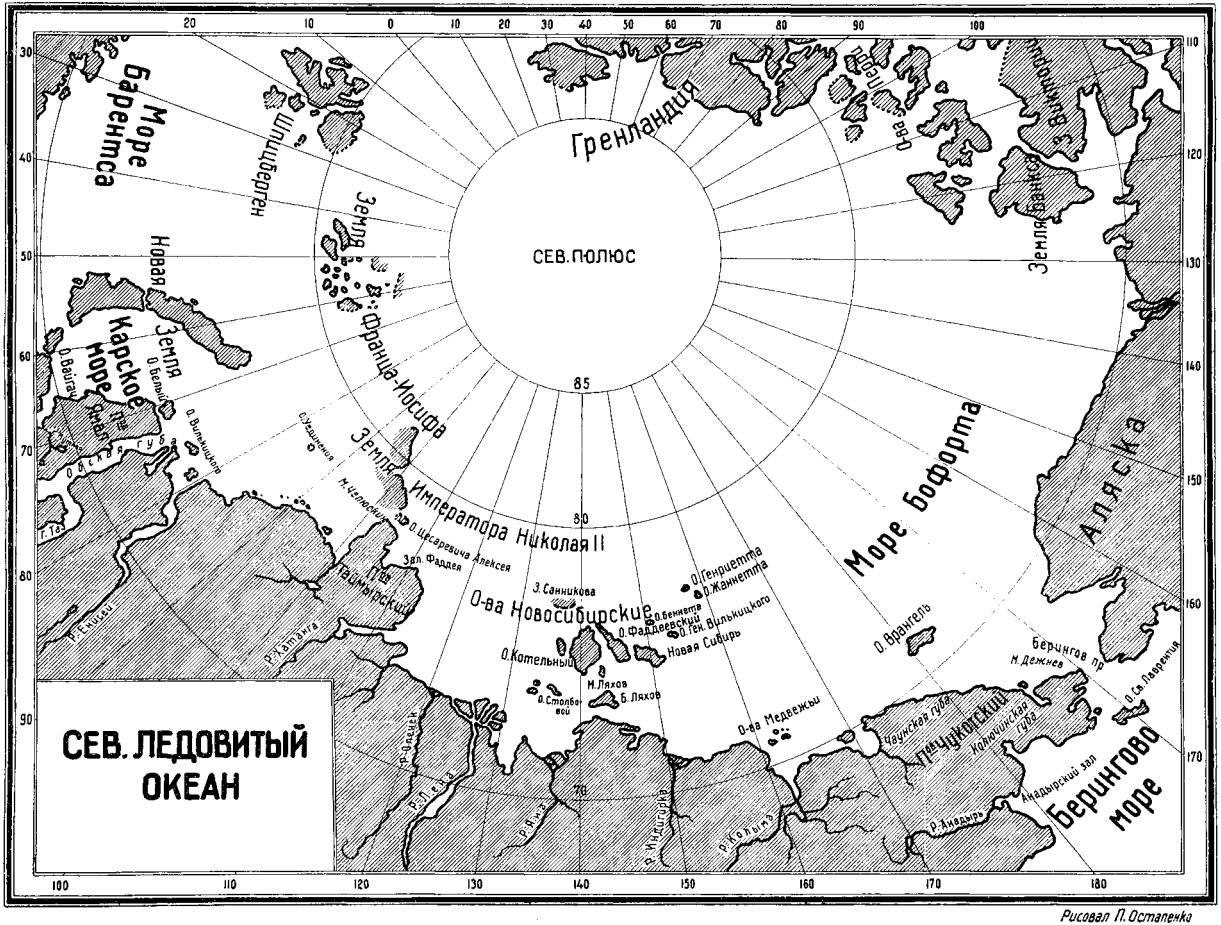
Ч*елюскин, С. И.* 4, 23, 26, 27
Челюскин мыс 26, 74, 78, 79, 80, 161, 162
Черноусов 64
Чип 76
Чиракин 31, 32, 33
Чириков 23, 27, 28
Чукотский Нос (см. Большой Каменный Нос) 17, 22, 73
Чупов 45

Ш*арапов, С.* 13
Шпицберген, остров 12, 13, 98
Шульгин, В. В. . . . 105

Эдварда мыс 120
Эммы мыс 80, 93

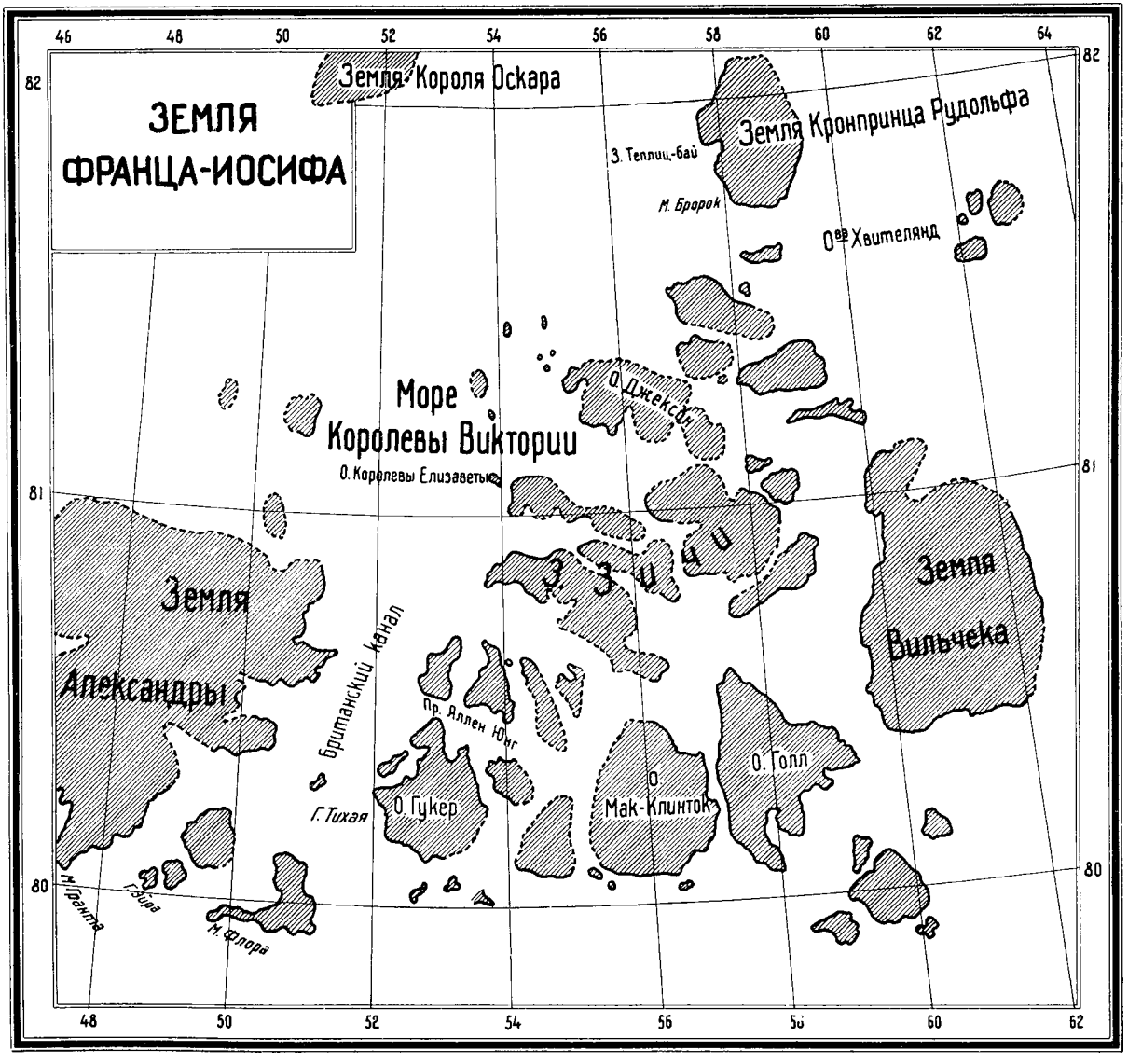
Югорский шар 53, 55, 71, 78, 162
Юшков 13

Ялмал, полуостров . . 10, 11, 12, 24, 50, 56, 69, 70
Ян 86



Рисовал П. Остапенко

60
75
70
М. Ледяной
М. Желания
М. Насау
М. Литке
О. Панкратьева
О. Берха
М. Миддендорфа
Пов Адмиралтейства
М. Эдвард
М. Дальний
О. Пахтусова
Губа Крестовая
Сухой Нос
Зал. Незнаемый
Карское
Губа Серебрянка
Маточкин Шар
О. Белый
М. Малыгин
море
С. Гусиный Нос
Гусиная земля
Ю. Гусиный Нос
Костин Шар
Карские ворота
М. Харасовый
Шараповы Кошки
Пов Ямал
О. Вайгач
Югорский Шар
Байдарацкая губа
р. Мутная
Губа Хайпудырская
НОВАЯ ЗЕМЛЯ
Об'яснение знаков:
(1) Зимовка Розмыслова 1768-69 г.
(2) „ „ Пахтусова 1832-34 г.
(3) „ „ „ „ 1835-36 г.
(4) „ „ Седова 1912-13 г.
(5) „ „ Баренца 1596-97 г.


ЗЕМЛЯ ФРАНЦА-ИОСИФА
Земля Короля Оскара
Земля Кронпринца Рудольфа
З. Теплиц-бай
М. Бророк
О-ва Хвителянд
О. Джексона
Море Королевы Виктории
О. Королевы Елизаветы
Земля Александры
Земля Вильчека
Британский канал
Пр. Ялмен Юнг
О. Гукер
Г. Тихая
О. Мак-Клинток
О. Голл
М. Гранитная
Г. Бора
М. Флора
46
48
50
52
54
56
58
60
62
64
82
81
80